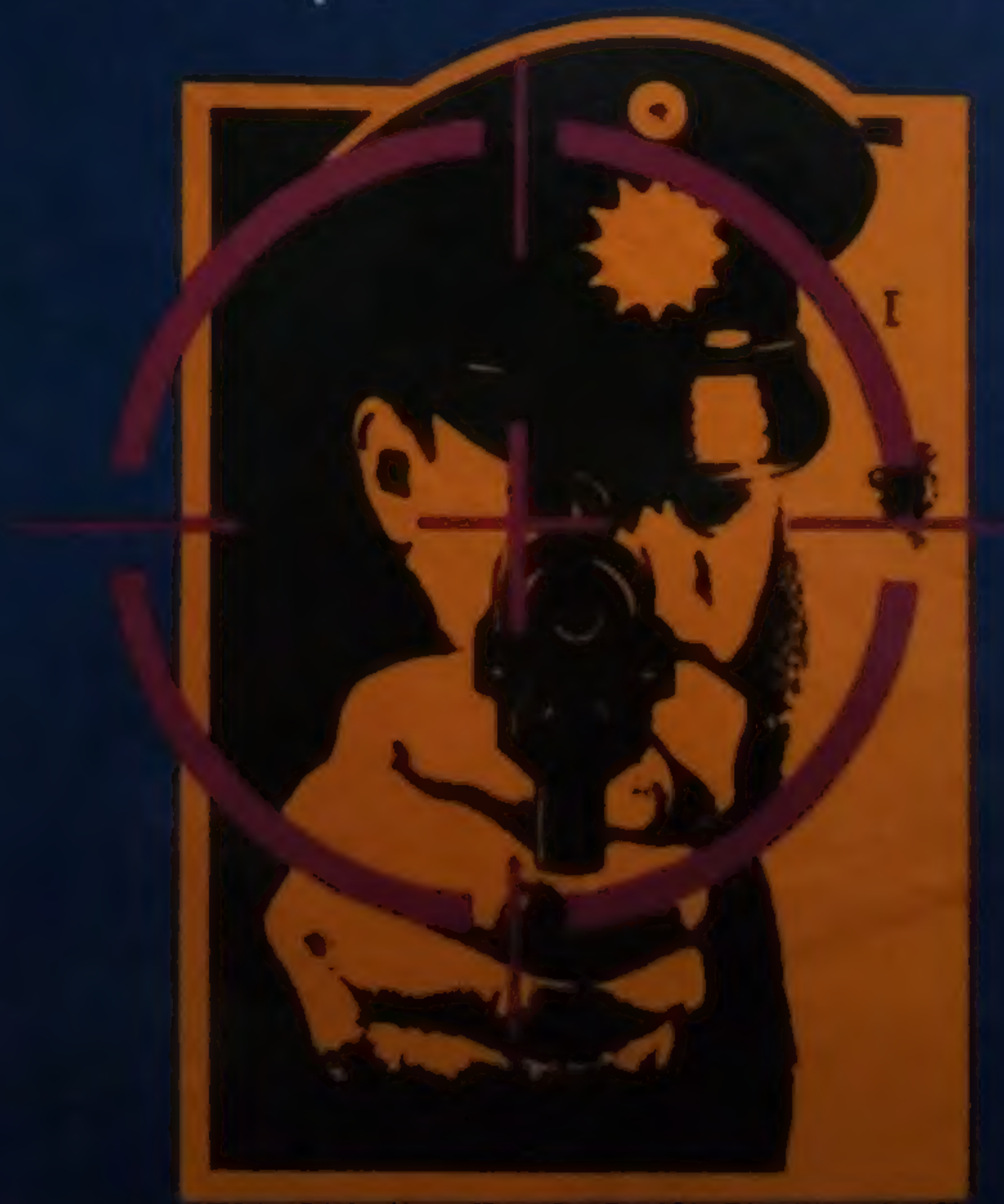

МАРКО
НЕЗЕ

СПРУТ

МАРКО НЕЗЕ

СПРУТ

3-4

Роман

(По сценарию телесериалов
«Спрут-3 и «Спрут-4»

Сандро Петральи и Стефано Рулли;
киносюжет — Эннио Де Кончини)

Перевод с итальянского Г. Богемского

МОСКВА

МОСКОВСКАЯ ШТАБ-КВАРТИРА
МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ
«ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА» (МАДПР)

ББК 84.411
Н 44

Редактор Е. В. Стояновская

Н 4703010100—029 без объявл.
940(02) — 91.

ISBN 5—85275—031—X

© Составление, перевод, оформление. Московская штаб-квартира Международной ассоциации «Детектив и Политика», 1991

© Г. Богемский, сокращенный перевод с итальянского, 1991

© 1989 by Nuova ERI Edizioni
RAI

п
п
п
п
ш
че
го
Э
пр
ни
на

ро
и
не
ки
не
те
ск
ж
вы
ак
а
вс
сту
ра
чес

сю
ни
ско

От переводчика

С ТЕЛЕЭКРАНА — НА СТРАНИЦЫ КНИГИ

История появления романа «Спрут» итальянского писателя Марко Незе необычна. Мы привыкли к тому, что пьесы, кинофильмы, телесериалы рождаются на основе популярных книг. В данном же случае литературное произведение возникло как романский вариант нашумевших не только в Италии, но и далеко за ее пределами четырех сериалов (каждый в шести сериях) телевизионного боевика «Спрут» по сюжету известного киносценариста Эннио Де Кончини. Роман состоит из двух книг. Мы предлагаем вниманию читателей вторую книгу, содержание которой соответствует не так давно показанным по нашему телевидению третьему и четвертому сериалам.

Успех «Спрута» на мировом телеэкране (он демонстрировался во многих странах) не только сенсационен, но и поистине феноменален. И на вопрос о причинах такого невиданного успеха, наверно, должны ответить, кроме кино- и телекритиков, и социологи, политологи. Дело явно не только в мастерски закрученном сюжете и привлекательном герое — мужественном и неподкупном полицейском комиссаре Коррадо Каттани, ведущем борьбу не на жизнь, а на смерть с могущественной мафией и ее высокими покровителями, и даже не в воплотившем его актере — ныне сказочно популярном Микеле Плачидо, а в том стремлении искоренить насилие, коррупцию, всяческую скверну из жизни общества, прекратить преступную торговлю наркотиками, оружием, землей под радиоактивные отходы, — стремлении, которым объята честная люди во всем мире.

Несмотря на детективную форму, на увлекательность сюжета — с убийствами, погонями, любовными приключениями (ибо комиссару Каттани не чуждо ничто человеческое), посыл произведения неизменно серьезен, а фон

действия — не только реалистичен, но подчас документально точен. «Спрут» вскрывает сложнейшие механизмы преступных махинаций мафии на всех — вплоть до самых высоких — уровнях, ее далеко и высоко идущие связи, в нем речь идет о событиях, которыми полны сегодняшние газеты — тут не только расследования и судебные процессы над мафией, убийства видных чинов прокуратуры и полиции, но и разоблачения связанных с мафией политических кругов и деятелей (мы найдем и организацию, весьма напоминающую масонскую ложу «П-2», желавшую создать теневое правительство, а может, совершить в Италии государственный переворот, и эпизоды, заставляющие вспомнить о похождениях неуловимого Синдоны, о загадочной смерти банкира Кальви и о многих других, оставшихся до конца не проясненными фактах итальянской политической жизни последних лет).

Роман дает возможность миллионам телезрителей восстановить и удержать в памяти промелькнувшие на экране события и персонажи, разобраться в довольно сложных хитросплетениях борьбы, которую ведет неутомимый Каттани против всемогущего «спрута» коррупции, в стремительных перипетиях действия. Автор — сорокапятилетний журналист Марко Незе, римский корреспондент влиятельной миланской газеты «Коррьере делла сера», написавший, помимо «Спрута», исследование «Под знаком мафии» и ряд репортажей для ТВ. Незе несколько изменил сценарную первооснову, придал произведению характер литературного повествования, переставил некоторые акценты, углубил психологические характеристики, больше внимания уделил событиям личной жизни комиссара Каттани. Литературная и поста «Спрута» имела такой же успех, как и сериалы — роман переведен на множество языков, писатель удостоен ряда литературных премий, в том числе «За бестселлер 1989 года», «За самую популярную книгу среди итальянской молодежи».

О популярности «Спрута» у нас не приходится говорить. Плачидо был признан самым популярным актером года, о комиссаре Каттани поют с эстрады и магнитофонных кассет, он, можно сказать, вошел в наш современный фольклор. Первая книга романа «Спрут» разошлась у нас за год более чем миллионным тиражом, стала дефицитом даже на «черном рынке». И думается, опять-таки дело не только в занимательности. Читатель ищет и находит в романе немало аналогий с ситуациями,

знакомыми ему уже и по нашей, а не только итальянской печати, ищет ответы на волнующие его вопросы, пока еще не нашедшие адекватного и столь доступного массовому читателю освещения в книгах наших писателей.

А «Спрут» тем временем продолжает свою телевизионную жизнь — итальянцы смотрели уже пятый сериал, насчет же постановки шестого возникли сомнения и вопрос рассматривался даже в итальянском парламенте — уж очень глубоко копают авторы сценария...

А издательство ЭРИ (государственное Итальянское радио-ТВ) уже обещает третью книгу — романную ипостась «Спрута-5».

Г. Богемский

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Боже мой, бывает ли среди людей суд правый? Или же правосудие — один обман, фикция, фальшивка?

Когда в зал судебного заседания вошел комиссар Каттани, наступила глубокая тишина. Он шел по залу с высоко поднятой головой, щурясь от слепящих вспышек фотокамер. Все взгляды были устремлены на Коррадо Каттани — плотного, темноволосого мужчину лет сорока, с суровым смуглым лицом; все стоящие в проходе полицейские почтительно расступились, пропуская его. Ведь этот процесс — детище комиссара. Ведь это он выстроил его, кирпичик за кирпичиком. На редкость интересное дело!

Мало сказать — интересное. Просто захватывающее! Несколько лет тому назад комиссара направили в квестуру* города Трапани руководить оперативным отделом — полицейским подразделением, постоянно, можно сказать, находящимся на передовой — как при выполнении специальных операций, так и при несении обычной службы.

Все в городе сразу заметили, что он настойчив и непреклонен, не боится рисковать. Он очень энергично провел несколько дел и вскоре смог лично убедиться в том, насколько иногда обманчива внешняя оболочка: кое-кто из известных в городе деятелей, пользовавшихся безукоризненной репутацией, на проверку оказались весьма сомнительными личностями.

Глазам Каттани открылась вся неприглядная подноготная местных воротил: видного адвоката, крупного банкира, группы предпринимателей. Хищными бестиями оказались они. Жадными, ненасытными, как пиявки. Ради денег способными на все.

---

* Городское полицейское управление. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Их богатство и высокое положение были плодом грязных махинаций. Они контролировали подпольный рынок наркотиков, международную торговлю оружием, занимались незаконными валютными операциями. И самое поразительное — все эти люди были связаны с Римом, где у них имелись сообщники в некоторых прогнивших политических кругах и даже в секретных службах.

Каттани собрал неопровержимые улики. Но использовать их не смог. Комиссара связали по рукам и ногам, полностью обезоружили, похитив его дочь Паолу. Шантаж, жестокая месть, которым он подвергся, не могли не оставить в его душе глубокого следа. А девочка после освобождения так никогда и не оправилась от пережитого шока. Ее рассудок не вынес страшной травмы, и через несколько месяцев она покончила с собой.

Один за другим были уничтожены друзья и самые преданные сотрудники комиссара. Покушались и на него — спасся он только чудом. Но за это спасение заплатила своей жизнью его жена Эльзе. В отчаянной попытке защитить мужа от пули она прикрыла его своим телом.

После всех этих трагических событий вокруг имени Каттани создавался ореол некоего легендарного героя. Но жизнь его разлетелась вдребезги, душа была опустошена, его уделом оказалось одиночество.

Сейчас этот процесс приобретал для него помимо всего значение реванша, возмездия. «Вы оставили вокруг меня выжженную пустыню, — так, наверное, думал Каттани, — но, черт вас побрал, вы все дорого мне за это заплатите: до конца своих дней будете обречены гнить в тюрьме». И, словно прочтя его мысли, адвокат Терразини послал ему из клетки для обвиняемых* презрительную усмешку.

Профессор же Лаудео, наоборот, не удостоил его даже взглядом. Глава некоей таинственной и влиятельной ассоциации, он располагал важными связями и знакомствами почти во всем мире. Не раз Лаудео лелеял надежду втянуть в свою организацию и Каттани, рассчитывая сделать его сговорчивее и держать под контролем. Но тщетно. Комиссар не клюнул на посулы, все попытки подкупить его были напрасны.

Зато графиня Ольга Камастра держалась за прутьями

* На крупных процессах подсудимых содержат в специальных клетках.

клетки не столь хладнокровно. То и дело метала она на комиссара испепеляющие взгляды — не могла простить ему, что он стал ее любовником лишь для того, чтобы до конца выведать секреты их шайки.

Каттани уселся в сторонке в последних рядах. Зал гудел от шума приглушенных голосов. Этот неясный гул волнами докатывался до комиссара. Голова у него была словно пустая. Не раз он уже успел пожалеть, что пришел сюда. Зачем я здесь? — спрашивал он себя, хотя и знал зачем: сегодня будет оглашен приговор. «Это мой последний шанс», — говорил он себе. Какой-то журналист отвлек его на минуту идиотским вопросом. «Какое чувство вы сейчас испытываете?» — спросил он. И комиссар вместо ответа лишь опустил голову, пытаясь скрыть раздражение.

Но вот в развевающихся тогах появились члены суда. Гуськом, с насупленными физиономиями, шли заседатели с трехцветными лентами через плечо, а за ними шествовал председатель суда, величественный и властный вид которого внушал доверие.

«Кто знает, — подумал Каттани, — а вдруг правосудие и впрямь бывает иногда справедливым?..»

Председатель суда устремил взгляд в глубь зала. Человек двадцать стоя ожидали в тишине оглашения приговора. Председатель водрузил на нос очки в золоченой оправе и прочистил горло.

«Именем итальянского народа...» — начал он. И зачитал решение суда. Графиня Ольга Камастра оправдана ввиду недостаточности улик. Адвокат Терразини приговаривается к двум годам тюремного заключения за вывоз капиталов за границу. Однако осужден условно.

Лишь Лаудео не удалось слишком легко отделаться: ему вlepили пять лет тюрьмы за некоторые слишком уж некрасивые финансовые махинации.

В первом ряду адвокаты защиты обменивались сияющими улыбками. За прутьями клетки Терразини метал взгляды, исполненные торжества и вызова. Все наиболее серьезные обвинения полностью отпали. Вся информация, представленная суду Каттани, по существу не возымела никакого действия.

Комиссара захлестнула волна невыносимого возмущения. Он готов был заорать во все горло, наброситься с кулаками на судей. Отчаянным усилием воли ему удалось взять себя в руки, и, борясь с подступившей тошнотой, он поспешил к выходу.

Вслед за ним устремились репортеры, тыча в лицо микрофоны. Он продирался вперед, отвечая лишь презрительным взглядом.

Как ему теперь жить дальше? Вспомнилась дочь, выражение ужаса и отчаяния на бледном личике в тот день, когда похитители ее отпустили, и они сидели в сквере на скамейке. Он попытался тогда ее обнять, но она его даже не узнала. Начала кричать, охваченная диким страхом.

И еще одна неотвязная картина снова всплыла перед ним: фонтан в парке клиники, а в его чаше — труп дочери, бросившейся в воду в приступе безумия...

Душу ему жег огонь ненависти и бешеной обиды. Перед глазами всплыло изрешеченное пулями тело судьи Бордонаро. Вспомнились и его заместитель Альтеро, и полковник Ферретти, которых застрелили, когда они вот-вот должны были раскрыть имена героев самых скандальных махинаций...

Герои одни и те же: Лаудео, Терразини, их влиятельные друзья. Каттани понадеялся на закон. Назвал их имена в докладе, где точно и подробно изложил все факты. Но ничего не попишешь. Судьям оказалось этого недостаточно, все кончилось ничем.

Да нет, разве может человек рассчитывать на людское правосудие?

До самого вечера комиссар, борясь с душившей его яростью, бесцельно метался по улицам. Наконец он сел на набережной. Тибр тяжело катил свои воды мимо соборов и серых громад зданий. В темных его волнах тускло отражались вечерние огни.

Каттани потрянул головой, провел ладонью по лицу, словно пытаясь стереть следы гнетущего тоскливого отчаяния. Сел в машину и поехал домой. Магазины были уже закрыты, городские улицы опустели.

На какой-то окраинной улочке глазам его открылась сцена, заставившая его резко затормозить. У пылавшего на перекрестке костра грелась совсем юная проститутка, почти что девочка.

Проезжая мимо, он обернулся. А она, вертя бедрами и покачиваясь на тощих ногах, широко ему улыбнулась.

Каттани остановил машину и подошел к ней.

— Чао! — мяукнула девчушка, стараясь придать своему голосу возможно больше сексуальности. Вблизи она казалась еще моложе. Лицо лоснилось от крема, губы

покрывал толстый слой помады. — Эй! — зазывно пропела она. — Знаешь, как меня называют? Принцессой. Ну давай иди сюда, сам убедишься. — Принцесса из меня что надо.

От ее веселости и развязности на версту отдавало натугой. В глазах у «принцессы» застыло выражение того безысходного уныния, которым обыкновенно помечены такие, слишком рано созревшие девицы.

— Сколько тебе лет? — спросил Каттани.

— Почти шестнадцать.

Комиссар, подойдя к ней поближе, с горечью и болью всматривался в ее лицо. Губы его дрогнули, словно борясь с немотой. Наконец он с недоверием и удивлением услышал свой голос:

— Теперь моей дочери было бы примерно столько же, сколько тебе...

Девушка смущенно наморщила лобик и спросила:

— Почему «было бы»? Она куда-то уехала?

За спиной у нее потрескивал костер, пламя отбрасывало пляшущие тени на усталое лицо Каттани.

— Да, уехала, нет моей девочки, — пробормотал он с отчаянной тоской. — Отправилась в долгое путешествие. И матери ее тоже нет. Уехали обе. Навсегда.

Он снял пиджак и хотел было набросить его на плечи «принцессе».

— Похолодало. Пошли отсюда. Я отвезу тебя домой. Поздно уже.

Девушка увернулась.

— Ой, да это какой-то псих! — злобно взвизгнула она. — Чего ты ко мне привязался?

Коррадо взял ее за руку. Веки сами собой сжались, и на мгновение ему показалось, что он держит мягкую руку дочери.

— Пойдем, — повторил он. — Я должен увезти тебя отсюда.

Девушка упиралась.

— Пусти! — пронзительно заорала она. — Мне работать надо, ты что, не понимаешь? Вали отсюда ко всем чертям, чтоб ты сдох!

И тут из стоящей неподалеку машины выскочили два типа, наблюдавшие всю эту сцену. Они решительно двинулись на Каттани с явным намерением отбить свою подопечную у странного клиента.

— Эй, послушай! — прошипел тот, что пониже, с длин-

ными кудрявыми лохмами.— Ты что, нарываешься на неприятности?

Коррадо лишь мельком покосился на него. Крепко держа девушку за руку, он нежно гладил ее ладонью по лицу, словно пытаясь стереть толстый слой косметики.

Вмешался и второй тип — белобрысый парень со сверкающей в мочке левого уха серьгой.

— Ты что, не видишь, ей надо работать? — выдохнул он в лицо Каттани.— Она должна принести домой деньги, понимаешь ты или нет? Живей катись отсюда, не заставляй ее зря терять время!

Кудрявый схватил Каттани за руку и прорычал:

— Без гроша в кармане, а туда же! Убирайся! Пшел к своей жене, она тебе даром даст.

Неожиданно Коррадо словно очнулся. Молниеносно развернувшись, он ударил ногой кудрявому в пах. Тот, корчась от боли, повалился на мостовую. А Коррадо, выхватив из кобуры пистолет, нанес им удар плашмя прямо в лицо белобрысому.

Девуца запричитала:

— Помогите! Не убивай их, прошу тебя, не убивай!

Лицо у нее было все в слезах, тушь и румяна растеклись — теперь она походила на жалкую куклу, изодранную жестокой девочкой. Подняв с земли сумочку, она отчаянно заколотила ею по спине Коррадо.

— Убирайся! Убирайся отсюда!

Коррадо послушно повернулся и пошел. Сев в машину, обернулся и в отблесках костра увидел девушку склоненной над лежащими на мостовой парнями — она утешала их, пыталась поднять на ноги. Только тут до Коррадо дошло, какого дурака он сваял — повел себя как герой душещипательного романа, решивший наставить на путь праведный заблудшую овечку.

Подъехав к дому, он припарковал машину, не заметив, что за ним наблюдают. В сторонке сидел в «фольксвагене» какой-то элегантно одетый детина — коротко стриженный блондин лет сорока. Он жевал резинку и машинальным жестом подбрасывал серебряную монету в полдоллара.

АМЕРИКАНЕЦ

Вот уже третью ночь Коррадо беспокойно вертелся в постели с боку на бок, тщетно стараясь уснуть. Наконец

он встал, прошел в ванную. Из зеркала на него глянуло осунувшееся лицо. Кожа была желтая, покрасневшие глаза опухли. Казалось, он постарел лет на десять.

Что же теперь делать?.. — спрашивал он свое отражение. Он боролся изо всех сил и потерпел крах. Конченный человек. Его победили, стерли в порошок. Теперь им даже незачем уничтожать его физически, он для них ничуть не опасен. Утиль, металлолом...

Голова раскалывалась от боли. В детстве дедушка жаловался ему на свои страдания от жестокой бессонницы. Но только теперь Коррадо по-настоящему понял, что значит вставать поутру совершенно разбитым.

У него уже вошло в привычку искать спасения в виски. Но алкоголь оглушал, лишал последних сил как злейший ненавистный враг. Нет, надо что-то делать! Коррадо стал вдруг лихорадочно упаковывать чемодан.

Часа через три он уже сворачивал на узкую лесную дорогу, извилисто поднимающуюся вверх. Вскоре подъехал к монастырю, красивому и величественному зданию с фасадом, украшенным аркадой.

Вокруг царила почти неестественная тишина. Место было совсем уединенное, насколько хватал глаз, виднелись лишь покрытые густой зеленью холмы.

Двери открыл багроволицый жизнерадостный монах. Он проводил Каттани к настоятелю — убеленному сединами старцу с аскетическим, ясным лицом, какие бывают у людей, удалившихся от мирской суеты.

— Я приехал сюда, потому что нуждаюсь в вашей помощи, — просто сказал Каттани. Вид у него при этом был такой, словно он просил сотворить чудо.

— Что я могу для тебя сделать, брат? — спросил настоятель, приглашая его сесть.

— Я ищу покоя и мира. Я словно утлый челн, который швыряют волны. Совсем потерял способность различать, где добро, а где зло.

Понимающая улыбка скользнула по отрешенному лицу аббата.

— А ты веришь в Бога?

Каттани пожал плечами и покачал головой.

— Нет. Или, может, просто никогда не задавался этим вопросом.

— И все же пришел просить о помощи к слугам божьим?

— Видите ли, — пробормотал комиссар, прикрыв глаза, — сейчас у меня в жизни очень тяжелый момент. Чтобы обрести душевное равновесие, я нуждаюсь в слове людей верующих.

Аббат заметил, как руки у его собеседника задрожали, на лбу выступили капли пота.

— Да у тебя жар. Идем со мной.

Он проводил Коррадо в тесную монастырскую келью, свет в которую попадал сквозь маленькое круглое окошечко, и попрощался с ним:

— Здесь будет твой дом. До тех пор, пока ты этого хочешь.

В ту ночь сон наконец хоть немного восстановил его силы. Но спал он совсем недолго. Да и то беспокойно, во сне его мучили кошмары. Стоило закрыть глаза, как перед ним вновь вставала страшная картина: вот дочь в руках похитителей, они насиляют ее, а она безутешно рыдает, взывает о помощи... Во сне он кричит: «Паола, Паола!» — и мгновенно просыпается, обессиленный, с тяжестью на сердце.

Вновь он видел жену, сраженную пулей и медленно оседавшую на землю в его объятиях; он звал ее, словно пытаясь удержать жизнь, покидавшую ее тело. После этих кошмаров он с трудом приходил в себя. От боли разламывалась голова, кровь стучала в висках. Непроницаемая тишина окружала его. Ни шороха, ни скрипа; казалось, вокруг какой-то укутанный в вату, искусственный мир. Он никогда не подозревал, что тишина может быть такой гнетущей, еще хуже, чем городской грохот.

Но на рассвете, когда первые слабые лучи солнца скользнули по стене кельи, до слуха его донеслись какие-то мелодичные звуки. Он встал и побрел в ту сторону, откуда слышалась музыка, и она вывела его к алтарю. Вместе со звуками органа плыло ввысь со стоявших вдоль центрального нефа скамей пение монахов. Мелодия брала за сердце и смягчала его подобно бальзаму...

Прошло время, и Каттани свыкся с монастырской жизнью. Однажды он заглянул в мастерскую, где низенький, сгорбленный монах тщательно расписывал глиняные статуэтки для рождественских яслей*. На столе у него

* В Италии на Рождество церкви и дома украшают «яслями» — различной величины макетами вифлеемских яслей с фигурками мадонны, младенца, святых и волхвов.

было выстроено несколько десятков уже готовых фигурок, другие были приготовлены для раскраски.

Монаха звали Бернардо. На какое-то мгновение его рука с кисточкой застыла в воздухе: он раздумывал, какого цвета взять краску. Выбор пал на красную.

— Мне нравятся яркие цвета,— объявил он, сопровождая свои слова негромким смехом. И, не отрываясь от работы, пригласил Коррадо войти.

— Помоги-ка мне раскрашивать,— предложил он.

— У меня жена была мастерица на такие вещи,— ответил комиссар.— А я отроду не держал в руках кисточки.

— Да это очень легко. Нужны лишь терпение да твердая рука.

— А у меня руки дрожат. Вот, гляди. Ходуном ходят.

— Наверное, пьешь?

— В последнее время, каюсь, немного перебирал. Не потому, что мне нравится, а просто не мог обойтись.

— Ты что, хочешь себя погубить? Жизнь и так слишком коротка.

Коррадо, досадливо насупясь, метнул на монаха косой взгляд.

Тот словно прочел его мысли:

— Ох, знаю я, о чем ты думаешь. Мол, не имею права так с тобой разговаривать, потому что живу тут отшельником и не знаю, что за штука жизнь.

— Вот именно,— сухо отозвался комиссар.

— А я тебе признаюсь, что перед тем, как надеть эту рясу, я тоже принадлежал к тому миру, из которого ты пришел. А потом в один прекрасный день начисто покончил с прошлым.

Каттани изучающе взглянул на него, словно высматривая следы прошлой жизни.

— И почему же вы укрылись здесь? Из страха или из гордости?

Монах приподнял фигурку волхва, проверил на свету краски и проговорил:

— Жизнь — это поиск... Изодня в день мы ищем верный путь. И иногда нам кажется, что нашли его.

— Верный путь...— машинально повторил Каттани.— А какой он, этот верный путь, для меня?

— Прощение. Я не хочу читать тебе проповедь. Но только прощение может вернуть в твою душу мир и покой, которые ты ищешь. У тебя же душу переполняет нена-

висть. Ты думаешь, что единственное средство от нее избавиться — это месть.

Выйдя из мастерской, Каттани еще долго обдумывал слова монаха. Прощение... Легко сказать — простить. Но можно ли требовать от человека, над которым безжалостно надругались, чтобы он вдруг взял и сразу обо всем забыл? Можно ли от него ожидать, что он вдруг скажет: давайте предадим все забвению? Привлекательные, конечно, слова. Но для такого, как Каттани, они не могут стать ориентиром, ведь он был и остается прежде всего слугой закона. А согласно закону за преступления надо карать, насилие и произвол не должны оставаться безнаказанными.

Почти ежедневно он заходил в мастерскую Бернардо перемолвиться словечком. Иногда даже брался за кисть. Руки у него уже не дрожали, и по ночам больше не мучала бессонница.

Так шло до тех пор, пока как-то утром он не заметил машину, поднимающуюся по ведущей к монастырю дороге. Она то появлялась, то исчезала из поля зрения — была видна только на просвечивающих сквозь деревья участках. Это был «фольксваген». За рулем сидел франтоватый блондин, тот самый, что однажды вечером незаметно следил за Коррадо.

— Эй, приятель! — сразу взял быка за рога неожиданный гость. — Хватит тебе сидеть затворником. Пора возвращаться на поле боя, к нормальной жизни.

Он говорил с американским акцентом, на лице то и дело вспыхивала широкая ухмылка, а рука машинально подбрасывала в воздух серебряные полдоллара. Из внутреннего кармана пиджака он извлек книжечку в кожаной обложке и протянул Каттани. Удостоверение, выданное властями Соединенных Штатов.

— Меня зовут Де Донато... Берт де Донато, — представился американец. По документам выходило, что он агент ДЕА — службы по борьбе с наркотиками. Коррадо с недоверием смерил его взглядом.

Блондин подбросил в воздух монету левой рукой и поймал ее правой.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал он.

— Говори, в чем дело.

— Я охочусь за одним турком, — перешел на шепот американец, разом посерьезнев и подозрительно озираясь

по сторонам.— Его зовут Кемаль Юфтер. Тебе ничего не говорит это имя?

— Первый раз слышу.

— Крупная акула. Поставляет огромные партии наркотиков и торгует оружием. Весьма неприятный клиент. Наводнил Соединенные Штаты наркотиками, и теперь американские власти требуют его поимки.

Комиссар развел руками: при чем тут он? Они шли по аллее между двумя рядами кипарисов, и Каттани, с трудом скрывая раздражение и нетерпение, то и дело постукивал носком ботинка по стволам.

Американец зажал монету в кулаке, и лицо его приняло суровое выражение.

— Я приехал к тебе,— проговорил он,— так как уверен, что могу на тебя положиться. Ты тут зализываешь раны. Но такие, как ты, в конечном счете стремятся лишь к одному: к реваншу. Признайся, ведь ждешь случая отыграться? — Он обнял Коррадо за плечи.— Так вот, я приехал, чтобы предложить тебе эту возможность.

— Ошибся адресом, приятель,— ответил комиссар.— Я завязал и не желаю больше ни во что вмешиваться. Знаешь, чем я тут занимаюсь? Делаю фигурки для рождественских яслей.

— Очень трогательно,— осклабился американец. Он не терял самоуверенности, словно у него был припрятан беспронимательный козырь.— Пару месяцев назад,— вскользь бросил он,— наш турок перевел свою штаб-квартиру в Европу.

— Ну а мне-то что? — спросил Каттани, теряя терпение.

Американец небрежно продолжал:

— И знаешь, кто его компаньон в Италии?

— Мне это неинтересно.

— А я так думаю, что очень интересно,— возразил Берт, многозначительно улыбаясь.— Лаудео!

Это имя словно ударом оглушило Каттани. Нахмурившись, он застыл на месте в глубокой задумчивости, потом достал сигарету и рассеянно закурил.

— Лау-део,— прошептал он.

— Да-да, Лаудео,— повторил, словно гвозди вбивал, американец.— Еще до ареста он несколько раз встречался с Юфтером. Они вместе подробно разработали планы на будущее. И мне необходимо знать эти их планы. Я должен узнать, что замышляет Юфтер.

— Каким же это образом? — Где-то в глубине души у Каттани вдруг зашевелилось острое желание вновь броситься в самую гущу схватки.

— Лаудео надо как следует припугнуть, — объяснил гость. — И сделать это можешь только ты один.

— Что-то до меня не доходит... — удивился Каттани. Этот американец определенно начинал ему нравиться.

— Слушай внимательно, — терпеливо стал втолковывать ему гость, прислонившись спиной к стволу кипариса. — У меня припасены документы, которые окончательно выведут Лаудео на чистую воду, — бумаги и отснятая тайком киноплёнка. Ты должен с ним поговорить. Пригрозишь опубликовать материалы и объяснишь, что это пахнет для него еще одним сроком, не в пример солиднее. — Если он...

— Если что?

— Если он не примет поставленных тобой условий. Дальше заверишь его, что никогда не используешь эти материалы, если он расскажет, какие у Юфтера планы.

Каттани покачал головой.

— Ты не знаешь этого человека. Нам не удастся выжать из него ни слова.

— Я хорошо все обдумал, — ухмыльнулся американец, — и уверен, что он расколется. Он не ожидал, что ему влепят пять лет тюрьмы. Побойтся пересмотра дела — если еще добавят срок, все его важные друзья поставят на нем крест.

Каттани начинал ощущать себя рыбой, клюющей на приманку. А Берт де Донато не отступался. Вкрадчиво продолжал, играя на его самых чувствительных струнах:

— Все твои враги на свободе. Не успеешь оглянуться, выйдет из тюрьмы и Лаудео. Вот увидишь, ему дадут домашний арест. И он снова примется за свои махинации, еще и с большим размахом...

Казалось, Каттани вот-вот сдастся, но он вдруг решительно отрезал:

— Нет, мне до этого нет никакого дела.

Наступившее молчание нарушили звуки колокола, созывающего монахов на обед.

— Уезжай отсюда, — уговаривал его американец. — Не губи себя здесь. Министерство внутренних дел предоставило тебе длительный отпуск. У тебя хватит еще времени и на то, чтобы без спешки решить, возвращаться ли на свое место в полицию. А пока что помоги мне. Жду

тебя завтра в восемь вечера на Центральном вокзале в Милане.

— Напрасно прождешь. Я не приду.

— Держу пари, явишься как миленький, — проговорил Берт, подбрасывая в воздух полдоллара.

ПОСЕЩЕНИЕ

Следующий день был среда. В Милане дождило с самого утра. Но к вечеру дождь прекратился, оставив тонкую завесу тумана. Несмотря на ненастную погоду, Берт пришел на вокзал минута в минуту и уверенным шагом поднялся по длинной, ведущей к поездам лестнице. Его не покидало хорошее настроение. Вот в чем сила Америки, подумал он. Всегда бросаться с головой в новое дело с уверенностью в успехе.

Он несколько не сомневался, что встреча состоится, и не ошибся. Под мрачными металлическими сводами, среди выходящей из поезда толпы, он увидел Каттани. Тот, казалось, совершенно преобразился: тщательно выбрит, глаза, как и прежде, горят скрытой яростной силой — словно у ветерана, вновь почувствовавшего запах пороха.

Они даже не поздоровались. Берт просто зашагал рядом с ним, и они вместе вышли из вокзала на освеженный дождем вечерний воздух.

— Сюда, — показал американец на свою машину. — Я нашел тебе комнату в одном пансионе. Поживешь там какое-то время.

Берт говорил быстрыми, короткими фразами, как человек, не любящий лишних слов. Он протянул Каттани конверт.

— Тут описаны кое-какие факты, о которых ты должен рассказать Лаудео, чтобы взять его на испуг. — И он достал из кармана другой пакет. — А это деньги. Аванс.

— Мне не нужны деньги, — запротестовал Каттани.

Берт без разговоров сунул пакет обратно в карман и дальше всю дорогу молчал, с большим увлечением жуя резинку. После резкого поворота вправо он припарковал машину у тротуара и объявил:

— Приехали!

Светящаяся неоновая вывеска пансиона, казалось, плыла у них над головами в мглистой пелене тумана.

— И последнее. — Берт поднял правую руку. На этот

раз в пальцах жонглера появилась не монета, а узкая полоска бумаги.— Здесь записан телефонный номер. Если все пройдет удачно, позвонишь и спросишь синьора Торри. А если нет, скажешь, что хотел бы поговорить с синьором Бруски.— Он похлопал Каттани по плечу.— Желаю удачи, дружище.

Комната, заказанная для Каттани, оказалась самой обычной для пансиона — в меру убогой, с зеленоватым в пятнах ковровым покрытием на полу, с колченогим столиком, узкой кроватью и маленькой, под абажуром, лампой.

Но комиссар не обратил на свое жилище никакого внимания. Он раскрыл конверт, который дал ему американец, и с головой погрузился в бумаги. В нем вновь проснулся профессиональный азарт, кровь быстрее побежала по жилам, разгоняя по телу приятное тепло. Перечитав все листы, он сгреб их в охапку и пошел в ванную. Там он сжег одну бумагу за другой, спуская пепел в унитаз. Потом, запомнив номер телефона, поднес к спичке и клочок, на котором Берт его записал.

На следующее утро он явился в контору адвоката Дилетти, одного из защитников Лаудео — суетливого, лысого толстяка с воловьими глазами.

— Мне нужно разрешение на беседу с Лаудео в тюрьме,— сказал Каттани.

— Ах, вам нужно? — едким тоном переспросил адвокат.— А не следовало бы вам сначала спросить, пожелает ли мой клиент с вами разговаривать? После всего, что вы ему устроили!

— Послушайте,— не мог сдержать раздражения Каттани,— я пришел сюда не для того, чтобы перед кем-то извиняться. У меня имеются новые улики против вашего клиента. Если он не захочет со мной поговорить, придется передать документы судье. Назовите ему только одно имя, он мигом все смекнет. Скажите: Кемаль Юфтер.

Толстая физиономия адвоката передернулась, как от тика. Он сразу протянул жирную руку за пером.

— Юф-тер,— повторил по слогам Каттани, словно тот писал диктант...

Как и следовало ожидать, Лаудео тотчас же согласился на беседу. Не прошло и нескольких дней, как перед Коррадо отворилась зарешеченная дверь тюрьмы в Бергамо. Это была образцовая тюрьма, заключенные в ней

пользовались невиданной свободой передвижения. Жили они в отдельных камерах, похожих скорее на маленькие гостиничные номера.

Лаудео не утратил своего лоска. Начищенный до блеска, как антикварная вещь на продажу, он принял Каттани в домашней куртке. Казалось, он в гостинной у себя дома.

— Чем могу быть полезен? — небрежно бросил Лаудео, вставляя сигарету в золотой мундштук. Он продолжал стоять, надеясь таким образом сократить визит.

Взглянув на него исподлобья, комиссар произнес угрожающим тоном:

— Первым делом выложу вам все, что дошло до моего сведения. Чтобы вам сориентироваться, как себя вести. Так вот, вы с Юфтером заключили сделок на миллион долларов. В лирах это почти тысяча пятьсот миллиардов. Совсем не худо.

Лаудео, глубоко затягиваясь, продолжал спокойно курить. Только чуть заметное подергивание верхней губы выдавало, что он нервничает.

— Хотите, могу вам напомнить, — насмешливо продолжал Каттани. — Назову только некоторые из тех операций, что вы провернули вместе с Юфтером. Например: партии кокаина, переправленные из Колумбии в Соединенные Штаты. Общей стоимостью тридцать два миллиарда. Это не пустые слова, имеются доказательства. А что скажете насчет шестидесяти шести вертолетов «кобра», пятидесяти бронетранспортеров, отправленных в Иран, и огромных поставок, туда же, взрывчатых веществ? Сколько вы получили за хлопоты? Тридцать миллиардов, не так ли? Хотите, чтобы я продолжил?

Каттани, так и не сев, расхаживал взад и вперед по камере. Он был похож на кота, играющего с мышью, прежде чем нанести ей смертельный удар.

— Вот вы трубите на всех перекрестках, что вы антикоммунист, но это не мешает вам заключать сделки со странами Восточной Европы. Благодаря вашему посредничеству пять тысяч «калашниковых» и немало тонн взрывчатки попали в одну из африканских стран. Юфтер тоже участвовал в этой операции.

Первый раз на физиономии Лаудео появилась лисья улыбка. Старый мошенник понял, что его приперли к стенке. И его тонкое чутье подсказывало, что вести себя надо более гибко. Пока твоя позиция сильна, диктуешь

условия ты, когда же слаба или если тебя вообще загнали в тупик — постарайся выторговать как можно больше уступок. Вот главное правило хорошего посредника, а в этом деле Лаудео собаку съел.

— Так чем же я могу быть вам полезен? — начал он зондировать почву.

— Мне надо знать, каковы планы Юфтера. Какие он затевает аферы?

— Откуда же мне знать? — воскликнул Лаудео, прикидываясь удивленным. — Я сижу в тюрьме, отрезан от всего мира...

— Бросьте хитрить, это вам невыгодно. Даю неделю срока. И через неделю, если вы не заговорите, передам судье документы о ваших грязных махинациях.

Уже у двери Каттани обернулся и, угрожающе наставив указательный палец на Лаудео, повторил:

— Не позже чем через неделю, запомните хорошенько!

Выйдя из тюрьмы, Каттани зашел в соседний бар — мучительно захотелось кофе. Как ни сдерживал он свои эмоции, встреча с Лаудео разбредила старые раны, говорить с ним было противно до тошноты.

Жадно выпив кофе, он направился к кассе, вынув из внутреннего кармана бумажник. Взгляд его упал на сложенный пополам пожелтевший листочек, видневшийся из пачки банкнот. Он вытащил его — и от нахлынувшего глубокого волнения застыл на месте. Это был детский рисунок — домик, а рядом фигурки мужчины, женщины и девочки. В уголке Каттани узнал свой почерк. «Первый рисунок Паолы — 2-й «Б», — когда-то записал он.

Крепко сжав зубы, он сложил листок, расплатился и спросил, где телефон. Набрал номер, который дал ему американец. Кто-то снял трубку, и он сказал:

— Я хотел бы поговорить с синьором Торри.

В трубке раздался щелчок — ее сразу резко опустили на рычаг. Послание дошло по адресу. Оно означало: все в порядке.

Однако у Лаудео все было далеко не в порядке. К нему сразу же примчался адвокат, чтобы помочь своими советами и узнать, нет ли каких-нибудь распоряжений после разговора с Каттани. Адвокат нашел его в сильном волнении и беспокойстве.

— Кто-то решил меня шантажировать. — Неуверенный, дрожащий голос Лаудео свидетельствовал, что он здорово напуган. — Самому Каттани ни черта неизвестно.

Видн
З
вертя
Вдру
загад

ствен
Я вед
вздум
делам
предв
здоро

В
непод
измен
шести
руку

Ни
зошло
фетта
выско
ударил
и спол
ее в м

Авт
окраин
заторм
пересел
дельта

В э
бачкой.
спешка
происхо
ности з
в Центр

Букв
ных авт
Два па
автомоб
километр

Видно, его просто используют... Но кто?..

Заложив руки за спину, он расхаживал по камере, вертя головой, словно пытаясь уловить, откуда дует ветер. Вдруг ему показалось, что он разгадал мучившую его загадку. Он остановился перед адвокатом и воскликнул:

— Да, конечно же, это Карло Антинари! Он единственный, кто может быть в курсе моих дел с Юфтером. Я ведь провожу все операции через его банк. А теперь он вздумал вывести меня из игры. Хочет сам ворочать делами! — И, мгновенно забыв все свои тревоги, уже предвкушая сладость мщения, прошипел: — Но я его здорово проучу. Он у меня попляшет!

ДЕВОЧКА

В пятницу, в одиннадцать часов утра, в Милане, неподалеку от университета, произошло событие, резко изменившее судьбы многих людей. Девочка лет пяти-шести, весело подпрыгивая, шла рядом с державшей ее за руку няней.

Ни та, ни другая даже не успели понять, что произошло. Вдоль тротуара молниеносно скользнула «альфетта» и, резко затормозив, остановилась. Из машины выскочили двое мужчин. Один набросился на няню — ударил ее кулаком в лицо так, что она отлетела к стене и сползла на землю. Другой схватил девочку и втолкнул ее в машину.

Автомобиль умчался на полной скорости. На какой-то окраинной улочке машина с душераздирающим визгом затормозила, похитители выволокли девочку и мгновенно пересели в поджидавшую их другую машину — «ланчудельта».

В эту минуту из подъезда выходила женщина с собачкой. Она не успела заметить девочку, но лихорадочная спешка, громкое хлопанье дверей подсказали ей, что происходит что-то неладное. У нее хватило сообразительности запомнить номер «ланчи». Тут же она позвонила в Центральную полицию и сообщила все, что заметила.

Буквально в считанные минуты с полдесятка патрульных автомобилей умчались на поиски удиравшей машины. Два патруля засекли ее почти одновременно. Один из автомобилей сел ей на хвост и преследовал почти целый километр, пока водитель «ланчи» не попробовал оторвать-

ся, пустившись на отчаянный маневр. Проскользнув в узкую щель между двумя машинами, он оторвался от погони, но, пытаясь обогнать третью, сильно стукнулся о ее борт. Однако столкновение оказалось на руку похитителям. После головокружительного карамболя машина приземлилась задом наперед и смогла умчаться уже в противоположном направлении. Оба же полицейских автомобиля затерло в потоке машин, и они упустили драгоценные минуты.

Теперь «ланча» неслась в противоположную сторону, все более углубляясь в запутанную паутину центральных улиц. Издали, то с одной, то с другой стороны, доносилась вой патрульных сирен. Кольцо вокруг похитителей сжималось. И тут, в паническом страхе, они приняли безрассудное решение.

В улочке позади Центрального вокзала они бросили машину. Один из них, с прической панка, приставил холодный как лед ствол к бледному личику девочки и прошипел:

— Иди с нами и помалкивай. Ни звука! Не кричи, не зови на помощь! Поняла? Иначе застрелю из этой штуки. Идем.

Они пошли быстрым шагом. Девочку держали за руки, почти тащили за собой. Пассажиры, занятые своими хлопотами, не замечали их.

Похитители свели девочку по лестнице на платформу.

Только что подошел поезд. Перронный шум и толкотня совсем напугали малышку.

— Папа! Папа! — захныкала она. — Папа, спаси меня! Папа... — По лицу ее градом катились слезы.

Странная группа начала привлекать к себе внимание пассажиров. С подозрением поглядывали на них и двое полицейских. Наконец они двинулись в их сторону. Парень с прической панка окончательно потерял голову. Он вытащил пистолет и приставил к виску девочки.

— Не подходите! — заорал он. — Не подходите, не то я ее убью!

— Папа! — еле слышно стонала девочка. — Папа!

Второй похититель оказался более хладнокровным и, видимо, обладал бóльшим здравым смыслом.

— Да отпусти ты ее, — уговаривал он сообщника. — Брось девчонку, бежим!

Но тот в панике уже ничего не соображал и рассчитывал только на свой пистолет. Крепко прижимая ребенка

к себе, он медленно, как загнанный зверь, отступал назад, его искаженное страхом лицо заливал пот.

Сообщник его исчез. Теперь он был один. Только он и девочка посреди не сводящей с них глаз, сжимавшей свое кольцо толпы. Пятясь, бандит очутился внутри бара, поспешно покинутого и посетителями, и официантами.

С каждой минутой толпа снаружи все росла, и полицейские встали цепочкой, сдерживая ее напор.

В сторонке какая-то элегантная дама в ужасе закрывала лицо руками, сдерживая рвущийся из горла вопль отчаяния. Это была мать девочки, синьора Анна; она сразу примчалась сюда, как только ей сообщили страшное известие.

Приехала на вокзал и старшая ее дочь, Джулия, красивая девушка лет двадцати с длинными, волнами ниспадающими на плечи волосами. Увидев мать, она бросилась к ней и крепко обняла.

— Ах, Джулия, какой ужас, — простонала женщина.

— Мама, все будет хорошо. Не волнуйся, мамочка. С нашей маленькой Гретой ничего не случится, — со слезами на глазах успокаивала она Анну.

Ситуация какое-то время оставалась без изменений. Внутри бара — похититель, укрывшийся с девочкой, с каждой минутой теряющий выдержку, а снаружи — полиция, рассчитывающая, что у него от напряжения скоро сдадут нервы. Но что тогда последует?

— Надо ждать, другого выхода нет, — втолковывал родным девочки помощник прокурора Вентури, взявший в свои руки руководство операцией.

Отец девочки, банкир Карло Антинари, не в силах был вынести этого пассивного ожидания. Пусть ему дадут мегафон, он попытается уговорить похитителя.

— Я предложу ему денег. Пообещаю все, что только ни потребует.

— Мне очень жаль, — отвечал помощник прокурора, — но я не могу позволить, чтобы вы предлагали деньги бандиту.

— Но ведь речь идет о жизни моей дочери, — настаивал банкир. Лицо у него посерело от волнения, он с трудом держал себя в руках.

— Мы все сделаем, чтобы спасти ее. Положитесь на нас, — сказал судейский. Он приставил ко рту мегафон и сам обратился к похитителю:

— Успокойся. Мы дадим тебе машину. Предоставим

все, что потребуешь, но только не делай глупостей. С головы ребенка не должен упасть ни один волосок.

Генеральный директор банка, Дино Алесси, взял Антинари под руку и отвел в сторону.

— Позволь им действовать самим. Они знают, что делать.

Его лицо с твердыми, резкими чертами выглядело бесстрастным. Холодные светлые глаза прятались под густыми бровями.

Но банкир не поддавался на уговоры. С искаженным от волнения, посеревшим лицом рвался он к бару, пытаясь сквозь стекло витрины разглядеть, что происходит внутри.

— Что ты думаешь обо всей этой истории? — вполголоса спросил он Алесси. — Неужели они решили таким образом отомстить мне за то, что я отказался поставить подпись?

— Да, — без всякого колебания воскликнул Алесси. — Нет никакого сомнения!

А в эту самую минуту на другом конце города похищение девочки объясняли совершенно иными причинами.

Неожиданно в пансионе, где жил Каттани, объявился Берт, американец. Небрежным тоном, каким сообщают, скажем, о результате вчерашнего бейсбольного матча, он бросил:

— А Лаудео-то ни черта не понял: сделал совершенно идиотский ход.

Его слова всполошили комиссара.

— Какое отношение к этой истории с похищением имеет Лаудео?

— Банк Антинари служит ширмой для многих финансовых операций, которые осуществляет Лаудео. Неужели не дошло?

Хладнокровие американца задело по-латински чувствительного Каттани.

— Не дошло? Что ты хочешь сказать? — вскочил он в явном шоке. — По-твоему, Лаудео подумал, что его шантажирует Антинари? Решил, что я получил свою информацию от банкира? Ты это имел в виду?

— Ну ясно, — пожал плечами Берт.

— Выходит, в похищении виноват я? — Лицо Каттани исказилось от ярости. — Это наша вина, что Лаудео пошел на такой шаг. Решил, что опасность исходит от Антинари, и задумал ему отомстить...

— Ясно, — повторил американец, поглаживая пальцами свой шелковый галстук.

— Ясно? — Глаза Каттани метали молнии. — Черта с два ясно! Девочке грозит смерть, неужели ты этого не понимаешь! Заладил: ясно, ясно. Она из-за тебя может погибнуть. Да и из-за меня тоже. Зачем я только послушал тебя!

— Дружище, к цели не всегда ведет самая прямая дорожка. Часто приходится идти в обход, случаются всякие курьезы, неудачи. — Берт наставительно поднял палец. — Но ничто не должно тебя отвлекать от конечной цели. Это правда номер один.

— Плевать я хотел на твою практическую философию! — Каттани с такой силой сжал кулаки, что у него побелели костяшки пальцев. Что делать? Угораздило же его! Секунду-другую подумав, комиссар сунул в кобуру под мышкой пистолет и решительно двинулся к двери. — Поехали!

Американец ворча подчинился. Ох уж эти итальянцы, горячие головы!

— Отвези меня на вокзал, — сухо распорядился комиссар, сев в машину Берта. Лицо его выражало непреклонную решимость.

Через несколько минут комиссар уже расталкивал плечом толпящихся перед зданием вокзала людей. Размахивая удостоверениями, они без труда одолели кордон полицейских.

Над толпой гремел через мегафон голос помощника прокурора Вентури:

— Машина сейчас подъедет. Держи себя в руках, еще немного терпения.

Но ответ бандита свидетельствовал, что нервы у него уже на пределе.

— Десять минут, — прохрипел он, — даю вам только десять минут. Если машины не будет, я убью ее.

В конце ведущей на платформу длинной лестницы стоял полицейский, Каттани помахал у него перед носом удостоверением:

— Проводи меня к хозяину бара.

Владелец бара в возбуждении непрерывно потирал руки; длинные свисающие усы придавали ему еще более удрученный вид.

— Есть ли в здании задняя дверь или какой-нибудь ход, чтобы незаметно проникнуть в бар? — нетерпеливо спросил Коррадо.

— Это возможно, — ответил хозяин, подняв густые брови, — только нелегко будет сделать.

— Покажите.

— Идите за мной.

Он провел его узким коридором и указал на квадратную металлическую решетку под потолком.

— Надо ее отодрать.

Решетка закрывала шахту установки для кондиционирования воздуха. Понадобилась лестница, чтобы добраться до нее и отодрать. Шахта была очень узкая, Каттани с трудом залез внутрь. Он прополз на четвереньках несколько метров, но тут путь ему преградила другая решетка. Осторожно, стараясь не очень шуметь, он выломал ее, отбивая по краям легкими резкими ударами, и еле успел подхватить.

Уцепившись за края отверстия, он повис в воздухе. Потом разжал руки и мягко спрыгнул на пол. Узкий лучик света, проникающий сквозь щель неплотно притворенной двери, освещал ящики с пивом, мешки с сахаром, бутылки крепких напитков. Остро пахло жареными зернами кофе. Комиссар находился в задней комнатке бара.

Сквозь дверную щель, метрах в пяти от себя, он увидел преступника. Волосы на затылке были у него выстрижены почти под ноль, макушку венчала гребнем вздыбленная щетина.

Бандит стоял, прислонившись спиной к стойке бара, сжимая в правой руке пистолет. Другой рукой он крепко держал за руку девочку.

Маленькую Грету Каттани не мог разглядеть — видны были только локоны, от резких рывков за руку они у нее колыхались волной. Парень вдруг начал озираться вокруг, словно что-то искал. Потом двинулся вправо, таща за собой девочку. Личико у нее было бледное, помертвевшее от страха. Вконец обессиленная, она цеплялась обеими ручками за руку похитителя.

Целью бандита был телефон на столике кассы. Каттани чуть приоткрыл дверь, чтобы следить за его движениями. Теперь парень находился прямо перед ним и в любую секунду мог его увидеть. Однако присутствие комиссара первой заметила девочка. Ее полные испуга глаза встретились с глазами Коррадо, и тот поднес к губам палец, призывая ее молчать.

Похититель стал набирать какой-то номер. Комиссар

сле-
ат-
ни-
ть-
ани
ках
гая
он
ми,
ухе.
чик
ной
лки
офе.
идел
кены
нная
бара,
епоко
идны
у нее
округ,
да за
евшее
беими
Катта-
нения-
любую
иссара
трети-
палец,
миссар

следил за движением его пальца, вращающего прозрач-
ный диск, и старался запомнить каждую цифру.

В ожидании, когда ему ответят на другом конце
провода, парень повернулся спиной. В то же мгновение
Каттани одним прыжком кинулся на бандита. Свалил его,
и они покатались по полу. Похититель, не выпуская
пистолета, отчаянно пытался высвободить руку. Раздался
выстрел, и на тысячу осколков разбилась бутылка водки.

Но Каттани уже вскочил. Изо всех сил ударил он ногой
по запястью бандита, и пистолет отлетел далеко в сторону.
За этим последовало нечто невообразимое. Со звоном
разлетелась вдребезги витрина, и в бар с адским шумом
ввалился отряд вооруженных до зубов полицейских.

В общей сумятице комиссара оттеснили куда-то в угол.
Поверх голов ему пару раз удалось увидеть прижимавшу-
юся к матери маленькую Грету. Джулия, нежно глядя
сестренку по головке, успокаивала ее.

В баре царили невероятный шум и суета — все разма-
хивали руками, что-то друг у друга спрашивали, на что-то
указывали, пытались воссоздать происшедшую сцену,
громко объясняли, что произошло, стараясь дать выход
недавнему нервному напряжению. Среди этой неразбери-
хи Каттани и Джулия на несколько мгновений встрети-
лись глазами. Она слегка ему улыбнулась, выражая свою
благодарность и восхищение. Потом ее унесла за собою
людская волна.

ДЖУЛИЯ

Прошло два дня. Берт несколько раз заходил к Катта-
ни, но тот без всяких стеснений посылал его к черту.
Комиссар был сыт по горло этим американцем и его
планами, которые приносили такие горькие плоды. Зато
теперь он вновь оказался на распутье. Что ему делать, как
сложится дальше его жизнь?

Однажды вечером, возвращаясь домой после долгой
одинокой прогулки, Каттани заметил тонкую полоску
света, просочившуюся из-под двери его комнаты. Он сразу
насторожился, напрягся как струна.

С пистолетом в руке, тесно прижавшись к стене,
Каттани бесшумно скользнул к двери и чуточку приотво-
рил ее. На постели с газетой в руках сидела Джулия —
сестра спасенной им девочки.

— Добрый вечер,— поздоровался он, широко распахнув дверь.

Девушка вздрогнула от неожиданности, непроизвольно ахнула и схватилась рукой за грудь.

— Как вы меня напугали! — У нее было очаровательное личико, большие, блестящие глаза искрились весельем. Светловолосый ангел.— Вы всегда так встречаете гостей?

— А у вас всегда такая привычка — тайком прокрадываться в чужие жилища?

— Прошу меня извинить. Я увидела, что дверь не закрыта, и подумала, что не будет ничего плохого, если я подожду вас в комнате.— Голос у нее был спокойный и нежный.— Мои родители и я тоже были бы очень рады, если бы вы навестили нас сегодня вечером. Я пришла вас пригласить.

Каттани открыл дверцу маленького холодильника, достал и откупорил банку кока-колы.

— Хотите?

— Спасибо.— Джулия сделала несколько глотков и возвратила банку Коррадо, он тоже глотнул.

— Весьма любезно с вашей стороны, что вы вспомнили обо мне,— сказал он — Однако, полагаю, не стоило беспокоиться. Ничего сверхобычного я не сделал. Все кончилось благополучно, и я очень рад и за девочку, и за вас.

По лицу Джулии пробежала тень разочарования.

— Сказать по правде,— протянула она,— я пришла к вам еще и по делу. Я занимаюсь журналистикой и работаю для одной частной телестудии. В последние дни о вас много писали газеты, о той войне, что вы в одиночку вели против мафии. Вот я и подумала, не согласитесь ли вы дать мне интервью.

— Забудьте об этом и думать,— охладил он ее пыл. Просьба Джулии, казалось, привела его в ужас.

— Интервью давать не хотите, в гости прийти не хотите.— Джулия была явно обескуражена. Она пожала плечами и с почти детской обидой добавила: — Если не желаете сделать это ради меня и моих родителей, то сделайте хотя бы для Греты. Она очень одинокий ребенок. Все время о вас спрашивает.

Эти слова попали в цель, задев в сердце Коррадо старые раны. Он сразу переменял тон:

— Ну хорошо. Я готов в путь хоть сейчас.

В бурном автомобильном потоке Джулия вела машину очень рискованно. Каттани несколько раз просил ее сбавить скорость.

— Как же так? — удивилась она. — Вы, человек, который по своей профессии постоянно рискует жизнью, и вдруг боитесь?

— Я рискую, когда это необходимо, но по-дурацки погибать не собираюсь.

Внезапно что-то привлекло его внимание. Он резко взмахнул рукой и почти скомандовал:

— Одну минутку! Ну-ка, останови!

Как-то совершенно естественно он перешел с ней на «ты». И она сразу, с готовностью это приняла.

— Что с тобой? — спросила она, прижимая машину к тротуару.

Без всяких объяснений Каттани выскочил из автомобиля.

— Подожди меня.

Через несколько минут он возвратился, неся красивую куклу с золотистыми, как колосья пшеницы, волосами.

— Какая прелесть! — одобрила Джулия. — Уверена, что Грета с ума сойдет от радости.

В самом деле, Грете кукла очень понравилась. Но глаза ее загорались еще ярче, когда она глядела на Коррадо. То и дело она посылала ему робкую улыбку. Потом набралась смелости и, неслышно подкравшись, взобралась к нему на колени и уютно устроилась там, словно котенок.

Вечер прошел в пустых, приличествующих такому случаю разговорах: «Вы не представляете себе, как мы вам благодарны», «Ваша смелость поистине заслуживает восхищения»... Родители Греты непрерывно твердили о том, как они обязаны Каттани.

Явился и генеральный директор банка Алесси; он дошел даже до того, что предложил комиссару некую сумму в благодарность за его чудодейственное вмешательство.

Наступило общее неловкое молчание. Потом все поспешили поскорее переменить тему. Каттани ощутил в душе даже не столько обиду, сколько чувство горечи. Вновь ему приходится сталкиваться с людьми, которые ведут себя подобно Терразини, Лаудео, старику Каннито. Все они из одного теста. Все убеждены, что могут решить любую проблему при помощи денег. Точно они не люди, а некие машины, печатающие банкноты.

Джулия и Грета проводили его до ворот. Девочка ни за что не хотела отпускать Коррадо. Болезненный, замкнутый ребенок словно нашел в этом человеке с жестким и решительным характером своего героя, своего ангела-хранителя.

Девочка вцепилась ручкой в его штанину и, умоляюще поглядывая снизу вверх, допытывалась:

— Ты ведь еще придешь? Придешь?

— Смотри-ка, может, она в тебя влюбилась? — пошутила Джулия, беря Грету на руки и прижимая к груди. — Придет, конечно, придет, не волнуйся.

Пройдя несколько шагов, Каттани обернулся. С ребенком на руках, Джулия глядела ему вслед. Лицо ее, освещенное отблеском уличного фонаря, выражало несказанную нежность.

Вернувшись в пансион, комиссар сразу улегся спать. Посреди ночи он внезапно проснулся — с таким чувством, словно испытал во сне что-то вроде озарения. Коррадо показалось, что он сделал важное открытие. И так сосредоточился на этой мысли, что сон прошел и он окончательно пробудился, объятый волнением. Теперь он беспокойно вертелся с боку на бок. Но что, собственно, ему приснилось? Быть может, он интуитивно нашел разгадку, которую немедленно надо проверить?

Вот оно. Вот что это было. Зрительные образы еще расплывались в тумане, но главное он уже уловил. Перед глазами у него был телефонный аппарат. Мозг лихорадочно работал, ища объяснения, что означает этот образ.

На телефонном диске он видел руку, набирающую номер. Вспомнил! Это же телефон в баре! Аппарат, по которому звонил похититель Греты, когда он на него набросился сзади. Из-за двери чулана он неотрывно следил за этой рукой, скользящей по диску. Ну конечно, хотел запомнить номер. Во сне он его явственно увидел. И теперь пытался воспроизвести в памяти цифру за цифрой. Для пущей надежности даже записал номер на листке бумаги, а наутро попробовал по нему позвонить.

— Алло, пансион «Золотой петух» слушает, — ответил неторопливый и любезный мужской голос.

— Извините, — сказал Каттани, — я собираюсь к вам приехать. Не уточните ли адрес?

— Пожалуйста: Белладжо, Озерная набережная, 76.

— Большое спасибо.

— Вы хотите заказать номер?

Каттани, не ответив, дал отбой. Потом сразу же набрал другой номер. Он звонил Берту. Услышав, что на другом конце провода сняли трубку, спросил:

— Синьор Бруски дома?

И повесил трубку. Это был сигнал, означавший необходимость немедленно встретиться.

Он ждал американца на улице.

— Отвези меня в Белладжо, на озеро Комо.

Тон у него был такой властный, что американец даже не спросил о цели этой неожиданной поездки. Он повертел свои полдоллара, опустил монету в карман и, включая зажигание, сказал:

— О'кей, о'кей.

Владелец пансиона «Золотой петух» показался Каттани точно таким, каким он себе его и представлял по голосу: спокойным, добродушным толстяком.

Узнав, зачем они приехали, толстяк сразу насторожился.

— Да, — сказал он, — такой действительно у меня работал — официантом. Поверьте мне, хороший парень. Простой и честный. Когда я увидел по телевидению, как он приставлял пистолет к головке этой несчастной девочки, я сразу позвал жену. иди, иди сюда, погляди на Пьеро, спаси его Господь. Она тоже прямо рот раскрыла от удивления. Только и сказала: не может быть!

Жена его стояла тут же, рядом и поддакивала каждому слову.

— До сих пор не могу поверить, — жалобным голосом сказала она, — такой славный парень.

— Я бы хотел взглянуть на его комнату, — попросил Каттани.

Комнатка была маленькая, почти пустая. Из окна открывался широкий вид на озеро, плоское и застывшее, как огромное масляное пятно. По озеру там и сям скользили парусные лодки. Вдали виднелись отроги гор, покрытые тонкой завесой тумана.

Каттани заметил на кровати высовывающийся из-под покрывала угол чемодана. Открыв его, увидел обычный для одиноко живущего парня запас вещей — трусы, свитер, пара порнографических журналов. Но внимание комиссара привлекла небольшая записная книжка.

— Он в ней все подсчитывал, — объяснил владелец пансиона. — Я это знаю, потому что он помешан на цифрах. Все записывает, каждую мелкую трату или доход. У него диплом бухгалтера.

— А вы знаете, что в тот момент, когда он держал девочку под прицелом, он набирал ваш номер?

Толстяк весь побагровел.

— Уж не думаете ли вы... Помимо работы меня с ним абсолютно ничего не связывало.

— Может, он хотел поговорить с Марией? — подсказала жена.

— Кто эта Мария? — спросил Каттани.

— Его подруга, — пояснил хозяин. — Она тоже тут работала. Убирала комнаты. Но как только с ним случилась эта неприятность, исчезла.

Каттани продолжал листать книжечку, полную аккуратных столбиков цифр, разделенных по месяцам, а иногда и по неделям. Из книжки выпал листок. Комиссар поднял его. На листке был записан номер телефона, а рядом цифра: пять миллионов.

Каттани показал листок американцу.

— Что ты скажешь?

Берт кинул на бумажку короткий профессиональный взгляд.

— Вполне вероятно, что это сумма аванса за похищение. Дай-ка спишу номер телефона. Узнаю, чей.

В Милан они вернулись за полдень. Поднимаясь в свою комнату, Каттани столкнулся с Джулией.

— Ах! — воскликнула она, сразу повеселев. — Как хорошо, что ты пришел. А я уже собралась уходить. Увидела, что дверь твоей комнаты заперта, и подумала, что ты съехал.

— Нет, как видишь. А что случилось?

— Я надеялась все-таки подбить тебя на интервью.

Каттани улыбнулся. Она кинула на него внимательный взгляд и прочла на его лице твердую решимость.

— Когда ты себе вобьешь что-нибудь в свою хорошенькую головку, — ответил он, постучав согнутым пальцем по ее лбу, — то этого уже ничем не выбить, не так ли?

— Это у нас семейная черта. Таков мой дедушка. Образец симпатичного упрянца...

Джулия смотрела на него с кроткой, подкупающей нежностью.

Ну как можно ей отказать?

— Так где же мы займемся этим интервью? — сдался Каттани.

Девушка чуть не подпрыгнула от радости и удивления.

— Ты правда согласен? Не отказываешься? Ах, это для меня просто великий день! Едем.

Она схватила его за руку и увлекла вниз, к своей машине.

— Если поторопимся, то успеем передать твоё интервью в прямом эфире, в сегодняшнем вечернем выпуске новостей...

Перед телевизионной камерой Каттани заговорил спокойным и уверенным тоном. Он произносил фразу за фразой размеренно, глядя прямо в объектив, словно желая покрепче вбить их в головы смотрящим на него телезрителям.

— Я согласился ответить на некоторые вопросы, — начал он, — конечно, не для того, чтобы сделать себе рекламу.

— Комиссар, — перебила его Джулия, — речь идет не о рекламе. Вы уже давно боретесь против преступных кланов, рискуя собственной жизнью. И два дня назад вы без колебаний вновь подверглись опасности, освобождая похищенную девочку. Я думаю, всем честным людям будет интересно услышать, как живет такой бесстрашный человек, как вы.

— Да, я не дрожу от страха. И хочу сказать об этом со всей ясностью: страх меня не мучает. Конечно, это не очень-то приятная жизнь. У меня всегда пистолет наготове, часто и ночью держу его под подушкой.

— У вас, наверное, много врагов?

Каттани выпрямился в кресле. Еще пристальней уставился в зрачок телекамеры. Он словно ждал этого вопроса. И теперь особенно тщательно выбирал слова:

— Да, врагов хватает. Это люди, которые были уверены, что согнут меня в бараний рог, но ничего у них не получилось, это видные деятели, желавшие меня купить, но им пришлось отступить от меня ни с чем, потому что деньги меня не интересуют. Всем этим господам я хочу сейчас, пользуясь телеэкраном, сказать о том, что я без всякого страха ожидаю наемных убийц. Пусть они присылают своих киллеров: я живу здесь, в Милане, в пансионе «Куадранте».

Среди зрителей, слушавших интервью, один ловил каждое слово Каттани с особым интересом. И даже подскочил на этой фразе от изумления. Это был Лаудео. Лежа на койке в своей камере, он включил телевизор, чтобы посмотреть последние известия. Никак он не мог

предполагать, что его ждет такой сюрприз. С каждым словом Каттани росла его тревога. И вдруг он понял, что комиссар говорит, обращаясь именно к нему.

— Что касается вашего вопроса о врагах,— с расстановкой сказал Каттани,— то позвольте мне адресоваться, в частности, к одному из них. Я хотел бы ему напомнить, что истекает срок, данный ему для ответа. Для ответа, который очень важен. Кроме того, я хочу назвать ему один телефонный номер. Не сомневаюсь, что, услышав его, он многое поймет.

Каттани вынул из кармана записку. Это был листок бумаги, найденный в пансионе на озере.

— Вот этот телефон: 697—43—57.

Имей Каттани возможность наблюдать реакцию Лаудео, он бы понял, что его послание достигло цели. Лаудео впал в такую ярость, что швырнул блок дистанционного управления в экран телевизора. Телевизор закашлялся и погас, рассыпав сноп ослепительных искр.

Привилегированный заключенный обезумел от страха. Этот телефонный номер, так отчетливо произнесенный Каттани, грозил всерьез впутать его в дело о похищении девочки. Номер одного из его подручных, которому он отдавал приказы через адвоката Дилетти.

В панике принялся он барабанить кулаком в дверь, пока не прибежал охранник.

— Пошлите телеграмму моему адвокату. Пусть немедленно ко мне приедет.

ШАНТАЖ

Интервью закончилось, и Джулия пошла провожать Каттани к выходу.

— Ты был великолепен,— шепнула она чуть ли не робко,— но говорил такие вещи, что меня мороз по коже подирал.

Каттани небрежно махнул рукой. Просто он воспользовался возможностью сказать кое-что своему адресату. Джулия как журналистка послужила ему лишь инструментом. Приходится прибегать и к подобным способам. Таковы правила игры. Словно прося извинить его, Каттани пообещал зайти проведать маленькую Грету, как только выдастся свободная минутка.

То, что он вспомнил о девочке, тронуло Джулию.

— Ты знаешь, что она и спит с твоей куклой?

— Очень рад. Грета замечательная девчушка. Наверное, твои родители глубоко переживают, что она растет такой болезненной и замкнутой.

— Еще бы! Может быть, именно из-за этого и испортились отношения у отца с матерью. Что поделаешь.— Джулия тяжело вздохнула.— Ну вот, еще, чего доброго, нагоню на тебя тоску.— Она порывисто взяла его под руку.— А ведь я хотела пригласить тебя вместе поужинать.

И тут Коррадо впервые, точно очнувшись ото сна, внимательно взгляделся в лицо Джулии, как мужчина вглядывается в женщину. И увидел веселую жизнерадостность, потребность в нежном внимании. В груди его разлилось приятное тепло.

— Я уже давненько не имел дела с дамами,— сказал он.— Однако привык приглашать их сам.

Она бросила на него лукавый взгляд.

— Ну так сам и пригласи.

Каттани сдался.

— Пойдем туда, куда хотела меня повести ты.

Джулия отвезла его к себе домой. Квартира у нее была шикарная. Дорогие ковры, старинная мебель, богато украшенные кассетированные потолки. Из гостиной стеклянные двери вели на террасу, уставленную вазонами с геранью и какими-то экзотическими растениями.

— Видно, журналисты неплохо зарабатывают,— сказал Каттани.

— Ты судишь по квартире? Ну, это подарок моего деда. Он тоже был банкиром, а теперь на старости лет наслаждается солнышком на Сицилии.

Рука Коррадо, легонько скользнув по шее, коснулась массивного золотого ожерелья.

— А это ты купила на собственные сбережения? — усмехнулся он.

— Нет. Ожерелье мне подарила мать. Ну, удовлетворено твое любопытство? — Рука Каттани все еще играла драгоценными подвесками ожерелья. Джулия взяла ее в свои ладони.— Какие у тебя холодные руки,— прошептала она.

Коррадо чувствовал, что его влечет к этой девушке. И вместе с тем в нем шевельнулось что-то вроде страха. Он улыбнулся.

— Это, наверное, от голода.

— Ох, бедняжка! Но ничего, дело поправимое, я все мигом приготовлю. Хозяйка из меня что надо!

Она побежала на кухню. Он слышал, как она доставала тарелки, гремела сковородками, ловко управлялась с кастрюлями на плите. И при этом еще и давала ему указания:

— А ты накрой на стол. Все найдешь вон там в буфете.

Ужин был необычайно вкусен. Джулия и впрямь оказалась прекрасной поварихой. В несколько минут пригостила курицу по-китайски с миндалем. Коррадо наблюдал за девушкой, поглощавшей ужин с завидным аппетитом.

— Ты всегда такая обжора?

— Что, по-твоему, я много ем? — усмехнулась она. — Мама тоже мне это говорит. И всякий раз беспокоится: «Уж не беременна ли ты?»

— А есть такая опасность? — улыбнулся комиссар.

— Святая простота! Ты что, не слыхал, мой милый, о разных средствах, изобретенных во избежание сюрпризов? Похоже, ты человек не от мира сего.

Свободная девушка, без комплексов, привыкшая говорить с полной естественностью даже на самые деликатные темы. Каттани продолжал изучать ее, колеблясь, поддаться ли ее неотразимым чарам или выстоять.

Его размышления прервал резкий телефонный звонок. Джулия встала и подошла к телефону. Пока она говорила, Коррадо с восхищением глядел на ее стройный, гибкий силуэт, четко вырисовывавшийся против света.

Рядом с телефоном стоял столик с шахматной доской. Глядя на расположение фигур, нетрудно было догадаться, что это прерванная на середине партия. Джулия взялась за слона и переставила его на другое поле.

— Мой сегодняшний ход, — объявила она своему собеседнику, — слон с-2 на а-4.

Закончив разговор, девушка сказала:

— Это звонил мой дедушка с Сицилии. Чтобы он чувствовал себя не таким одиноким, я играю с ним длинную шахматную партию. Завтра он мне снова позвонит и сообщит, какой он придумал ответный ход.

— Забавно. Ты, видно, очень привязана к деду?

— Да, это человек, с которым у меня больше общего, чем с кем-либо другим.

— Расскажи мне о своей семье.

— Ну что можно сказать интересного? Дед основал

банк. А у его отца был собственный маленький флот, который бороздил Средиземное море, перевозя грузы из одного порта в другой.

Каттани пытался понять, что за человек эта девушка, в жилах которой течет кровь арматоров и банкиров. Джулия заметила, что Коррадо молча ее изучает, и ободряюще улыбнулась. Подняла бокал. Сделала знак, чтобы он взял свой.

— Чин-чин!* — сказала она, высоко держа свой бокал и не отрывая от Каттани глаз, словно притянутая магнитом. — Хочешь остаться сегодня у меня?

На лицо Каттани внезапно набежала тень.

— Лучше не стоит.

— Боишься себя скомпрометировать?

Он не ответил.

— Я тебе не нравлюсь? — с тревогой спросила она.

— Нет, ты очень красива.

— Ох! — воскликнула она с нескрываемой радостью. — Ты нашел мое слабое место! Это тщеславие. Повтори еще раз.

— Да, Джулия, ты необыкновенно красива.

— Спасибо. Да и ты ничего себе. Главное, умеешь гладить меня по шерстке, так что еще немного — и я замурлычу. Ну ладно, так и быть. Сегодня я тебя отпускаю. При одном условии: обещай, что завтра вечером зайдешь за мной на работу. Я кончаю в шесть часов.

Коррадо покачала головой.

— Боюсь, что завтра не сумею. Меня ждет одно весьма важное дельце.

Джулия нахмурилась.

— Ты не смеешь со мной так обращаться. Я припадаю к твоим ногам, а ты меня пинаешь, отбрасываешь прочь. Да нет, ты вовсе не мил и не симпатичен.

Она протянула руку и накрыла ладонью его пальцы.

— Скажи, что придешь.

Губы Коррадо непроизвольно растянулись в широкой улыбке. Он нежно взял ее руку в свои. Вдохнул ее теплый аромат и запечатлел на ней долгий поцелуй...

В пансионе швейцар указал ему на какого-то незнакомца с прической ежиком, утопавшего в глубоком кресле.

— Вот, дожидается вас.

* Восклицание, заменяющее у итальянцев чокание и заздравиные тосты.

Каттани инстинктивно сунул руку за борт пиджака и сжал рукоятку пистолета. Но вид у посетителя был не агрессивный. Он ожидал его не меньше двух часов и уже почти спал. Медленно поднялся он с кресла, и Каттани увидел перед собой длинного худощавого блондина.

— Меня прислал Берт,— проговорил он. Скрыть его американский акцент было невозможно.— Берт видел тебя... смотрел телевизор. Он говорит: ты сошел с ума. Он боится за тебя. Я тебя охранять.

— Как тебя зовут?

— Боб. Но все называть меня Линкс... Рысь.— Он поднес указательный палец к глазу.— У меня глаза, как рысь,— захохотал он, очень довольный собой.— Никогда не промахиваюсь!

Каттани пришлось задрать голову, чтобы посмотреть ему в лицо.

— Послушай, Боб, я тоже неплохо управляюсь с пистолетом. Скажи Берту, что мне не нужна «горилла».

— О'кей, о'кей! Однако ты взять эту книга.

Каттани взял у него объемистый том и открыл его. В специально сделанном углублении лежал «магнум-44».

— У меня уже есть книга вроде этой.

— Но Берт говорит: с этой спокойнее спать.

— Хорошо, Боб.

Он хотел на прощание похлопать его по плечу. Но, черт возьми, разве дотянешься?

На следующий день произошло нечто поистине ужасное. Началось все после обеда в телестудии, где работала Джулия. Секретарша передала ей какой-то пакет.

— Его принес рассыльный,— сказала она.— Это видеокассета, которую ты заказывала. Однако он просил передать, что за другой ты должна приехать сама на фабрику в Куарто-Оджаро, где уничтожают отходы пленки.

— Что?

Джулия ничего не понимала: никакой видеокассеты она не заказывала и абсолютно не собиралась ехать за какой-то другой в Куарто-Оджаро — на самую окраину Милана.

Секретарша развела руками и исчезла, оставив у нее на письменном столе пакет с кассетой.

Джулия, недоумевая, повертела пакет в руках. Надо разобраться, в чем тут дело. Она вставила кассету

в видеомэгнитофон и при виде первого же кадра буквально остоленела.

На экране ее мать Анна делала стриптиз. Съемка была произведена много лет назад. Матери тогда было, наверное, лет двадцать пять.

В то время как Анна раздевалась, из-за кадра доносился чей-то голос, дававший насмешливым тоном указания.

— Синьорина, — звучал невидимый голос, — если вы действительно хотите сниматься в кино, надо быть немножко раскованней. Ну давайте, давайте, побольше чувства, когда вы снимаете этот бюстгальтер!

Откуда-то из глубины зала доносились издевательские смешки, кто-то отпускал реплики насчет фигуры и форм стриптизерки. И вот на экране перед Джулией предстала мать совершенно обнаженной. Следуя указаниям неведомого режиссера, она вертела бедрами, показывалась то в фас, то в профиль, принимала завлекательные позы.

Девушку это зрелище повергло в шок. Никогда еще в жизни Джулия не испытывала такого унижения. Увидев сквозь стекло двери силуэт Коррадо, она стряхнула с себя оцепенение, поспешно спрятала в сумку кассету и попыталась принять свой обычный вид.

— Как видишь, — проговорил Коррадо, — я явился даже раньше условленного. Еще нет шести.

При других обстоятельствах Джулия, наверное, бросилась бы ему на шею. Сейчас же ей удалось лишь еле слышно пробормотать:

— Молодец!

Однако присутствие Каттани подействовало на нее ободряюще. Она решила до конца разобраться в этой неприятной истории. Кто прислал ей видеокассету? И чего им от нее надо?

— Можешь оказать мне большую услугу? — спросила она Коррадо. — Отвези меня в Куарто-Оджаро. Мне надо повидать одного человека.

— У тебя неприятности? — встревожился Коррадо.

— Да так, пустяки, кое-какие семейные неурядицы.

Однако по дороге она, всегда такая оживленная и разговорчивая, хранила непонятное молчание. Каттани понял, что произошло что-то неладное.

Они ехали по дальней окраине. У какого-то, казавшегося совершенно безлюдным, фабричного здания Джулия замедлила ход и въехала в ворота. И наконец остановилась перед длинным серым строением.

— Обожди в машине. Я сейчас вернусь.

У Каттани было безошибочное чутье. Это место ему вовсе не нравилось, и он предложил проводить ее.

— Нет-нет, — удержала его Джулия. — Это минутное дело.

Она зашла в цех. Вход освещала лишь тусклая лампочка. В ее слабом свете она различила громоздящиеся один на другом огромные рулоны пленки. Они высились до потолка, отбрасывая бесформенные пугающие тени. Столы в беспорядке покрывали гроздь пленки. Даже на полу извивались, как змеи, обрывки кинолент.

— Есть тут кто-нибудь? — громко спросила Джулия.

И в то же мгновение перед ней выросла мужская фигура. Мужчина помахал у нее перед носом сверкающим лезвием ножа. Джулия хотела закричать, но сзади ее схватил за плечи другой мужчина и зажал ладонью рот.

Они потащили девушку в глубь помещения, где горела электрическая лампочка и было светло. В воздухе стоял невыносимо острый запах. Он исходил из наполненной кислотой огромной ванны, в которой пленку с помощью больших металлических барабанов превращают в жидкую массу.

Один из нападавших нажал на кнопку, и барабаны пришли в движение. Кислота заклокотала, растворяя отходы пленки. Джулию подтащили к самому краю ванны. Тот, что запустил установку, сорвал с девушки блузку и стал похотливо мять ей грудь, дыша в лицо перегаром.

— Послушай, куколка, будешь со мной любезна — все обойдется. А не то брошу тебя вот туда, в кислоту. — Повалив ее, он задрал ей юбку.

Опершись руками о пол, Джулия из последних сил постаралась подняться на ноги.

И тут в другом конце цеха послышался звук открываемой двери. Это Каттани, обеспокоенный шумом запущенной установки, поспешил в цех.

— Джулия! Джулия!..

Из-за бобин он не мог увидеть, что происходит.

Нападавшие выпустили свою добычу. Но прежде чем убежать, один из них схватил Джулию за горло и, угрожающе выпучив глаза, прорычал:

— Скажи своему отцу, что с друзьями так не поступают. Он должен выполнить — а что именно, он сам знает.

Девушка, напуганная до полусмерти, глядела на него как загипнотизированная. Он схватил ее за волосы

и яростно дернул. Потом со всей силы ударил по лицу — так, что она, отлетев, стукнулась головой о борт ванны.

Каттани разглядел две метнувшиеся к запасному выходу тени и пару раз выстрелил им вдогонку, но не попал.

— Джулия, где ты?

Что с ней? Почему не отзывается?

Затаив дыхание, он с тревогой прислушивался, ловя каждый шорох за горами пленки. И с облегчением перевел дух, услышав наконец жалобный стон.

Он нашел девушку в обмороке. Взял на руки и вынес из цеха.

В клинике Джулия пришла в себя. У нее была разбита губа и исцарапана грудь, на левой щеке темнел кровоподтек.

Она протянула к Коррадо руку и умоляюще прошептала:

— Не оставляй меня здесь одну.

— Не беспокойся. Я никуда не уйду.

Коррадо не отрывал от нее преданного взгляда.

Вдруг лицо ее болезненно передернулось.

— Это было ужасно, — простонала она, — ужасней некуда.

Шок прошел, и в памяти постепенно всплывали все страшные подробности. Она вновь видела беспощадно-жестокие глаза подонка, схватившего ее за горло. Вспомнила полные угрозы слова, которые он велел передать отцу.

— Они шантажируют папу, — сказала она. — Не знаю, чего они хотят от него. Но ты не уходи. Я боюсь.

Коррадо кивнул головой. Он наклонился над ней и нежно поцеловал в губы.

СОВЕЩАНИЕ

Выйдя из клиники, Джулия отправилась с кассетой к матери.

Синьора Анна сразу же сказала, что нечего из этого делать трагедию.

— Ну чего ты хочешь? Это был всего лишь каприз молодости. В таком возрасте часто делают глупости. Я вбила себе в голову, что стану актрисой. И дала себя уговорить сделать несколько кинопроб. — Внезапно она

рассмеялась, но смех ее был невеселым.— Как я тебе показалась? Правда, была неплоха?

Несколько удивленная, Джулия внимательно оглядела мать и увидела перед собой женщину еще очень молодую, полную жизни.

— Мама,— сказала она,— ты еще хоть куда и сейчас.

— Это твой отец заставил меня забыть о кино. Я отказалась от мысли сниматься из любви к нему.

— Тогда ты его любила?

— Конечно.— Тень печали скользнула по ее лицу.— Дорогая моя, мы с твоим отцом много лет были счастливой парой. До тех пор, пока не родилась Грета. Этот хрупкий и несчастный ребенок, казалось бы, должен был еще больше нас сблизить. А получилось так, что из-за нее мы отдалились друг от друга...

Дочь кивнула — дескать, понимает ее.

— Мне кажется, папа как бы смирился с тем, что ваши отношения рушатся, и ничего не делал, чтобы их поправить.

— Я не хочу его винить. У него столько проблем. Ему не нравится быть банкиром. Эта работа, эти вечные интриги вокруг денег не по нему. Он рожден для искусства. Его истинное призвание — музыка.

— Да, по-настоящему он счастлив лишь за роялем.

— Ах, Джулия! — Настроение матери вдруг резко изменилось. Она уткнулась лицом в колени Джулии и разразилась слезами.— Не говори ничего отцу о кассете, прошу тебя. Он не вынесет такого унижения.

Джулия погладила мать по волосам. Эта женщина всегда была с ней довольно сдержанна. Ребенком Джулия очень страдала из-за того, что мать была занята исключительно собой, своими развлечениями, своими драгоценностями.

— Нет,— заверила она мать,— я ничего не скажу папе.

Но про себя подумала, что отец и так вправе чувствовать себя униженным. Для него не секрет, что жена ему изменяет с Алесси, генеральным директором банка.

А тем временем банкир принимал в своем кабинете Алесси.

— Мы обязаны это сделать, Карло,— решительно, без всяких околичностей внушал ему Алесси — истинный мозг банка.— Если мы откажемся от этой сделки, наш филиал в Гонконге обанкротится. Не забывай, у нас нет наличных.

Карло Антинари издал глубокий вздох. Он поднялся из-за стола и прошелся по огромному кабинету. Настроение у него было подавленное. Душу его раздирали вечный конфликт между жесткими правилами бизнеса и совестью порядочного человека. Не единожды заставлял он свою совесть молчать.

— Однако, на сей раз,— сказал он,— я не могу побороть беспокойство. У меня какое-то странное, смутное предчувствие, что лучше не вступать в это дело.

Алесси тоже поднялся.

— Ты всегда полагался на меня. Думаю, следует это сделать и сейчас.

— Да, конечно, однако прежде мы оказывали финансовую помощь в легальных сделках по торговле оружием. Теперь же, в связи с этой продажей военных материалов, речь идет об абсолютно незаконной операции. Такими вещами занимаются пираты, а не банкиры.

— У тебя нет другого выхода, Карло. Они похитили твою дочь, чтоб заставить тебя уступить.— Он посмотрел на него, словно чего-то недоговаривая.— Кто знает, на что еще они способны.

Возвратившись в тот вечер домой, банкир застал только Джулию. Маленькая Грета уже спала, жена куда-то уехала.

— Ах да,— вспомнил он,— ведь мама собиралась пойти в театр с Алесси.

Банкир попытался скрыть свою тревогу и дурное настроение. Вдруг он заметил на скуле у Джулии большой синяк.

— Что у тебя с лицом?

— Чепуха, папа. Ударилась об угол шкафа.

Джулия наблюдала за отцом: в последнее время буквально на глазах он все больше мрачнел и падал духом. Правда, он всегда казался ей очень одиноким и замкнутым человеком. Она любила отца, но совершенно не походила на него — типичного интроверта. Жизнерадостная, деятельная и веселая, она унаследовала характер от деда.

— Я боюсь за вас,— мрачно проговорил банкир.— Наверное, будет лучше, если на некоторое время ты, Грета и мама уедете в Швейцарию.

— Что случилось, папа? Опять нам что-то угрожает?

— Не знаю. Но я очень беспокоюсь.

— Папа,— Джулия погладила его,— я тебя тут одно-

го не брошу. Думаю, и мама тебя одного не оставит. Как бы не так! Мама-то его оставит, с легкой душой! С каждым днем она все больше от него отдалялась. Собственно, для нее муж — совсем чужой человек. Джулия это прекрасно знала, да и отец тоже.

Будь у них сейчас возможность увидеть Анну, они получили бы наглядное тому подтверждение. Она была в этот момент в чужой квартире, в чужой постели. Рядом с нею лежал Дино Алесси.

— Завтра мы не сможем увидаться, — сказал Дино, привлекая к себе Анну. — Я еду в Рим на важное совещание.

«Важное совещание» в Риме состоялось в служебном кабинете у профессора Маттинеры — человека с лисьей физиономией, узкими, как щелки, глазами, хитро поблескивающими из-за стекол очков.

Собравшиеся уселись за большим круглым столом. Кроме них двоих был еще один участник — жирный турок с черной как смоль шевелюрой и усами. Отставив мизинец с массивным перстнем, он сразу стал раскуривать огромную сигару. Звали его Кемаль Юфтер.

Не успели они приступить к серьезному разговору, как Алесси срочно подозвали к телефону.

Звонил из Милана адвокат Дилетти — с важной новостью, могущей иметь катастрофические последствия. Дилетти только что вернулся из тюрьмы в Бергамо, где навещал Лаудео.

— Ты с ним говорил? — спросил Алесси.

— Конечно, говорил.

— Ты ему обо всем сказал?

— Разумеется.

А сказать он должен был о том, что друзья очень сердиты на Лаудео. Шантаж в отношении Антинари они считают чистым безумием. Его поведение наделало много лишнего шума и может поставить намеченную операцию под удар.

— Я ему все передал точно и ясно, слово в слово, — заверил адвокат Дилетти.

— А он что?

— Хотел узнать, от чьего имени я говорю. Я сказал: от имени Алесси и его друзей.

— Хорошо, хорошо.

— Как бы не так! Он там совсем рехнулся. Сказал,

прекрасно
скать, ты
у него е

Алесси
все более
за ним,

— Да

— Ре

адвоката
дал ему
выложит

— Су

Проинфо
ме, он, с
нам не о
дела. Сл

— Не

лу. — Мы
этого по

Лисья
лась и з
принадле

в вечном
ют забит
правило,
словно с

Такие
жестокое
у Маттин

— А
он.

Юфтер

— Да

— По

— Но

дил Матт

Что е

понятный

— Да
я действ
интересы
хотя бы п
Слегка

прекрасно, мол, понимает, что означают эти слова. Дескать, ты и Юфтер хотите вывести его из игры. Заявил, что у него есть способ заставить вас за это заплатить.

Алесси нахмурился. С каждой минутой он выглядел все более встревоженным. Юфтер и Маттинера наблюдали за ним, обмениваясь вопросительными взглядами.

— Да что он такое задумал? — спросил Алесси.

— Решил расколоться, — раздался в трубке ответ адвоката. — Завтра к нему придет этот Каттани, который дал ему неделю на размышление. Собирается ему все выложить.

— Сукин сын! — выругался, бросив трубку, Алесси. Проинформировав двух своих друзей о возникшей проблеме, он, словно смирившись, добавил: — В таких условиях нам не остается ничего другого, как отказаться от этого дела. Слишком рискованно.

— Нет! — заорал Юфтер и хватил кулаком по столу. — Мы не можем послать все к чертовой матери из-за этого полоумного.

Лисья физиономия профессора Маттинеры заострилась и еще больше приобрела хищное выражение. Он принадлежал к тому типу людей, которые, проводя детство в вечном страхе перед чересчур суровым отцом, вырастают забитыми, ущербными даже физически; сидят они, как правило, плотно сдвинув колени, сложив руки на груди — словно сжавшись в ожидании нападения.

Такие люди опасны. Им в голову частенько приходят жестокие идеи. Вроде той, что сейчас зародилась в мозгу у Маттинеры.

— А может, не поздно поправить дело?... — подсказал он.

Юфтер понял на лету.

— Да, конечно. — Мысль ему понравилась.

— Почему бы и нет? — отозвался Алесси.

— Но один я не могу принимать решения, — предупредил Маттинера.

Что еще за шутки? Сперва предлагает, а потом непонятный?!

— Да нет, отказываться я не собираюсь. Но ведь я действую не от собственного имени. Представляю интересы других лиц. И должен проконсультироваться, хотя бы по телефону. Прошу меня извинить.

Слегка сутулясь, он исчез за дверью, тщательно

прикрыв ее за собой. Долго ждать не пришлось. Вернувшись, профессор коротко сообщил:
— Все в порядке.

На следующий день Лаудео проснулся с ужасной головной болью. Тщетно он массировал себе виски. Откалзался от ежедневной утренней зарядки и дольше, чем обычно, простоял под душем. Никакого результата. Боль не проходила, стучала в мозгу, как удары молота.

В двери повернулся ключ. На пороге появился Антонио, тюремный охранник, каждое утро приносивший ему завтрак.

— Доктор, вот вам чашечка крепкого кофе.

— Спасибо, Антонио. Это как раз то, что мне сейчас нужно.

— Пришел тот человек, которого вы ожидаете, синьор Каттани. Стоит внизу.

Лаудео кивнул и попросил передать, что через несколько минут примет его. Тюремщик почтительно поклонился, бесшумно прикрыл дверь и исчез.

Лаудео взял чашку с кофе, осушил ее одним глотком и буквально через несколько секунд стал корчиться от нестерпимых резей в желудке. Весь побагровев, он задыхался, ему не хватало воздуха.

— Помогите! — закричал Лаудео. — Меня отравили!

Он упал на колени, потом повалился на пол. Его нашли совершенно скрюченным, колени упирались чуть ли не в подбородок. Он напоминал собой одно из окаменевших тел, найденных при раскопках Помпеи.

Все утро в тюрьме царила невероятная суматоха. Консультации врачей, объяснения непрерывно звонившему из Рима министерскому начальству. Антонио, тюремный охранник, уже дал свои первые показания директору тюрьмы. Но, сидя за рулем своего «фиата-127», направляясь домой на обед, он дрожал при мысли о предстоящем во второй половине дня допросе у судебного следователя.

Он уже выехал за город и готовился к ожидавшему впереди повороту, когда увидел в зеркале догонявший его грузовик. Все произошло в считанные секунды. Грузовик на полном ходу врезался сзади в машину и сбросил ее с дороги — несколько раз перевернувшись, она покати-лась под откос.

Остов машины застрял колесами вверх, наскочив на

дерево. Чу
с разможж

Селени
бы считать
дома уже
кустарника
облупленн
и было жи

Приеха
Он показ
шись к не
служившу

— Я
она. — Бе
Да
ни. — Я зн
Наверняка

концы с
большее т
— И во
у него бы
семье...

Каттани
в словах
зацепку, с
Наконец
упомянула

— А на
радо.

— Да п
он подписа
компаний».
вокруг, ука
Надо буде
«Вот ра
ратившись
есть набрал
Берт пр

дерево. Чуть выше, на склоне, лежало тело охранника с разmozженной головой. Трава вокруг была красной.

СТРАХОВКА

Селение находилось совсем рядом с Бергамо и могло бы считаться окраинным кварталом этого города. Там, где дома уже кончались и начинались поля, среди зарослей кустарника, рядом с запрудой какого-то ручейка, стоял облупленный домишко, напоминавший скорее барак, — это и было жилище тюремного охранника Антонио Вивиани.

Приехав к его вдове, Каттани застал ее уже в трауре. Он показал ей удостоверение, и женщина, сразу исполнившись к нему доверием, провела его в убогую комнату, служившую гостиной и столовой.

— Я осталась одна с двумя детьми, — причитала она. — Без единого гроша...

— Да как же так? — приворожился удивленным Каттани. — Я знал вашего мужа, это был человек разумный. Наверняка после него осталась хоть толика сбережений.

— Какое там! На его жалованье мы еле сводили концы с концами. На сберегательной книжке — самое большее триста тысяч лир. Я теперь нищая.

— И все же Антонио мне говорил, что последнее время у него были сверхурочные и он смог позаботиться о семье...

Каттани продвигался на ощупь, пытаясь уловить в словах вдовы хоть какой-то намек, хоть какую-то зацепку, способную навести на след.

Наконец его попытки увенчались успехом: женщина упомянула о страховом полисе.

— А на какой случай эта страховка? — спросил Коррадо.

— Да почему я знаю? Дней десять — пятнадцать назад он подписал какой-то полис «Международной страховой компании». Где-то он здесь. — Женщина обвела рукой вокруг, указывая на царящий в комнате беспорядок. — Надо будет хорошенько поискать.

«Вот работенка для Берта», — подумал Каттани. Возвратившись в Милан, он сразу же вызвал американца, то есть набрал знакомый номер и спросил синьора Бруски.

Берт прибыл в сопровождении двух ангелов-храните-

лей: Длинного Боба и Чарли — не слишком приятного на вид малого с расплюснутым носом и кривыми ногами.

Каттани ввел его в курс последних событий.

— Мне нужны фамилии владельцев этой «Международной страховой компании».

Берт тут же переадресовал поручение Чарли.

— Он в таких делах большой дока. А мы с Бобом улетаем в Базель. Юфтер находится там. У него в программе встреча с важными шишками. Попытаемся установить пару «жучков» и подслушать — надо же знать их планы.

— Как только вернешься, сразу встретимся, — сказал Каттани.

— Конечно. А ты тут пока немножко развлекись, о'кей? — Берт подмигнул и со значением усмехнулся. — Составь компанию синьорине Антинари...

Чарли действительно оказался толковым и расторопным — очень скоро доставил все необходимые сведения. Каттани взял в руки принесенный им лист и с удивлением присвистнул. Пятьдесят один процент, то есть большая часть акций «Международной страховой компании» принадлежала банку Антинари.

Антинари... Что-то эта фамилия попадаетеся ему слишком часто. Как будто все нити ведут в его банк. Все вертится вокруг Антинари.

Ну что ж, сейчас самое время повидать Джулию.

Девушка встретила его не слишком приветливо. Еще бы — на последнее свидание Коррадо не пришел и три дня неизвестно где пропадал.

— За это время чего только не случилось, — коротко сказал он в свое оправдание.

Но Джулия продолжала ворчать:

— Мог хотя бы явиться с букетом цветов...

— Я не кончал курсов хороших манер, — ответил он. — А теперь, если ты согласишься меня выслушать, хотелось бы попросить об одной услуге.

— Ах, вот зачем ты пришел! — Раздражение сменилось глубокой досадой, и на ее лице появилось хмурое, обиженное выражение. — Ему, видите ли, понадобилась от меня услуга...

Каттани обхаживал ее так и эдак, пока она не сменила гнев на милость. И тогда он рассказал ей про вдову и про полис, который ее муж подписал в страховом отделе банка Антинари. А в заключение предложил:

— По
по телеф
Джули
нила дир
— Да
Она н
ту. Потом
Вдруг ру
на Корра
— Но
в трубку.
что сведе
Закон
и спросил
— Зна
приятель
и бедняк
платить о
— Или
Как я и
этот поли
нии. Это
Личико
кое-что сл
ниях. Но
другое де
— Мо
рии? — пр
— Я д
У м
тельно. К
страховая
справку. Ч
ров, иначе
кругленьку
Джулия
понимала.
Каттани
— Мне
васт клиен
Наверное,
Вивiani. J

— Почему бы тебе не сделать доброе дело? Позвони по телефону и поторопи их с выплатой денег...

Джулию уговаривать не пришлось. Она тотчас позвонила директору страховой компании.

— Да-да, жду. Пусть посмотрят документы.

Она нетерпеливо постукивала карандашом по блокноту. Потом стала записывать то, что сообщал директор. Вдруг рука ее застыла, она с изумлением подняла взгляд на Коррадо.

— Но вы уверены, господин директор? — спросила она в трубку. На другом конце провода клялись и божились, что сведения совершенно точны.

Закончив разговор, Джулия сделала большие глаза и спросила Каттани:

— Знаешь, на какую сумму был застрахован твой приятель-тюремщик? На пятьсот миллионов! Вот тебе и бедняк! И с такой суммы он должен был ежегодно платить огромные взносы.

— Или же платить должен был не он, а кто-то другой. Как я и подозревал, его подкупили. Кто-то подарил ему этот полис и не откладывая попросил взамен об одолжении. Это он подсыпал яд в кофе Лаудео.

Личико Джулии нахмурилось. Как журналистка она кое-что слыхала о всяких интригах и кровавых преступлениях. Но столкнуться с ними так близко самой — совсем другое дело, есть от чего прийти в ужас.

— Может, поможешь мне разобраться в этой истории? — предложил Каттани.

— Я даже не знаю, с чего начать.

— У меня, пожалуй, есть одна мысль. Слушай внимательно. Когда кто-то хочет застраховать свою жизнь, страховая компания требует от клиента медицинскую справку. Чтобы удостовериться, что человек вполне здоров, иначе компания рискует слишком скоро потерять кругленькую сумму.

Джулия внимательно слушала Каттани, но еще не понимала, куда он клонит.

Каттани перешел к сути:

— Мне надо узнать фамилию врача, который осматривает клиентов «Международной страховой компании». Наверное, он завел карточку и на нашего тюремщика Фивiani. Любопытно было бы в нее заглянуть.

Узнать, кто производит осмотр клиентов страховой компании, оказалось совсем нетрудно. Этим занимался доктор Морроне.

В субботу, когда кабинет Морроне был закрыт, Джулия предстала перед швейцаром дома, где размещалась его приемная. На ней была совсем коротенькая мини-юбка, да и держалась Джулия под стать наряду — как можно развязнее.

— Мне нужно к доктору Морроне, — сказала она, вовсю кокетничая со швейцаром.

— Но сегодня нет приема, — ответил привратник, вытаращив глаза на девушку, как раз поправлявшую чулок.

Тут-то Каттани и проскользнул незаметно в подъезд. На площадке второго этажа он нашел то, что искал: дверь с табличкой «Врачебный кабинет Эннио Морроне».

— Как? Доктора нет? — Джулия продолжала разыгрывать дурочку. — Тогда я его подожду. Знаешь, он мне назначил на сегодня.

Наверху Каттани возился в это время с замком. Наконец ему удалось открыть дверь. В углу стоял металлический шкаф с медицинскими карточками. Найдя среди них карту Вивиани, он пробежал глазами записи и понял, что и на этот раз чутье его не подвело. Надзиратель Вивиани был болен раком, причем в поздней стадии.

И вот Коррадо, теперь уже вместе с Джулией, вновь отправился к вдове — сообщить о своем неожиданном открытии. Женщина разразилась неудержимыми рыданиями.

— Да, — подтвердила она, — у него была эта ужасная болезнь. Он знал, что приговорен к смерти, и оформил для нас эту страховку.

Она мяла в пухлых руках платочек, то и дело поднося его к глазам.

Каттани было ее жаль. Но он не удержался и сказал:

— А знаете, что сделал ваш муж в обмен на эту страховку? Подсыпал яд в кофе Лаудео.

— Нет! — яростно запротестовала женщина, переводя обезумевший взгляд с Джулии на Коррадо. Что им надо, этим незванным гостям? Запятнать память ее мужа? — Нет, не может этого быть! Он был честный человек, не способный на такие вещи! — все больше распалялась она. Но где-то в глубине души нарастал страх совсем

другого ро-
ше, чем во

— Вы
не хочет по-
Каттани

— Да
получите с
было дело

Вновь
ние.

— Да-
несчастный
ждет судь

— Кто
размахива
сделал.

— Те,
возможнос
помочь на

— Я?
— Пост

следнее вр
Женщи

— Да,
кой-то гос

Этих н
достаточно

адвокате Л
своему кли

Когда о
дождик. Д

вала автом
Каттани

— Что
Джулия

нежность,
— Разв

ла она. —
дорог?

— А пр
— Мне

— Снач
в волосах.
— Седо

другого рода: опороченное имя мужа волновало ее меньше, чем возможная потеря денег.

— Вы явились сюда потому, что страховая компания не хочет платить? Не так ли? Пытаетесь меня надуть...

Каттани успокоил ее:

— Да вы не тревожьтесь. Я буду нем как рыба, получите свои денежки. Однако вы наверняка знаете, как было дело. Вам известно, что вашего мужа убили?

Вновь на лице женщины отразилось глубокое изумление.

— Да-да,— наседали на нее Каттани. — Это не был несчастный случай. И, наверное, он предвидел, какая его ждет судьба.

— Кто его убил? — сквозь слезы крикнула женщина, размахивая сжатыми кулаками. — Я хочу знать, кто это сделал.

— Те, что ему заплатили. Те, что теперь дают вам возможность получить пятьсот миллионов. Но вы должны помочь нам найти этих людей.

— Я? Да разве я могу вам что-нибудь сказать?!

— Постарайтесь вспомнить, приходил ли к вам в последнее время кто-нибудь посторонний?

Женщина наморщила лоб.

— Да,— сказала она,— припоминаю. Приезжал какой-то господин, высокий, лысый толстяк.

Этих немногих подробностей Каттани было вполне достаточно. Он уже понял, что речь идет о Дилетти — адвокате Лаудео. Это он велел подсыпать яд в кофе своему клиенту.

Когда они возвращались в Милан, шел частый мелкий дождик. Джулия нажала на педаль тормоза и припарковала автомобиль на площадке для стоянки.

Каттани не понял, почему они остановились.

— Что это значит?

Джулия повернулась к нему с улыбкой. В ней была нежность, но был и вызов.

— Разве не так поступают влюбленные? — прошептала она. — Разве они не останавливаются на обочинах дорог?

— А при чем тут мы? — спокойно спросил Коррадо.

— Мне захотелось поцеловать тебя.

— Сначала приглядишься ко мне — у меня уже седина в волосах.

— Седой ты будешь еще неотразимее.

Каттани протянул руку и запустил ее в длинные волосы Джулии. Он смотрел на нее пристально, с легкой грустью — так, как давно уже не смотрел на женщину: крепко сжал прекрасное ее лицо в ладонях и долго вглядывался в него. Закрыв глаза, она покорно ждала продолжения.

— Ну что тебе надо от меня? — спросил Каттани. — Ты молода, красива, богата. Что я могу для тебя значить? Волнующее приключение? Каприз?

Джулия уже не улыбалась. Со всей серьезностью она проговорила:

— А если я тебя люблю?

Сколько раз Каттани слышал эти слова? И сколько раз произносил их сам? Он думал, что они для него уже утратили свой смысл. Но вот слышит их теперь из уст Джулии, и снова они звучат так же свежо, как когда-то давным-давно.

Коррадо крепко обнял прижавшуюся к нему девушку и прошептал ей на ухо:

— Ты сошла с ума, малышка. Связаться с таким бродягой, как я!..

— Ты замечательный. Просто замечательный...

Коррадо привлек ее к себе и поцеловал.

БАНК

Доктор Морроне был очень встревожен. Кто-то рылся в его медицинских картах. Он очень быстро сориентировался, что не хватает карты тюремного охранника Вивиани. История с Вивиани и так уже причинила ему немало беспокойства. Теперь же грозила еще больше отравить ему жизнь.

Он подошел к телефону и набрал номер.

— Хочу вас предупредить, — сказал он резким тоном своему собеседнику, — что я не желаю навлекать на себя неприятности. Кто-то проник в мой кабинет и забрал медицинскую карту Вивиани. Не знаю, с какой целью, и меня это не интересует. Но запомните хорошенько: если мне придется отвечать за последствия этого дела, то молчать я не буду. Да-да, все расскажу. Потому что вы меня обманули. Мы делаем доброе дело, сказали вы, оказываем услугу одному другу, которому очень дорог

этот бед
меня не
Врач
— Д

меня от
молчать.
Увы,

Около п
шум, вра
дит. Нес
а другая
Потом
полетело

Это у
потустор
опасных
подобное
дети нац
жизни.

Черед
невидима
этом сов
отравлен
теперь е
голову н
фактами.
обстояте
то касате

Что за
ра. Счита
и в то же
шерифа.

Помощ
его в вы
только не
— Мн
вится, чт
расследую
аресте.

— Пож
ответил К
— Вы,
се. — Но т
в нем поя

этот бедняга. Однако о том, что это связано с убийством, меня не предупредили ни словом.

Врач воздел очи горе, словно взывая к небесам.

— Да, с убийством, — повторил он. — Нет-нет, увольте меня от всего этого. Если что-нибудь случится, я не стану молчать...

Увы, доктору Морроне молчать все же пришлось. Около полуночи, услышав у себя в квартире какой-то шум, врач на цыпочках пошел посмотреть, что происходит. Неожиданно чья-то рука схватила его за горло, а другая — зажала ладонью рот. Он стал задыхаться. Потом распахнулось окно, и тело доктора Морроне полетело с пятого этажа в ночную тьму.

Это уже походило на какое-то проклятие. Будто некая потусторонняя сила поставила целью уничтожить всех опасных свидетелей этой истории. В ту же ночь нечто подобное произошло и в домике вдовы Вивиани. Наутро ее дети нашли женщину лежащей на полу без признаков жизни.

Череду ужасных событий на самом деле связывала невидимая нить. Помощник прокурора Вентури был в этом совершенно уверен. Похищение дочери банкира, отравление Лаудео, убийство тюремного охранника. И вот теперь еще две жертвы. Помощник прокурора ломал себе голову над тем, какая связь существует между этими фактами. Несомненно, их объединяло одно странное обстоятельство: всякий раз к происшедшему имел какое-то касательство комиссар Каттани.

Что за странный тип, размышлял помощник прокурора. Считается в отпуске в ожидании нового назначения и в то же время всюду сует нос и строит из себя какого-то шерифа. Интересно знать, что он задумал?

Помощник прокурора вызвал Каттани к себе. Принял его в высшей степени прохладно и держался с ним не только нелюбезно, но и почти грубо.

— Мне не нравится, — сказал он, — мне вовсе не нравится, что вы вмешиваетесь в дела, которые сейчас расследуются мною. Я мог бы распорядиться о вашем аресте.

— Пожалуйста, если вам так угодно, — вызывающе ответил Коррадо. — Это в вашей власти.

— Вы, видимо, считаете себя первым учеником в классе. — Но тут помощник прокурора вдруг переменил тон, в нем появились чуть грустные нотки: — Я к вам питаю

искреннее уважение, но все же кое на что и мы еще годимся. Например, я дознался, что это вы пробрались в кабинет доктора Морроне и похитили медицинскую карту охранника Вивиани.

— Я этого и не скрываю.

— Однако ваша бравада стоила врачу жизни. Я вот вот получил бы те же сведения совершенно другими методами. Мне было известно, что у Вивиани опухоль. Экспертиза установила это сразу же после вскрытия. А знаете, что мы нашли в кармане охранника? Квитанцию на страховку в пятьсот миллионов. А что предприняли вы, заполучив две эти улики? Заподозрили мошенничество, осуществленное при соучастии доктора Морроне. Ведь только в случае, если врач скрыл наличие опухоли, страховая компания могла принять к оплате полис на такую крупную сумму. И хотите знать, о чем я позаботился? Когда у меня возникли те же подозрения, я распорядился поставить телефон Морроне на прослушивание. Из одного телефонного разговора я узнал, что врач потерял голову от страха из-за кражи... ну, скажем, исчезновения медицинской карты Вивиани. Он был крайне встревожен и угрожал все рассказать.

Каттани, слушавший с большим интересом, широко раскрыл глаза.

— А по какому номеру звонил доктор Морроне?

— По номеру адвоката Дилетти.

— Я готов был в этом поклясться!

Помощник прокурора покачал головой, молча барабанил пальцами по столу. «Готов был поклясться», — повторил он, словно беседуя сам с собой. Он снял очки и откинул голову на спинку кресла. В его позе чувствовалось нечто большее, чем только усталость, — чувствовалась глубокая досада и безнадежность.

— Я уезжаю, — вдруг сообщил он. — Меня переводят.

У Каттани было такое впечатление, словно он присутствует при сцене, которую знает наизусть. Еще один честный слуга закона, которого пытаются обезвредить. Причем как раз в тот момент, когда еще немного — и он выведет всех на чистую воду. Невидимая власть начеку, она всегда вступает в игру вовремя.

Словно прочитав его мысли, доктор Вентури добавил:

— Нет-нет, я сам давно просил перевести меня из Милана. Хочется поработать в каком-нибудь приморском городе. Обожаю рыбную ловлю.

— Верк
просьбу уд
Помощи

он с пытли
они и не у
сама собой

— Дол
начался по
потому, что

по одному
Он, каза

Но человек

— Сраз

я пришел к
в банке Ан

копать там

ство сразу

мол, очень

усмехнулся

моим колле

Вот я и пр

Банк А

Вентури во

величествен

лия избега

наследница

выражать с

и она почти

Однако

с которым

шагом пере

вестибюль,

перед суро

в кабинет с

Банкир

данным визи

кресло — де

это место е

— Я в н

отнекивала

рый взирал

го над масс

— Чему

отец.

— Верю, но меня ничуть не удивляет, что вашу просьбу удовлетворили именно сейчас.

Помощник прокурора поджал губы. Снова надев очки, он с пытливой обстоятельностью оглядел Каттани. Хотя они и не успели поближе познакомиться, но между ними сама собой уже возникла взаимная симпатия.

— Должен сказать вам правду, — вдруг разоткровенничался помощник прокурора. — Я ускорил свой отъезд потому, что у меня возникли разногласия с начальством по одному вопросу.

Он, казалось, колебался, стоит ли уточнять по какому. Но человека порой тянет хоть кому-то довериться.

— Сразу же после похищения девочки, — сказал он, — я пришел к убеждению, что ключ ко всему следует искать в банке Антинари. Чтобы разобраться в этом деле, надо копать там. Но едва я высказал такое намерение, начальство сразу приставило ко мне одного моего коллегу. Дело, мол, очень сложное. — Помощник прокурора горько усмехнулся. — Но мне не очень-то удалось поладить с этим моим коллегой. Скажем так — у нас с ним разные методы. Вот я и предпочел уехать отсюда.

Банк Антинари, в отношении которого у доктора Вентури возникли подозрения, помещался в старинном величественном палаццо, в самом сердце Милана. Джулия избегала туда ходить. Она была дочь владельца, наследница трона, и все считали своим долгом при встрече выражать ей глубокое почтение. Это ей не нравилось, и она почти никогда там не показывалась.

Однако в то утро ее привело туда любопытство, с которым она не могла совладать. Джулия быстрым шагом пересекла облицованный мрамором просторный вестибюль, поднялась на один марш лестницы и оказалась перед сурового вида швейцаром, сторожившим вход в кабинет отца.

Банкир был удивлен, но и очень обрадован неожиданным визитом. Он обнял дочь и хотел усадить ее в свое кресло — дескать, надеется в скором времени уступить это место ей, а сам уйдет на пенсию.

— Я в нем чувствую себя совершенно не на месте, — отнекивалась Джулия под суровым взглядом деда, который взирал на нее с писанного маслом портрета, висевшего над массивным столом.

— Чему обязан приятным сюрпризом? — спросил отец.

Девушка приняла серьезный вид.

— Мне не дает покоя один вопрос. Думаю, ты помо-
жешь мне на него ответить.

— Слушаю тебя, дорогая.

— Я хотела бы знать, как могли принять полис от
этого Вивиани.

— Вивиани? — Это имя ничего не говорило банкиру.

— У того убитого надзирателя был страховой полис
«Международной компании».

— Первый раз слышу.

Джулия взглянула на отца, пытаясь понять, не лжет
ли он. Но его удивление показалось ей неподдельным.

— Я узнала, что у этого человека была раковая
опухоль, а его все-таки застраховали на пятьсот миллио-
нов. Как такое могло произойти?

Отец обещал ей все выяснить и, как только она ушла,
сразу же вызвал к себе Алесси.

— Мне эта история совершенно не нравится, — сказал
он. — Даже моя дочь знает про этот дурацкий полис,
представляю, что будет, если им заинтересуется какой-
нибудь судья.

— Мы были вынуждены так поступить, — цинично
ответил Алесси. — Нам нужно было найти человека, кото-
рый заткнул бы рот Лаудео. Этот сумасшедший собирался
все выложить. Ты должен быть мне благодарен, ведь он
угрожал назвать и твою фамилию.

Банкир векочил из-за стола и срывающимся голосом
закричал:

— Мою фамилию?! Да я не имею абсолютно никакого
отношения к этому грязному делу. Я был против с первой
же минуты!

— Но «это грязное дело» — единственный шанс спа-
сти банк и спастись тебе самому. Потому что, если пойдет
ко дну банк, погибнешь и ты.

— Вот и хорошо!

Алесси, стараясь сохранить хладнокровие, стал убеж-
дать собеседника:

— Ну подумай сам: банк гарантирует финансовое
обеспечение сделки, и страна, которая покупает оружие,
помещает огромные капиталы в наш филиал в Гонконге.
Операция чистая, спокойная. И нам удастся спасти свое
отделение в Гонконге и все остальное.

— «Чистая операция»! Мы позволяем агрессивному
государству приобретать оружие на подпольном рынке!

А для чего
напасть на

— Да
начал терять
ситуации
кош.

— Да,
жение Ант
пился рука
меня; если
аргументы

Алесси

— Ты
ракетное
банк давно
угрожать!

Он вско
уложил их
в лицо Ан

— Если
подписать

Кто хор
оказался б
сразу же
с ним посл

Они си
и Чарли —

— Слу
Берт и взя
стоит один
миллиарда

— Черт
надуешь.

— А я
Берт. И что
еще нагляд

нот. — Ты
я. — Он про

— Вот

— Тепе
миллиарда.
за четыре м
вать я.

А для чего ему нужно оружие? Чтобы развязать войну, напасть на другую страну.

— Да не будь ты таким чувствительным! — Алесси начал терять терпение. — Ты уж меня извини, но в твоей ситуации угрызения совести — непозволительная роскошь.

— Да, у меня еще осталась совесть. — Нервное напряжение Антинари достигло предела, он изо всех сил вцепился руками в край стола. — Я тебе советую не давить на меня; если хочешь знать, у меня тоже есть кое-какие аргументы против тебя.

Алесси взвился как змея и выпустил весь свой яд:

— Ты ни на что не способен, ты жалкое, бесхарактерное ничтожество! Если бы не я, твой распрекрасный банк давно бы прогорел. А теперь ты еще смеешь мне угрожать!

Он вскочил, собрал со стола кипу бумаг и аккуратно уложил их снова в папку. На пороге обернулся и бросил в лицо Антинари зловещее предостережение:

— Если не хочешь плохо кончить, рекомендую тебе подписать этот документ.

Кто хорошо понимал, в каком безвыходном положении оказался банк, так это Берт. Вернувшись из Базеля, он сразу же пригласил к себе Каттани, чтобы поделиться с ним последними новостями.

Они сидели за столом вместе с Длинным Бобом и Чарли — Расплющенным Носом.

— Слушай меня внимательно, комиссар, — сказал Берт и взял из вазы яблоко. — Допустим, вот это яблоко стоит один миллиард. Однако я продаю его Чарли за два миллиарда.

— Черта с два, — осклабился Чарли, — ты меня не надуешь.

— А я тебя и не надуваю, — терпеливо продолжал Берт. И чтобы объяснить механизм финансовых операций еще нагляднее, вытащил из бумажника несколько банкнот. — Ты платишь два миллиарда, но деньги даю тебе я. — Он протянул две ассигнации Чарли.

— Вот так-то лучше, — отозвался тот.

— Теперь Чарли продает Бобу. Но Боб заплатит три миллиарда. В свою очередь Боб продаст яблоко Коррадо за четыре миллиарда. А деньги по-прежнему буду вкладывать я.

Всем было интересно знать, чем кончится эта вроде бы абсурдная игра.

Но Берт их предупредил:

— Только не думайте, что это игра. Это метод выживания банка Антинари. Ну, вернемся к нашему яблоку. Последним купил его Коррадо. Начальная стоимость — один миллиард. Он заплатил четыре миллиарда.

— Так в чем же выгода? — спросил Коррадо.

— Выгода в том, что ты повышаешь номинальную стоимость предмета продажи. Не вынимая из кармана ни лиры. Потому что различные операции по переходу от одного к другому осуществляются через зарубежные филиалы банка. Один в Лихтенштейне, другой — на Багамских островах, третий — в Гонконге.

— Гениально!

— Но лишь до тех пор, пока это остается секретом, — пояснил Берт. — Допустим, ты вложил в филиал в Гонконге тысячу этих яблок. Реальная их стоимость тысяча миллиардов, но официально их значится четыре тысячи. Разница составляет три тысячи миллиардов. И как раз более или менее соответствует той «дыре», что ныне образовалась у филиала в Гонконге.

— Фью-ю! — присвистнул Боб.

— Все шло хорошо до тех пор, пока никто об этом не знал. Но теперь об этом знает Юфтер и шантажирует Антинари. Он хочет, чтобы банкир помог ему заключить одну сделку на тысячу миллиардов лир.

— Черт подери! — Боб ошарашенно вращал глазами. От одних разговоров о всех этих миллиардах у него кружилась голова.

— Интересно, каким образом Юфтеру удалось раскрыть этот механизм, — сказал Каттани.

Берт кивнул головой, довольный тем, что может удовлетворить его любопытство.

— В Базеле я это узнал. На совещании с Юфтером и другими воротилами присутствовал Алесси. Он-то и раскрыл трюк Юфтеру. Они с ним союзники и хотят заставить Антинари пойти на эту сделку.

ФОТОГРАФИЯ

«Я веду себя как мальчишка», — сказал себе Каттани, поднимаясь лифтом к Джулии.

Сердце у него билось сильнее обычного. Сомневаться не приходилось — эта девушка вызывала в нем чувства,

от которых
распахнула
и вновь ра
говоря ни
губам.

— Дав
прошептал
тонкого а
и сама она

— Нак
Джулия
подбородку
сткая, что
оставалась

Он пор
почувствов
каким не б

— Ты
прижимая
родке.

— Что

— Я —

что я все

Джулия
фонный зв
трезвонил,

Звонил
едва не ли
по лбу и не

— Сейч
Дома Д

почти в не
дверь спал
склонялись

удалось ра
руку.

— Я на
мать.

Банкир
несколько ч
принести л
лежавшим

снотворного
Вскоре п
сильнейшего

от которых он уже поотвык. Дверь на звонок сразу распахнулась, Джулия, стоя на пороге, крепко зажмурилась и вновь раскрыла глаза — мол, не сон ли это. Потом, не говоря ни слова, обвила ему руками шею и припала к его губам.

— Давай начнем с того, на чем мы остановились, — прошептала она и провела его в спальню. У Коррадо от тонкого аромата ее духов, которым была пропитана и сама она, и воздух в квартире, закружилась голова.

— Наконец-то ты нашел для меня немного времени.

Джулия легонько провела кончиками пальцев по его подбородку — борода у него росла такая густая и жесткая, что даже после тщательного бритья на лице оставалась синева.

Он порывисто прижал ее к себе и, держа в объятиях, почувствовал себя таким счастливым и умиротворенным, каким не был уже много лет.

— Ты в опасности, комиссар, — улыбнулась девушка, прижимая указательный палец к ямочке на его подбородке.

— Что же это за опасность?

— Я — твоя опасность. Ты здорово рискуешь, потому что я все больше в тебя влюбляюсь.

Джулия нагнулась поцеловать его и, услышав телефонный звонок, от досады застонала. Телефон долго трезвонил, пока она не взяла наконец трубку.

Звонила мать. Известие, которое она ей сообщила, едва не лишило Джулию чувств. Девушка провела рукой по лбу и невероятным усилием воли взяла себя в руки.

— Сейчас же еду, мама.

Дома Джулия обнаружила мать лежавшей в кресле почти в невменяемом состоянии. Сквозь полуотворенную дверь спальни виднелись фигуры санитаров и врача, они склонялись над отцовской постелью, загорая живая ее. Ей удалось разглядеть только свисавшую из-под простыни руку.

— Я нашла его в кабинете на полу, — простонала мать.

Банкир работал за своим письменным столом уже несколько часов, когда жена зашла к нему спросить, не принести ли горячего молока. Тут-то она и застала его лежавшим на полу. Рядом валялись два пустых тюбика снотворного.

Вскоре приехал и Дино Алесси. Он не скрывал своего сильнейшего раздражения.

— Не хватало только еще попытки самоубийства. Настоящая мелодрама! Немало глупостей он натворил, но эта поистине превосходит все остальные.

— Да как ты смеешь? — в ярости воскликнула Анна и отвесила Дино пощечину.

Алесси схватил ее за руку и заорал, что на этот раз он сделает вид, что ничего не случилось, но если она попробует повторить еще раз, то жестоко раскается.

— Мошенник, жулик! — крикнула в ответ синьора Антинари. — Бедный Карло, это ты довел его до этого!

— Мама, — пыталась успокоить ее Джулия, — как ты можешь так говорить?

Лишь сейчас Алесси заметил присутствие Каттани. Только его тут не хватало.

— Здесь мы обсуждаем семейные дела, — сказал он подчеркнуто нелюбезным тоном. — Вам не трудно будет пройти в другую комнату?

— Ничуть.

Каттани вышел в коридор. Увидел полуотворенную дверь кабинета и проскользнул внутрь. Именно здесь Антинари, поддавшись глубокому отчаянию, попытался свести счеты с жизнью. Каттани огляделся вокруг. В книжных шкафах множество старинных книг, в углу рояль — давняя страсть Карло Антинари.

На письменном столе, поверх конверта, лежал серебряный нож для разрезания бумаги. Комиссар взял в руки конверт. Письмо было адресовано жене банкира.

Каттани надорвал конверт и пробежал глазами письмо. Всего несколько строчек от руки — банкир писал жене, что не таит на нее зла за ее связь с Алесси. «Но будь осторожна, — предостерегал он. — Этот человек опасен». В случае каких-либо серьезных затруднений банкир советовал жене уехать с дочерьми к его отцу на Сицилию.

«В этом конверте, — заканчивалось письмо, — ты найдешь ключ. Он от ячейки в автоматической камере хранения на Центральном вокзале, где я спрятал документы, которые в случае необходимости могут тебе пригодиться против Алесси».

Каттани пошарил в конверте и вытащил ключик. Обернулся к двери и, убедившись, что за ним никто не наблюдает, опустил ключ в карман и вновь вложил письмо в конверт. Шум шагов заставил его быстро сунуть в карман и письмо. Едва он успел с рассеянным видом

отойти к кн
и вошел А
с неприязн

— Что
— Сего

койтесь, я
этой библи

Алесси
не нравился
ся на кабл

Между
вышел вра
Ему сделал

нет повода
— К сч

вы быстро
главное —
— Докт

— Разу
одного. Вд

Санитар
шла к отцу

пороге, не
шагов, отде

тыми глаза
Джулия

повернул го
лицо. Глаза

Джулию, о
— Я не

слышно про
— Папа

была безжи
самое главн
— Бедн

тебе не так
— Для

Банкир
— Нет,

иметь призе
Дождави

вышла из к
— Он в

на ночь, —

3 М. Незе

отойти к книжному шкафу, как дверь резко распахнулась и вошел Алесси. Окинув комнату быстрым взглядом, он с неприязнью уставился на комиссара.

— Что вы тут высматриваете?

— Сегодня вы набрасываетесь на всех подряд. Успокойтесь, я всего лишь люблюсь замечательными книгами этой библиотеки.

Алесси смерил его долгим взглядом. Ему решительно не нравился этот человек. Не попрощавшись, он повернулся на каблуках и спустился в холл, к выходу.

Между тем из комнаты, в которой лежал банкир, вышел врач. Он объявил, что Антинари вне опасности. Ему сделали промывание желудка, и теперь все в порядке, нет поводов для беспокойства.

— К счастью,— обратился он к синьоре Антинари,— вы быстро сориентировались в ситуации. В таких случаях главное — не упустить время.

— Доктор,— спросила Джулия,— можно к нему зайти?

— Разумеется, даже нужно; лучше не оставлять его одного. Вдруг ему вздумается повторить попытку.

Санитары уже унесли свою аппаратуру. Джулия подошла к отцу и присела на постель. Мать же застыла на пороге, не находя в себе мужества одолеть несколько шагов, отделявших ее от Карло. Тот лежал с полужакрытыми глазами лицом к окну.

Джулия погладила его по голове. Он с натугой повернул голову и несколько секунд всматривался в ее лицо. Глаза у него были словно подернуты туманом. Узнав Джулию, он сделал печальную гримасу.

— Я не способен даже на то, чтобы умереть,— еле слышно пробормотал он.

— Папа! — Она взяла его за руку. Ладонь у него была безжизненная и холодная.— Папа, сейчас для тебя самое главное — покой.

— Бедная Джулия! — пробормотал он.— Бог послал тебе не такого отца, которым ты могла бы гордиться.

— Для меня, папа, ты самый лучший человек на свете. Банкир чуть заметно помотал головой на подушке.

— Нет, я плохой отец и плохой банкир. К этому надо иметь призвание с рождения.

Дождавшись, когда он уснул, Джулия на цыпочках вышла из комнаты.

— Он в ужасном состоянии. Мне лучше остаться тут на ночь,— сказала она Коррадо.

Попрощавшись с Джулией, Коррадо поехал напрямик к вокзалу. Следом за ним тихо тронулся темный автомобиль. Движение в этот поздний час было не слишком оживленное. Уличные фонари тускло светили в тумане.

На вокзале Каттани прошел в зал с автоматическими камерами хранения и открыл найденным в конверте ключом дверцу одной из ячеек. Человек, следовавший за ним в темном автомобиле, теперь наблюдал за его действиями из телефонной кабины. Ему удалось разглядеть, как комиссар достал из ящика большой желтоватый конверт, как, надорвав его, извлек фотографию.

Затем Коррадо сунул фотографию в конверт, вернулся к машине и поехал дальше. Темный автомобиль следовал за ним, соблюдая некоторую дистанцию. Не доезжая до Монцы, Каттани свернул с автострады на узкую дорогу и остановился у ворот большой виллы. Тут была штаб-квартира Берта.

Ворота распахнулись. Виллу закрывали высокие старые деревья, отбрасывавшие огромные тени. Прежде чем захлопнуть ворота, Чарли внимательно огляделся по сторонам.

Завидев гостя, Берт подбросил свои полдоллара чуть ли не до потолка, что было у него признаком отличного настроения.

Радости от встреч с Коррадо еще больше прибавилось, когда он увидел привезенную им фотографию.

— Амиго, вот это мастерский удар!

Он положил фотографию на стол под лампу. На снимке были изображены пять человек.

— Вот этих троих мы с тобой знаем, — проговорил Берт. — Дино Алесси, Лаудео и Юфтер. Гм, гляди-ка, кто с ними. Этого типа ты не знаешь, но я-то знаю хорошо. — Он ткнул пальцем в изображение плотного рыжеватого мужчины. — Мой старый знакомый, шпион, работает на одну из восточноевропейских стран. Его фамилия Лейбниц. Слушай, да этой фотографии нет цены! Одно то, что эти господа сфотографированы все вместе, — неопровержимая улика, свидетельствующая о том, что они замышляют что-то нечистое!

На фотографии был еще один персонаж. Незаметный седой человечек с остренькой лисьей физиономией — Маттинера, профессор из Рима, в кабинете которого недавно совещались Алесси с Юфтером.

Однако ни Берт, ни Коррадо представления не имели,

кто это та-
банкира А
фото? Не
вать его?

— Воз

Пока
большая
виллы. Во
нут через

Боб —

— На

он, — а не

Он на

который

напомина

мальчишн

А тем

Грянула о

ный взры

обрушилс

Берта и

Автоматич

ны, мигал

— За

и метнулс

в заднюю

Коррад

в руке. На

сжимали

ничком на

Один

страшный

Глаз подс

Осада

сколько б

слух, над

опасность.

Чарли

проникли

Чарли сде

Берт в

витраж, в

нию. Катт

сился в са

кто это такой. Скорее всего кто-то из близкого окружения банкира Антинари. Может быть, потому он и прятал это фото? Не желал навредить своему другу, скомпрометировать его?

— Возможно, — заметил Каттани, — весьма возможно. Пока они пытались разгадать секреты фотографии, большая темная машина остановилась в сотне метров от виллы. Водитель что-то сообщил по радиотелефону. Минут через десять подъехали еще две машины.

Боб — Рысий Глаз приготовил кофе.

— Настоящий итальянский «экспрессо», — объявил он, — а не какая-нибудь там американская бурда.

Он наполнил чашечку Коррадо, потом налил Берт, который вновь начал вертеть в пальцах монету. Они напоминали старых школьных друзей, собравшихся на мальчишник.

А тем временем над их головами собиралась гроза. Грянула она совершенно внезапно. Раздался оглушительный взрыв, и потолок комнаты, в которой они сидели, обрушился, подняв тучи пыли и засыпав все штукатуркой. Берта и Коррадо отбросило взрывной волной к стене. Автоматические системы тревоги взбесились — были сирены, мигали красные сигнальные лампочки.

— За мной! — заорал Берт. Он схватил свой «магнум» и метнулся вниз, на первый этаж, а потом по коридору в заднюю часть дома.

Коррадо бежал за ним следом, тоже с пистолетом в руке. Нападавшие вели огонь из автоматов и все плотнее сжимали кольцо вокруг виллы. Длинный Боб бросился ничком на пол и выставил в дверную щель свой автомат.

Один из бандитов подкрался к Бобу и нанес ему страшный удар по голове рукояткой пистолета. Рысий Глаз подскочил и повалился с разmozженным черепом.

Осада не ослабевала. Берт и Коррадо не могли понять, сколько было нападавших. Они погасили свет и напрягли слух, надеясь по шорохам определить, откуда грозит опасность.

Чарли осторожно пробирался к окну. Но бандиты уже проникли в дом и выстрелили ему в спину. Кривые ноги Чарли сделали пируэт и подогнулись как ватные.

Берт взмахом руки указал Коррадо на широкий витраж, выходивший в сад: единственный путь к спасению. Каттани отчаянным прыжком высадил окно, бросился в сад и, прижавшись к дереву, пытался прикрыть

огнем бегство Берта. Но американца тут же прошило очередью из автомата. Теряя сознание, он успел еще различить рядом с собой тень, целившуюся в Каттани. Собрав последние силы, он разрядил в нее свой «магнум». И сразу же новая очередь прошла по его ничком расprostертому телу.

Каттани видел, как он судорожно корчится, словно охваченный огнем лист бумаги.

— Берт! — крикнул Каттани. — О Господи, Берт!

Он перевернул его на спину. У американца еще не сошла с лица его обычная, чуть насмешливая улыбка. Казалось, он спит. Левая рука все еще сжимала полдоллара. Каттани взял монету, опустил в карман и скрылся в тени деревьев.

Они охотились за ним, как свора гончих псов. Один обходил с карманным фонариком виллу и обшаривал каждый уголок. И вдруг нашел то, что искал. Луч фонарика осветил лежавшую на столе фотографию. Он взял ее и растворился в темноте.

Комиссар пересек сад, перелез через каменную ограду и, спрыгнув на землю, стал осторожно пробираться вдоль стены под защитой высокого кустарника. Бандиты продолжали прочесывать каждый метр. По дороге, ведя поиск, медленно проехала машина. Водитель напряженно вглядывался в темноту, потом вышел из машины и с пистолетом в руке, пригнувшись, пошел вдоль дороги. Из зарослей Коррадо отчетливо видел его в полутьме. Он был уже в нескольких шагах от комиссара. Каттани поднял пистолет, прицелился, но как раз в этот момент бандит вошел в пространство, освещенное уличным фонарем, и комиссар смог рассмотреть его лицо. Это был парень лет восемнадцати, еще почти мальчишка. «Боже праведный!» — воскликнул про себя Каттани, и у него не хватило решимости спустить курок.

Он двинулся дальше под прикрытием невысокой каменной ограды. Но когда она кончилась, произошло непоправимое. Он столкнулся лицом к лицу с выслеживавшим его парнем. Каттани оказался проворнее, молниеносно отпрыгнул в сторону и выстрелил. Сжав зубы, он нажимал на спусковой крючок еще и еще раз. Бездыханное тело парня свалилось прямо на него. В последней попытке спасти свою жизнь мальчишка отчаянно цеплялся за руки комиссара.

Было
стоном пе
бледные п
ла. Неско
простраци
дремоту о
рукой сня
провел ла
приподнял

Отброс
он, держа
ло безыс
в тишину.
не слышн

В кори
перевести
Постояв
к свету, ба
ми руками
ты, но пи

Он пр
ставшей т
в кабинет

— Где
Жена

— Как

— Это
столе. Сей

— Но,
Лицо б
удар.

— Ты
дружок. Т

Жена
ла. По ли

— Кля
Звучав

погладил
— Про

же тогда п
— Нав

Пришел ш

СТАРИК

Было уже давно за полночь. Банкир с мучительным стоном перевернулся в постели на другой бок. Длинные бледные пальцы пианиста судорожно сжимали край одеяла. Несколько секунд он лежал неподвижно, в какой-то прострации, потом вдруг широко раскрыл глаза. Сквозь дремоту он вдруг о чем-то вспомнил, сон сразу же как рукой сняло, и сознание обрело полную ясность. Он провел ладонью по лицу, потом, опершись на локоть, приподнялся.

Отбросил одеяло и встал. Колени у него дрожали, но он, держась за стену, двинулся вперед. Лицо его выражало безысходное отчаяние. Квартира была погружена в тишину. Его неуверенные, шаркающие шаги были почти не слышны.

В коридоре он налетел на полку и остановился, чтобы перевести дыхание. Войдя в кабинет, зажег люстру. Постояв несколько секунд, пока глаза не привыкли к свету, банкир бросился к письменному столу. Дрожащими руками стал перебирать папки, бумаги, книги, блокноты, но письма не было.

Он принялся рыться в ящиках, задыхаясь от нараставшей тревоги. Шум разбудил жену, и она поспешила в кабинет.

— Где письмо? — спросил он. — Отдай мне письмо.

Жена непонимающе смотрела на него.

— Какое письмо?

— Это ты его взяла. Оно лежало тут, на письменном столе. Сейчас же отдай его.

— Но, дорогой мой, я не видела никакого письма.

Лицо банкира исказилось, казалось, его вот-вот хватит удар.

— Ты отдала его Дино, да? Ведь он твой закадычный дружок. Ты веришь только ему, он один тебя понимает...

Жена подхватила его под руку, обнимала, успокаивала. По лицу у нее струились слезы.

— Клянусь тебе, я не видела никакого письма.

Звучавшее в ее голосе отчаяние поразило его. Он погладил жену по руке и виновато проговорил:

— Прости, я веду себя как последний идиот. — Но где же тогда письмо? — Беспокойство его возросло еще больше.

— Наверное, его взял Алесси, — пробормотал он. — Пришел шпионить и нашел его здесь.

Мысль, что письмо попало в руки Алесси, была столь ужасна, что у него подкосились ноги и он без сил повалился в кресло.

— Письмо у Алесси — мы погибли... — простонал банкир.

Проснулась и Джулия. Она никак не могла понять, что привело отца в такое отчаяние.

— Я должен уехать, — решительно объявил банкир. — Единственная надежда спасти положение — немедленный отъезд. Нужно поехать на Сицилию и повидать отца.

— Но ты не можешь ехать, папа. Доктор сказал, что тебе необходим покой...

— Дело идет о жизни и смерти, — отрезал банкир тоном, не допускающим возражений. — Поскольку я не способен, как оказалось, даже умереть, попытаюсь спасти хотя бы то, что еще можно спасти.

К девяти утра Джулия проводила его в аэропорт. Она настойчиво просила его не оставлять ее в неведении. Лицо ее выдавало сильную тревогу.

— Ради бога, папа, хоть намекни, что такое страшное у тебя стряслось, — попросила она.

Но отец был непреклонен.

— Когда возвращусь, дорогая, когда возвращусь, — пообещал он, целуя дочь в щеку. — Сначала мне надо переговорить с дедушкой.

На правах старого патриарха Никола Антинари жил в окружении преданных ему людей в большой гостинице на море. Позади отеля величественно высилась Этна. Сын застал Николу в саду, где он с кем-то яростно спорил. «Несмотря на свой возраст, — подумал Карло, — отец выглядит куда энергичнее и крепче меня».

Они обнялись и долго не разжимали объятий.

— Ну, наконец-то решился выбраться сюда из северного тумана! — проворчал старик.

— Да, приехал тебя проведать, — с горькой улыбкой отвечал сын. — Ты мне нужен, папа.

— Я так и думал, — усмехнулся старик, покачав своей крупной головой, обрамленной длинными седыми волосами, похожими на львиную гриву. Он ласково взял сына под руку. — Ты и в детстве, когда у тебя случалась какая-нибудь беда, всегда прибегал к отцу. Идем, идем, сейчас мы с тобой удобно усядемся, и ты мне все расскажешь.

Через
против др

— Ра

— От

хочется с
совесть н

Стари

лангуста.

— Ты

подходи

Мы лиш

ность зак

никакого

весь меха

деньгах в

Сын

головой —

— Это

Предоста

сальных

попадает

соседей,

государст

У меня н

настолько

людей.

— Сло

действите

тебе коне

тебе в пр

что сдела

чивыми н

гой мой,

человеком

им всю ду

с пустыми

— Ты

чему? — о

стоянно н

поступаю

участвова

ем. Я хочу

оставалис

— Не

Через некоторое время отец с сыном сидели друг против друга за столиком в ресторане.

— Рассказывай, что у тебя там стряслось.

— Отец, банк стоит на краю пропасти. И все же мне не хочется соглашаться на эту сделку с Юфтером. Просто совесть не позволяет.

Старик, предвкушая удовольствие, очищал клешню лангуста.

— Ты чересчур щепетилен, потому что неправильно подходишь к этому вопросу. Мы же не продаем оружие. Мы лишь предоставляем деньги, даем другим возможность заключать сделку. А какого рода эта сделка, нам нет никакого дела. Деньги — великая смазка, без нее станет весь механизм мировой экономики. Но не более того. На деньгах вины нет.

Сын почти не притронулся к еде и только качал головой — доводы отца его ничуть не убедили.

— Это лицемерие, папа, с какой стороны ни подойди. Предоставляя деньги, мы способствуем продаже колоссальных партий оружия. Вот в чем суть. А оружие попадает в страну, которая использует его против своих соседей, может быть, нападет на граничащее с ней государство. Начнутся войны, будут жертвы, страдания. У меня нет никакого желания в этом участвовать, я не настолько циничен, чтобы наживаться за счет гибели людей.

— Слова, слова, дорогой мой. Надо смотреть в лицо действительности. Если ты откажешься от этой операции, тебе конец, крышка твоему банку. А я ведь оставил его тебе в прекрасном состоянии. Он процветал. А ты с ним что сделал? Своими угрызениями совести, своими навязчивыми идеями довел до полного упадка... Деньги, дорогой мой, ревнивы, как женщина. Они хотят владеть человеком безраздельно. Ты должен любить их, отдавать им всю душу. Иначе они тебя покинут, и ты останешься с пустыми руками.

— Ты прав. Банк при тебе процветал. Но благодаря чему? — ответил сын, внезапно воодушевляясь. — Ты постоянно использовал его для «отмывания» грязных денег, поступающих от продажи наркотиков. А кроме того, участвовал в сделках, способствовавших торговле оружием. Я хочу работать по-другому, хочу, чтобы руки у меня оставались чистыми...

— Не сможешь... — В глазах старика блеснул дьяволь-

ский огонек. — Если вокруг тебя люди с грязными руками, то ничего не попишешь, тебе тоже придется немножко испачкать руки, если не желаешь выпасть из игры, пойти ко дну. А иначе — сиди себе в сторонке на бережку и смотри. Храни руки в чистоте, но никуда уж не суйся. Понятно?

— Да, ты все прекрасно объяснил. И все же я не могу допустить того, что нельзя найти какой-нибудь пристойный выход, какой-нибудь другой способ спасти банк. Вид у Антинари-младшего был подавленный. Он снял очки и принялся с силой тереть переносицу. — Вот за этим я и приехал к тебе.

Старик глядел на сына и думал, что теперь уже его не переубедить — слишком далеко зашел он в своих сомнениях и колебаниях. Со снисходительной улыбкой, словно поучая ребенка, он проговорил:

— Я же не могу творить чудеса. Если не хочешь принять предложения Юфтера, остается лишь один выход: все продать. Стервятники уже налетели и кружат над тобой. Только и ждут, когда ты упадешь, чтобы наброситься.

Сын уставился невидящим взглядом в синюю морскую даль. Жара утомила его, а разговор с отцом вызвал чувство недовольства и досады. В этом человеке, практичном до жестокости, еще не угасли врожденная сила и цепкая хватка, рядом с ним он еще мучительней ощущал собственную неполноценность.

— Знаешь, о чем я мечтаю? Отделаться от всего — и дело с концом.

Старик раздраженно махнул рукой. В кого только уродился этот бесхарактерный слюнтяй?

— Послушай, что я тебе предложу. Сейчас тебе нужно немножко отдохнуть. Ты устал с дороги, волнуешься за судьбу банка. А я тем временем поищу какое-нибудь подходящее решение, и мы с тобой его обсудим.

Назавтра решение было подготовлено во всех деталях. Оно занимало всего несколько листов машинописного текста, которые старик выложил перед сыном на подпись. Это была доверенность — документ, в котором Карло поручал отцу заняться делами банка и всем принадлежащим банку имуществом.

— Ты подпишешь эту бумагу, — невозмутимо объяснил отец, — а я постараюсь все уладить. Я вновь лично

займусь ба
недвижимос
раюсь лик
ми...

В первую
бросил на

— Не
заодно с т

— А за
показалось

в той форм
хладнокро

Сын к
подпись.

— Ну
теперь я во
отдохнуть.
совсем не
ты уж zde

Чудом
Берта, Ка
вокзал и во
решил вно

Аббат
состоянии.

но больше

— Как
растравляя
убийц!

Потеря
и тоску, ч

череда тру

ему слишк
боролся пр

мерно высо
ет лицо, об

Что мож
деянность —

вается — о
Несколь

займусь банком. И сделаю все так, как ты хочешь: продам недвижимость, приведу в порядок счета — словом, постараюсь ликвидировать дело с возможно меньшими потерями...

В первую минуту сына охватило чувство недоверия. Он бросил на старика растерянный взгляд.

— Не предавай меня и ты, отец. Неужели и ты будешь заодно с теми, кто против меня?

— А зачем мне это нужно? — Старик весело и, как показалось сыну, искренне расхохотался. — Ты сейчас не в той форме, чтобы вести деловые переговоры. Тут нужно хладнокровие. Предоставь это мне.

Сын кивнул и поставил под доверенностью свою подпись.

— Ну вот, — проговорил с удовлетворением отец, — теперь я все улажу. А ты пока что постарайся хорошенько отдохнуть. Считай себя в отпуске. Поезжай на Семио. Вы совсем не бываете на этом нашем чудесном островке. Раз ты уж здесь, воспользуйся случаем.

ОСТРОВ

Чудом спасшись от смерти после нападения на виллу Берта, Каттани направился напрямик на Центральный вокзал и вскочил в первый же отправляющийся поезд. Он решил вновь укрыться в монастыре.

Аббат никогда еще не видел его в таком ужасном состоянии. Коррадо был растерян, озлоблен на весь мир, но больше всего зол на самого себя.

— Какой же я непроходимый идиот, — твердил он, растравляя себе душу, — ведь это я привел к ним в дом убийц!

Потеря еще одного друга ввергла его в такое горе и тоску, что лишила всякой энергии. Вся эта длинная череда трупов, усеявших его жизненный путь, казалась ему слишком дорогой ценой за упорство, с каким он боролся против преступности. Да, несомненно, цена непомерно высока, ибо результатов никаких. Противник меняет лицо, обновляет свои ряды, но по-прежнему непобедим.

Что может сделать он в одиночку? Излишняя самонадеянность — вот в чем его грех; теперь он за это расплачивается — обречен на жестокие муки совести.

Несколько дней Каттани провел в мучительных раз-

мышлениях о прошлом, заодно спрашивая себя, может ли еще ждать его какое-нибудь будущее. В его раздумья часто вторгалась мысль о Джулии. Он даже не успел с ней попрощаться, сообщить о своем отъезде. Кто знает, как она все это восприняла, что сейчас о нем думает. Закрывая глаза, он вспоминал ее сияющее личико, даже ощущал аромат гладивших его по лицу рук.

Может быть, еще есть в его жизни место если не для счастья, то хотя бы для спокойного, ничем не омраченного существования, к которому должен стремиться каждый здравомыслящий человек? Да, вместе с Джулией, наверное, у него есть еще шанс начать новую жизнь.

И вот он снова решает покинуть тихую монастырскую обитель, чтобы окунуться в суетную жизнь. С первого же попавшегося ему на глаза таксофона Коррадо звонит Джулии.

Джулия тяжело переживала его исчезновение. Как он мог вот так бросить ее, без единого слова объяснения, даже не попрощавшись? Чем она провинилась перед ним? Много чего собиралась она ему высказать, но как только услышала в трубке его голос, так обрадовалась, что все ее раздражение испарилось.

— Где ты находишься?

Вместо ответа он категорически и несколько таинственным тоном приказал:

— Немедленно выезжай. Жду тебя на автостраде, на станции обслуживания у поворота на Болонью.

— Да что случилось? Ты здоров?

— Приезжай немедленно, — повторил он и дал отбой.

Джулия взглянула на часы. Одиннадцать часов вечера. Она быстро накинула жилет, схватила сумочку и выскочила из дому.

У станции автообслуживания почти не было машин. Бензоколонки, окутанные легким туманом, напоминали призрачные человеческие фигуры. Она проехала еще немного, напряженно вглядываясь перед собой, и остановилась. Несколько замерзших автомобилистов укрылись в баре. Заправщики у колонок попрятались в своих застекленных кабинах.

У входа в туалеты Джулия различила чью-то тень. Человек помахал ей рукой. Это был он.

Каттани молниеносно выскочил на площадку перед станцией и, прижимаясь к стене, скользнул в машину.

Прежде чем
рая, нет ли
Наконец
обнял ее за
какую прежде

— Я люблю
могу без тебя

— Дорогой

Наконец-

Сжимая

телом, долго
хотела убедить
у него залегла
сице.

— Ох, э
стереть. — И
но разглажи
тебя в таком
И, словно на
воскликнула:
я отвезу тебя
отдохнуть ду

Под сказ
маленький ос
поколениях
рянный в мо
и своего сын
Для Карл
с головой ок
здесь канику
жизни.

Однако то
шуюся на в
у него сжал
стение. Там,
была покрыт
колючим кус

Он проше
среди хлама
детские газет
ленной голов
когда-то сма
Он взял

Прежде чем поздороваться, он огляделся вокруг, проверяя, нет ли слежки.

Наконец Коррадо, кажется, немного расслабился. Он обнял ее за плечи и прижал к груди с такой страстью, какую прежде никогда не проявлял.

— Я люблю тебя, Джулия, — вырвалось у него. — Я не могу без тебя.

— Дорогой мой!

Наконец-то она услышала от него эти слова!

Сжимая его лицо в своих ладонях, прижавшись всем телом, долго в молчании смотрела она на него. Словно хотела убедиться, что он действительно вернулся. На лбу у него залегла вертикальная морщина, бегущая к переносице.

— Ох, этого я не желаю больше видеть, надо ее стереть. — И она принялась кончиками пальцев старательно разглаживать морщину. — Я не хочу больше видеть тебя в таком напряжении. Тебе нужно пожить спокойно. — И, словно найдя для него волшебное лекарство, радостно воскликнула: — Ну конечно же! Я знаю, что тебе надо: я отвезу тебя в сказочное место, где ты наконец сможешь отдохнуть душой.

Под сказочным местом Джулия имела в виду Семио, маленький островок близ Сицилии, которым вот уже в двух поколениях владело семейство Антинари. На этот затерянный в море клочок земли старый банкир отправил и своего сына.

Для Карло вновь очутиться на этом острове означало с головой окунуться в прошлое. В детстве он проводил здесь каникулы, здесь прошли самые счастливые дни его жизни.

Однако теперь при взгляде на большую виллу, высящуюся на вершине горы и довлеющую над островом, у него сжалось сердце. Повсюду царило печальное запустение. Там, где когда-то мальчишкой он гонял мяч, земля была покрыта рытвинами и канавами, все густо заросло колючим кустарником.

Он прошелся по комнатам и в одной из них нашел среди хлама до боли знакомые вещи. Пожелтевшие детские газетки и журналы, лошадь-качалку с проломленной головой, деревянный самолет, который он сам когда-то смастерил.

Он взял этот хрупкий аэропланчик с треснувшими

крыльями и вышел за окрашенные белой краской ворота. С высохшего рожкового дерева поднялась и улетела стайка воробьев, наполнив воздух возмущенным пронзительным щебетом. Банкир проводил их хмурым взглядом. Он был похож на человека, который единственный уцелел после бомбежки и в растерянности бродит среди развалин. Солнце палило нещадно, яркие блики играли на глади моря, слепя глаза.

Карло не мог взять в толк, зачем отец отослал его на этот пустынный остров. Может быть, старику были нежелательны его встречи с теми, с кем он ведет сейчас переговоры? Отец знает, что сыну неприятны некоторые деловые его знакомства, вот он и отправил его на этот остров...

И в самом деле, в тот день старик пригласил на обед человека, встреча с которым отбила бы у сына аппетит. Гостем был не кто иной, как адвокат Терразини. Старый лис вновь всплыл на поверхность после непродолжительных судебных неприятностей.

И, как ни странно, вскоре Терразини завел разговор как раз об острове Семио.

— Я хотел спросить у вас, не согласитесь ли вы продать мне кусочек вашего прелестного островка?

— Нет, это невозможно, — ответил старый банкир, — и не просите. Семио — все равно что наш семейный герб, его нельзя трогать. Понимаю, вам, наверное, хотелось бы построить там один из этих ужасных туристических кемпингов. — Старик еще раз отрицательно покачал своей седой гривой. — Мне очень жаль, но вынужден ответить вам «нет».

— Нет, так нет, — примирительно сказал третий гость — высокий церемонный толстяк. — Так или иначе, я рад представившейся возможности вас познакомиться. — Он жадно отправил в рот огромный кусок лангуста. — А о делах мы еще поговорим, всему свое время.

— Совершенно верно, — кивнул старик. — Вы, господин бухгалтер Биаци, попросили меня принять адвоката Терразини, и я согласился без всяких колебаний, потому что вы всегда знакомили меня со стоящими людьми. — Старик повернулся к Терразини и, указывая на четвертого участника трапезы, сказал: — Нас с ним тоже познакомил Биаци.

Четвертого гостя, лощеного молодого человека, звали

Тано Карид
стким и цо
реплику хоз
Старик
на плечо кр
— Сказа
не очень пр
ворил, что
стал для м

— Вы п
Перед у
разговору.

— Доро
на что-то
насчет остр

В его у
особая при
редкость фа

Старик
он посмотре

— Как,

— Остро

— Не-ет

с седой гр

Хотелось бы

Тано сун

зажигалкой

— Види

была куча

снова вска

жизнь. А

блестящая

— Капи

— Терра

таких, как

Старик

— Капи

жет, и для

трудов трех

Напомни

— Этому

тор, — я от

ему погибну

Тано Каридди. Довольно высокий для сицилийца, с жестким и цепким взглядом, он изобразил в ответ на реплику хозяина некое подобие бесстрастной улыбки.

Старик положил свою руку с крючковатыми пальцами на плечо красавчика и пояснил:

— Сказать по правде, поначалу он произвел на меня не очень приятное впечатление. Но Биацци настаивал, говорил, что ручается за него. И теперь я не жалею. Тано стал для меня просто незаменим.

— Вы преувеличиваете, — отозвался Тано.

Перед уходом Терразини вновь вернулся к прежнему разговору.

— Дорогой Антинари, — сказал он таким тоном, будто на что-то намекал, — все-таки если вдруг передумаете насчет острова, то дайте мне, пожалуйста, знать.

В его улыбке было что-то магнетическое, какая-то особая притягательность, которой обладают лишь на редкость фальшивые люди.

Старик был несколько ошарашен. Когда гости ушли, он посмотрел на Тано и спросил:

— Как, по-твоему, что надо этому Терразини?

— Остров Семио — он же вам сказал.

— Не-ет... — протянул старик, вскинув свою крупную, с седой гривой голову. — Семио — это только предлог. Хотелось бы мне знать, что ему надо на самом деле.

Тано сунул в рот сигарету и закурил, чиркнув золотой зажигалкой.

— Видите ли, — сказал он, — у адвоката Терразини была куча разных неприятностей, и теперь он пытается снова вскарабкаться наверх, включиться в деловую жизнь. А вложить капитал в ваш банк — для него блестящая возможность.

— Капиталы мафии в моем банке?

— Терразини нуждается в системе банков именно таких, как ваш, с филиалами в других странах.

Старик задумчиво поскреб затылок.

— Капиталы мафии, — повторил он вполголоса. Может, и для него это счастливый шанс спасти банк — плод трудов трех поколений.

Напомнить ему о нависшей над его детищем угрозе примчался из Милана и Дино Алесси.

— Этому банку, — мрачно сказал генеральный директор, — я отдал всю жизнь. Если ты и твой сын хотите дать ему погибнуть, я этого не допущу.

Старик недовольно оборвал его — не к чему так драматизировать положение.

— Мы поправим дело, только не за чем пороть горячку. Спокойно все уладим. Вот, для начала Карло дал мне доверенность. Я мог бы перевести ее на твое имя. Но сперва скажи мне со всей откровенностью: можно ли спасти банк, не прибегая к операции, против которой возражает мой сын?

— Абсолютно невозможно.

— А если сын будет упорствовать?

— Эти люди не шутят, — с раздражением сказал Алесси. — Ты ведь знаешь правила игры. Мог бы хорошенько вбить это в башку своему сыночку.

— Да-да, конечно, я с тобой согласен, — поспешил успокоить его старик. — Он человек неделовой, мы же это прекрасно знаем. — Он медленно семенил взад-вперед, заложив руки за спину. Вдруг остановился, словно приняв решение. — Я дам тебе доверенность, и ты подпишешь все что надо вместо него. А ему мы ничего не скажем. Потом я сам как-нибудь уговорю его. — Он поглядел на Алесси долгим взглядом, словно гадая, что у того на уме. — Ну, этого достаточно? — с тревогой спросил он.

— Не знаю. Твой сын потерял голову. Не уверен, что он сумеет держать язык за зубами. С него станет наделать глупостей.

Банкир нахмурился.

— Неужели дело так далеко зашло?

— То-то и оно. Как я понимаю, ты предоставляешь мне все полномочия?

Старик, кивнув головой, достал из ящика стола доверенность и передал ее Алесси.

— Ну что ж, — сказал тот, — пожалуй, мы с тобой устранили все препятствия. Все согласовали.

— Кроме одного.

Алесси уже с порога вопросительно обернулся к банкиру.

— Слушаю тебя. Что ты имеешь в виду?

Старик выглядел усталым и взволнованным, казалось, выдержка вот-вот покинет его.

— Дино, не забывай, что это мой сын!

Холодно, даже с некоторым раздражением Алесси пробормотал:

— Хорошо, хорошо, — и быстро затворил за собой дверь.

Не про
приплыли
кая бухточ
острова од
поразилась
окна.

Кто мо

— Эй!

Ее голо

громким эх

— Стра

— Пос

предложил

Джулия

стеной вых

к двери, ве

в ужасе.

На тол

болталось т

ногами вал

Вся сот

зажала рот

лицом поп

закричала:

— Корр

Он тотча

дрожь, кре

Захлебывая

— Я не

должна бы

Каттани

страшного

лишил себя

Действи

прикинул на

веревка. От

Возникал в

высоко вер

дотянулся.

гой мебель

было ничег

Да, тем

и впрямь мо

пытался это

вновь случи

Не прошло и двух-трех дней, как на остров Семио приплыли и Джулия с Коррадо. На берегу была маленькая бухточка с причалом для катера, а по другую сторону острова одиноко вздымались высокие скалы. Джулия поразилась, увидев распахнутые в доме двери и открытые окна.

Кто мог сюда нагряться?

— Эй! — крикнула девушка, — есть тут кто-нибудь?

Ее голос прокатился по пустым комнатам и отозвался громким эхом. Потом вновь воцарилась мертвая тишина.

— Странно...

— Посмотри-ка внутри дома, а я проверю вокруг, — предложил ей Каттани.

Джулия вошла в дом. Большая гостиная, застекленной стеной выходящая к морю, была пуста. Она подошла к двери, ведущей в спальню, медленно отворила и застыла в ужасе.

На толстой веревке, свисавшей с потолочной балки, болталось тело ее отца с раздутым синюшным лицом. Под ногами валялся опрокинутый стул.

Вся сотрясаясь от дрожи, Джулия обеими руками зажала рот, чтобы удержать дикий вопль. С побелевшим лицом попятилась она назад и почти в беспамятстве закричала:

— Коррадо, Коррадо!

Он тотчас же прибежал. Пытаясь унять колотившую ее дрожь, крепко обнял, прижав ее лицом к своей груди. Захлебываясь в истерике, Джулия простонала:

— Я не должна была позволять ему уехать! Не должна была его отпускать!

Каттани увел ее в другую комнату, подальше от страшного места, а сам вернулся выяснить, как Антинари лишил себя жизни.

Действительно ли он покончил с собой? Каттани прикинул на глаз высоту балки, к которой была привязана веревка. От пола ее отделяло по крайней мере три метра. Возникал вопрос, как банкиру удалось привязать так высоко веревку. Даже встав на стул, он никак бы не дотянулся. Воспользоваться лестницей или какой-то другой мебелью он тоже не мог — вокруг, кроме стула, не было ничего подходящего.

Да, темное дело. Темное еще и потому, что банкир и впрямь мог покончить самоубийством, раз уж однажды пытался это сделать. Вполне можно допустить, что у него вновь случился приступ депрессии.

— Надо немедленно сообщить дедушке, — сквозь рыдания проговорила Джулия.

Дед провел ночь не сомкнув глаз, и из-за этого у него ужасно болела голова. На рассвете он вызвал Тано и велел ему срочно пригласить Терразини.

И сейчас адвокат был здесь, сидел напротив, несколько удивленный поспешностью, с какой его пригласили.

— Что случилось? Уж не надумали ли вы продать Семио? — спросил он со своей скользкой усмешечкой.

— Нет, — ответил старик. — Речь идет о другом. — Он прищурил свои светлые выцветшие глаза и заговорил с подчеркнутой деловитостью: — Мне необходима ваша помощь. Хочу предложить вам одно дело.

Как раз в эту минуту зазвонил телефон. Трубку взял Тано, коротко о чем-то поговорил и, подойдя к старику, бесстрастным голосом произнес:

— Произошло несчастье... На острове Семио...

— Что-нибудь с сыном? — в тревоге воскликнул старик.

— Да, — кивнул Тано, — он покончил с собой.

На похороны прибыл из Милана Алесси. Вместе с ним приехала Анна — подавленная, с опухшими глазами. Она привезла с собой партитуру одной из опер Моцарта и потребовала, чтобы ее опустили в могилу вместе с гробом мужа.

— Это было его любимое произведение, — сказала она.

Местный врач, пыхтя от тучности, осмотрел тело. Потом с невозмутимым видом уселся, нацепил очки, взял чистый лист бумаги и мелким, аккуратным почерком написал, что смерть наступила «вследствие самоубийства».

Свидетельство о смерти взял с собой Алесси. Пряча его с угрюмым видом в карман, он встретился взглядом с Каттани. Какое-то мгновение, показавшееся им вечно-стью, они смотрели друг на друга с нескрываемой яростной ненавистью. Лицо Коррадо так исказилось, что тот чуть ли не физически ощутил исходившую от него угрозу.

Напряжение несколько ослабло, когда немногочисленный кортеж двинулся к оконечности островка, где находилось крошечное семейное кладбище.

Погода никак не соответствовала печальной церемонии. Солнце заливало ослепительным светом пыльную

узкую аллею
бьющихся о
прорезала
карканьем.

Джулия
припадала
главе корте
седую голо

Дино Ал
был холоде
даже выше
поверженны
ного победи

По окон

в сторонку

— Тепер

— Спеш

жело опуст
усталость.

— Без

сказал Алес
условия.

— Дава
членом адм
четыре про

Алесси п

— Я тре

Старик с

— Моей

ворил он, т
цать, твой г
вать больш

— Я и

и всей твоей
положение т
был слишком

— Да, э

сердца, как
— Или
Старик с

— Ладно

Алесси о
ним. Совсе
остальным —

узкую аллею. Негромкий шум шагов сливался с рокотом бьющихся о скалы волн. Вдруг яркое небо стремительно прорезала стая ворон, наполняя воздух оглушительным карканьем.

Джулия шла, опираясь на руку Коррадо. То и дело она припадала к его плечу, с трудом сдерживая рыдания. Во главе кортежа шел дедушка — высоко вскинув красивую седую голову, сохраняя непроницаемый вид.

Дино Алесси выглядел уверенным в себе, взгляд его был холоден как лед. Он возвышался над всеми и казался даже выше ростом. Среди этой кучки побежденных, поверженных он олицетворял собой единственного истинного победителя.

По окончании церемонии, не теряя времени, он отвел в сторонку старого Николу и бесцеремонно сказал:

— Теперь давай поговорим.

— Спешись поскорее закончить дело... — Банкир тяжело опустился на стул, внезапно ощутив страшную усталость.

— Без меня ты не в состоянии ничего сделать, — сказал Алесси. — Для тебя же будет лучше принять мои условия.

— Давай выкладывай. Ты, конечно, хочешь стать членом административного совета. С какой квотой? Три, четыре процента акций?

Алесси поглядел ему прямо в глаза и процедил:

— Я требую одиннадцать процентов.

Старик с трудом сглотнул слюну.

— Моей семье принадлежат сорок процентов, — проговорил он, тяжело дыша. — Если ты возьмешь одиннадцать, твой голос станет решающим — ты сможешь создавать большинство, блокируясь с другими акционерами.

— Я и так играю решающую роль. Без меня тебе и всей твоей семье конец. И я в этом не виноват: в такое положение ты попал из-за своего сына. Для банкира он был слишком слабохарактерным.

— Да, это верно. Для этого надо иметь камень вместо сердца, как у тебя.

— Или как у тебя, — не остался в долгу Алесси. Старик склонил голову.

— Ладно. Получишь свои одиннадцать процентов.

Алесси отошел от старика совершенно преображенным. Совсем другим человеком присоединился он к остальным — глаза сверкали, весь его вид источал наглость.

самодовольство. Он взял Анну под руку, словно желая подчеркнуть, что теперь ему официально принадлежит и вдова банкира.

— Поехали,— сказал он.

Но Анна, словно ее мучило какое-то дурное предчувствие, не хотела ехать с ним одна.

— Поедем со мной вместе,— уговаривала она Джулию.— Не оставайся в этом ужасном месте.— Она искательно положила руку на плечо Каттани и сквозь слезы сказала: — Прошу вас, не отнимайте ее у меня именно сейчас...

Девушка погладила мать по лицу и, обняв за плечи, ласково прошептала на ухо:

— Позволь мне остаться здесь. У тебя есть Грета, ты должна подумать о ней.

— Ну, раз ты так хочешь...— ответила мать. Она смахнула слезу, окинула всех потерянными взглядом и покорно побрела за Алесси к причалу. Старый Никола глядел им вслед, пока они не сели в катер и пока суденышко не превратилось в еле различимую точку на горизонте.

Лицо старика дышало яростной ненавистью. Не отрывая взгляда от моря, он обратился к Тано:

— Ну, что скажешь? Сумеем мы прижать к ногтю этого мерзавца Алесси?

— Не сомневайтесь,— ответил молодой человек.

Банкир распрямился и полной грудью вдохнул морской воздух. Его мощная фигура, четко вырисовывавшаяся на фоне голубой глади, напоминала старого льва, вновь издавшего грозный рык. Словно уже предвкушая сладость реванша, он властно распорядился:

— Как только вернемся в гостиницу, сразу же позвони Терразини, мы с ним должны закончить наш разговор.

ДРАГОЦЕННОСТЬ

Море покрылось мелкими гребешками. Поднялся сильный ветер, и волны с глухим шумом бились о скалы. Захватывающая картина. При других обстоятельствах Джулия пришла бы в восхищение от зрелища разгулявшейся стихии. Но не сейчас. Она чувствовала себя одинокой, безнадежно одинокой. Мысль о том, что отец покинул ее навсегда, наполняла сердце такой печалью, что

казалось, Р
поняла, нас
му, мечтате
Коррадо
и легко ко
с досадой
— Изви
но мне над
Она выш
к маленько
воротник ж
яростного
катер и, з
пустилась
валам.

Каттани
в комнату.
членов сем
рода, старо
свои пышн
В лицах
Вдруг из со
звук, напо
шинки.

Каттани
пом, печата
кусок бума
шутку озад
Сообщен
Антинари. С
мысль, что с

Послани
ченного от
распоряжен
в «Оверсиз
Поистин
задумавший
границу ми
меня не пр
в карман
банкира.

Хорошен
решил, что
случаях, ко

казалось, рассудок ее не выдержит. Только теперь она поняла, насколько была привязана к этому меланхолично-мечтательному человеку.

Коррадо был рядом с нею. Он обнял ее за плечи и легко коснулся губами волос. Джулия чуть ли не с досадой отстранилась.

— Извини меня,— просительно пробормотала она,— но мне надо немного побыть одной.

Она вышла из дома и пошла по улочке, ведущей вниз, к маленькому молу. Она шла, вся сжавшись, подняв воротник жакета, чтобы защититься от пронизывающего яростного ветра. Села на пришвартованный к берегу катер и, запустив мотор на максимальную скорость, пустилась навстречу накатывавшим на остров пенным валам.

Каттани, оставшись один, стал бродить из комнаты в комнату. Вот на стене выстроились в ряд портреты членов семьи. Внимание его привлек портрет основателя рода, старого арматора, с гордостью демонстрировавшего свои пышные усы.

В лицах предков Коррадо искал сходство с потомками. Вдруг из соседней комнаты донесся какой-то настойчивый звук, напоминавший равномерный стук пишущей машинки.

Каттани приоткрыл дверь и очутился перед телетайпом, печатавшим полученное сообщение. Каттани оторвал кусок бумажной ленты и, пробежав ее глазами, не на шутку озадачился.

Сообщение исходило из сицилийского филиала банка Антинари. Оно было адресовано Карло, и это наводило на мысль, что старик еще скрывает известие о смерти сына.

Послание, подтверждавшее исполнение приказа, полученного от банкира, гласило: «В соответствии с вашим распоряжением нами переведен один миллион долларов в «Оверсиз банк» в Нассау».

Поистине странно. Разве возможно, чтобы человек, задумавший покончить с собой, хлопотал о переводе за границу миллиона долларов? Нет, сказал себе Каттани, меня не проведешь: тут что-то не так. Он сунул телекс в карман и подошел к окну, размышляя о поведении банкира.

Хорошенько обдумав и сопоставив все факты, Каттани решил, что он близок к разгадке. Как всегда в таких случаях, комиссар не мог унять возбуждения. Скорей

всего банкир, как то часто бывает с несостоявшимися самоубийцами, больше не помышлял о смерти. Может быть, он замыслил бежать, куда-то уехать. Хотел разом все бросить и укрыться за границей. Потому-то и распорядился перевести эти деньги за рубеж.

Теперь комиссар вспомнил и о подозрениях, возникших у него при осмотре веревки, на которой висело тело. Нечего и сомневаться — это не что иное, как замаскированное убийство.

Коррадо принялся за поиски других улик. Перерыв спальню Карло Антинари, в одном из ящиков он нашел пакет, чем-то похожий на шкатулку, сверху от руки было написано: «Для Джулии». Каттани разорвал бумагу, и в руках у него оказался маленький диктофон. Не раздумывая, нажал он на клавишу.

Сквозь хрипы слышался голос банкира: «Дорогая Джулия, сокровище мое, записываю на пленку тебе письмо. Завтра сюда придет катер, и я передам эту запись матросу, чтобы он переслал ее тебе в Милан. Мне бы очень хотелось, чтобы ты приехала ко мне на Семио. А потом мы вместе отправимся в длинное путешествие...»

Вот слова, которые все объясняют! Каттани приготовился слушать запись дальше, но тут на пороге выросла Джулия, и он с некоторой досадой выключил диктофон.

— Извини, — проговорил Коррадо, — может, мне не следовало...

Она не ответила. Взяла диктофон у него из рук и вновь включила.

Голос отца продолжал: «Ты единственная, кто проявил понимание по отношению ко мне. Мне не всегда удавалось или не представлялось случая быть столь же внимательным к тебе. И чтобы ты меня простила, я заказал для тебя подарочек у Монкале. Помнишь этого сицилийского ювелира? Ну вот и все, моя радость. Теперь я с тобой прощаюсь и жду твоего приезда. Целую тебя. Папа».

В наступившей тишине слышался шорох вращающейся ленты. Оба молчали.

По лицу Джулии лились слезы. Она выключила диктофон и простонала:

— Бедный отец... Он был так одинок...

Девушка ласково провела рукой по постели отца, словно он еще лежал на ней, погруженный в сон. Потом вытерла слезы и устало подошла к окну.

Море внизу уже почти успокоилось, ветер тоже улегся.

— Я хочу была права. З
тяжело. А кро
отца.

Каттани н
и жесты быва
утешить. Он

— Хочешь

Она оберну

— Ну коне

мной. Но, уж

Ювелир б
шаркивался:
скромный ма
Счастлив, что
украшать так

Рассыпаяс
вать брошь д
украшение бы
вокруг которо
и изумрудов.

— Я прио
сказал ювелир
очень изыскан
чтобы ее отре

Джулия ос
ми. В ее глаз

— Потряс

Ювелир м

— Благод

ценителю. На
этот, он нахо

с этой брошь

— Могу я

Джулия.

— Брасле

вился ему мен

— А кому

Ювелир вд

натянута улы

— Право,

— Но вед

Ювелир вь

— Я хочу уехать отсюда, — сказала Джулия. — Мама была права. Здесь невозможно оставаться: это слишком тяжело. А кроме того, мне захотелось получить подарок отца.

Каттани не знал, что ей ответить. Иной раз слова и жесты бывают бессильны, ими не всякое горе можно утешить. Он лишь спросил:

— Хочешь, я поеду с тобой?

Она обернулась, подошла к нему и поцеловала в лоб.

— Ну конечно. Я хочу, чтобы ты всегда был рядом со мной. Но, уж извини, веселья от меня будет мало.

Ювелир был приторно почтителен и без устали расшаркивался: «Считаю за честь, что ваш отец выбрал мой скромный магазин... Весьма польщен вашим визитом... Счастлив, что купленная у меня драгоценность будет украшать такую девушку, как вы...»

Рассыпаясь в любезностях, он не забывал расхваливать брошь действительно редкой красоты. Драгоценное украшение было из золота, с розовым алмазом посередине, вокруг которого шел тончайший узор из бриллиантов и изумрудов.

— Я приобрел ее на аукционе Сотби в Лондоне, — сказал ювелир. — Брошь входила в коллекцию Питта, это очень изысканное изделие. Потребовалось немало труда, чтобы ее отреставрировать.

Джулия осторожно взяла драгоценность обеими руками. В ее глазах появился какой-то новый блеск.

— Потрясающая вещь! — воскликнула она.

Ювелир машинально поклонился.

— Благодарю вас. Так приятно угодить настоящему ценителю. На свете есть еще только один такой алмаз, как этот, он находится в браслете, который составлял пару с этой брошью.

— Могу я на него посмотреть? — оживленно спросила Джулия.

— Браслет купил ваш отец. Но, видимо, он понравился ему меньше, раз он решил подарить вам брошь.

— А кому подарен браслет?

Ювелир вдруг сразу лишился своего красноречия. Он натянуто улыбнулся и пробормотал:

— Право, не знаю, могу ли я...

— Но ведь я его дочь, мне вы можете сказать.

Ювелир выдвинул ящик и достал какие-то квитанции.

Украдкой их пролистал и в некотором замешательстве ответил:

— Полного имени и фамилии я не знаю. У меня записано только: «Агриппина». Понятия не имею, кто это.

— Браслет, наверное, стоил сотню миллионов.

— Гораздо больше, синьорина.

Джулия была ошарашена. Кто эта таинственная Агриппина, которой отец делал такие дорогостоящие подарки? Трудно представить себе, что в его жизни была другая женщина.

Каттани, как всегда, подошел к делу с практической стороны. Он спросил:

— А банкир заплатил за обе драгоценности вместе?

— Нет, — ответил ювелир, вновь заглянув в свои бумаги. — Ах вот, нашел: за них было заплачено двумя отдельными чеками — один подписан покойным банкиром Антинари, а на другом, за браслет, стоит подпись некоего Дино Алесси.

Час от часу не легче! Сплошные загадки. Неужели у отца Джулии была любовница? А подарки, которые он ей делал, оплачивал Алесси?

Но сейчас Каттани не хотелось ломать себе голову над этой проблемой. Его больше тревожило другое. Напротив ювелирного магазина остановился белый «форд», в нем сидели два парня. Каттани заметил их уже раньше: они тенью следовали за ними с первой же минуты, как он с Джулией высадился на Сицилии.

Ведя машину по направлению к гостинице, он бросил взгляд в зеркало — белый «форд» по-прежнему висел у него на хвосте.

Позднее, отодвинув занавеску на окне номера, он вновь увидел этот автомобиль: «форд» был припаркован у отеля. Один из двоих вышел из машины и, нервно озираясь, направился к подъезду гостиницы.

Решив не делиться своим открытием с Джулией, Каттани поцеловал ее и сказал:

— Я сейчас вернусь — забыл купить сигареты.

Спустившись в холл, он увидел парня притаившимся за колонной. Комиссар осторожно подкрался, ухватил его руку и заломил за спину.

Тот даже и не думал сопротивляться. Ошеломленный неожиданным нападением, лишь повернул к Каттани свое одутловатое лицо и захныкал:

— Руку сломашь...

— Да, об
кто тебя подо
— Да мы
за синьорины.
ее охранять.
— Тогда
соврал, то я

Старик во
В саду гостин
небольшой ор
Столик ст

Никола и пр
спокойно бесе
поднес к губа
пригубил. Не
настроении. «
рик, — еще не
Николу Анти

Девушка в
черными, как
и запела.

Терразини

— Ах, как

— Вижу,

Но старика
шел к делу:

— Тано в
прийти?

— Да, кон
ресовало.

Банкир ск
седнику, подч
ды.

— Очень

скажете относ

вхож в опред

товар без всяк

его место, по

— Вы гово

у нас с ними
проблема.
— Гм-м, —
цену?

— Да, обязательно, если ты сейчас же не скажешь, кто тебя подослал. Кто тебе приказал следить за мной?

— Да мы ваши друзья, — простонал парень. — Это из-за синьорины. Меня послал ее дед. Сказал, что мы должны ее охранять.

— Тогда отвези нас к нему. И если окажется, что ты соврал, то я тебе не завидую.

Старик возлагал на этот вечер большие надежды. В саду гостиницы, где он остановился, высилась эстрада: небольшой оркестр уже настраивал свои инструменты.

Столик стоял в сторонке, подальше от толчеи; здесь Никола и приглашенный им на ужин Терразини могли спокойно беседовать на интересующую их тему. Старик поднес к губам стакан джина с тоником и с удовольствием пригубил. Несмотря ни на что, он был в прекрасном настроении. «А пошли они все подальше, — подумал старик, — еще не родился тот, кто сумеет припереть к стене Николу Антинари».

Девушка в мини, с длинными распущенными волосами, черными, как вороново крыло, подошла к микрофону и запела.

Терразини с восхищением уставился на нее.

— Ах, какая прелесть...

— Вижу, губа у вас не дура, адвокат.

Но старика занимало совсем другое, и он сразу перешел к делу:

— Тано ведь вам намекнул, зачем я просил вас прийти?

— Да, конечно. Ваше предложение меня очень заинтересовало.

Банкир склонил свою белоснежную голову к собеседнику, подчеркивая конфиденциальный характер беседы.

— Очень рад, что это вас интересует. Но что вы скажете относительно практической стороны дела? Алесси вхож в определенные круги. Ему удастся переправлять товар без всяких проблем. Если вы, предположим, займете его место, по плечу ли вам будут такие операции?

— Вы говорите — таможенники, секретные службы... у нас с ними прочная и давнишняя дружба. Это не проблема.

— Гм-м, — промычал старик. — И какую же вы хотите цену?

— Ту же, что Алесси. Его одиннадцать процентов переходят ко мне вместе с местом в административном совете. Однако вы получаете от этого немалую выгоду. Я привлеку большие капиталы в кассы вашего банка.

Старик размышлял.

Вокруг царило веселье. В полумраке, создаваемом лампами с затененными абажурами, везде за столиками виднелись улыбающиеся лица.

— Хорошо,— согласился банкир.— Пусть будет так. Только есть еще одна, последняя деталь.— Он вдруг вскинул на собеседника холодный как лед взгляд. И резко, словно выдохнув, спросил: — А что будем делать с Алесси?

Терразини достал из пачки сигарету и небрежно бросил:

— Это уж наша забота.

Разговор, можно сказать, уже был окончен, когда появился коренастый парень с одутловатым лицом и сообщил о приезде Джулии. Старик извинился перед Терразини и пошел навстречу внучке. Она обняла деда, а Терразини, как большой знаток, восхищенно воззрился на нее.

Однако почти сразу же взгляд его упал на Коррадо. Как ни привык адвокат в любых ситуациях сохранять хладнокровие, тут ему не удалось скрыть своего волнения — он заерзал в кресле и судорожно вцепился пальцами в подлокотники. Лицо его исказилось от еле сдерживаемого бешенства.

Коррадо тоже его увидел. Взгляды их скрестились с такой яростной силой, что казалось, вот-вот посыплются искры. Они впервые встретились после процесса, на котором суд не поверил обвинениям, выдвинутым Каттани.

Первым заговорил Терразини:

— Не могу сказать, что счастлив видеть вас, комиссар.

— Я уже больше не комиссар. А вы все еще адвокат?

— Разумеется.

— Вот что творится в этой стране...

Терразини отвернулся от него, но Каттани продолжал:

— Каким ветром вас сюда занесло?

— Дела.

— Наверное, все те же, что и обычно?

Терразини выдержки было не занимать, но тут он сорвался:

— Каттани мию!

— А я вас

— Уж не

усмехнулся Те

— Считайт

когда-нибудь

— К счастье

прервал его Те

последнее врем

терпения.

— Да, я ви

те.

— А вы ч

в сторону Джу

— Нет, по

как вы.

Вне себя о

— С меня х

станьте вертети

как насекомое

Он яростно

к выходу со вс

бен.

Оставшись

банкира, котор

Вскоре старик

жала с кем-то

— Что вы

нули Терразин

Коррадо пр

— Я не лк

приставили ко

— Ради Д

После самоуби

— Ваш сын

чил самоубийс

Старик ост

вынул из карма

и протянул ему

— Какое т

совсем не дум

границу.

Костлявые

— Каттани, я не желаю больше видеть вашу физиономию!

— А я вашу. Она мне и так снится по ночам.

— Уж не знаю, могу ли считать это за честь, — усмехнулся Терразини.

— Считайте это угрозой. Если наши дороги вдруг еще когда-нибудь пересекутся...

— К счастью для вас, надеюсь, этого не произойдет, — прервал его Терразини, все более приходя в ярость. — За последнее время я изменился. У меня нет уже бывшего терпения.

— Да, я вижу, вы действительно немножко нервничаете.

— А вы что тут делаете? — Терразини подмигнул в сторону Джулии: — Теперь охотитесь за приданым?

— Нет, по-прежнему охочусь на таких же хищников, как вы.

Вне себя от злобы, Терразини взорвался.

— С меня хватит, — прорычал он сквозь зубы. — Перестаньте вертеться у меня под ногами, не то раздавлю вас, как насекомое!

Он яростно хватил кулаком по столу и направился к выходу со всей быстротой, на какую только был способен.

Оставшись один, Каттани увидел за стеклянной стеной банкира, который представлял внучке группу знакомых. Вскоре старик вернулся к столу, а Джулия еще продолжала с кем-то болтать.

— Что вы наделали! — сказал старик. — Вы мне спугнули Терразини!

Коррадо притворился, что не слышал, и сказал:

— Я не люблю, когда за мной шпионят. Зачем вы приставили ко мне этих двух типов?

— Ради Джулии. И ради собственного спокойствия. После самоубийства сына я за нее волнуюсь...

— Ваш сын, — прервал его Каттани, — вовсе не покончил самоубийством. Его убили.

Старик остался бесстрастен, как статуя. Каттани вынул из кармана телекс, попавший ему в руки на Семно, и протянул ему.

— Какое там самоубийство! Поглядите на это, он совсем не думал о смерти. Он собирался уехать за границу.

Костлявые руки старика нервно мяли бумажный ли-

сток. Он продолжал хранить молчание, но Каттани это не остановило:

— И я даже знаю, кто его убил. Это сделал Алесси.

В ответ старик возмущенно вскинул брови:

— Да как у вас только язык поворачивается...

Каттани безжалостно продолжал обрушивать на него все новые подробности:

— Ваш сын противился заключению крупной сделки. И Алесси позаботился его убрать, чтобы не мешал.

— Вы сами не знаете, что несете. Алесси — преданнейший человек.

— Кому он предан? Только самому себе. — Каттани слегка перегнулся через стол, вглядываясь в окаменевшее лицо старика. — Я уверен, что вам прекрасно известны обстоятельства смерти вашего сына. Вы знаете о том, что сделал Алесси, но молчите, потому что вы с ним одного поля ягода. Превыше всего дела. Деньги. И в нем, и в вас не осталось ничего человеческого. Вы убили собственные чувства, убрали все тормоза. И называете это «реалистическим взглядом на жизнь». Надо быть реалистами, смотреть в самую суть — вот что вы твердите. Но сердца ваши давно уже пусты.

— Вы кончили свою проповедь? Да если бы я знал, что мой сын был убит, неужели я сидел бы тут сложа руки?

— А вы и не сидите сложа руки, — спокойно возразил Каттани. — Не зря сюда приглашен Терразини. Если мне еще не изменило мое чутье, Алесси ждут серьезные неприятности.

ЧЕМОДАНЧИК

— Прошу вас, проходите.

Офис профессора Маттинеры в Риме был облицован деревом. Идя за секретарем, Дино Алесси пытался определить стоявший в воздухе запах — он ему был знаком и при каждом посещении раздражал. Это была смесь резких духов одной из секретарш, аромата крепкого трубачного табака и запахов разных мелких экзотических животных, которых адвокат Маттинера держал в клетках повсюду — в коридоре, в комнатах.

— Пожалуйста, сюда, — указал секретарь.

Алесси вошел в комнату, в которой никого не было.

Секретарь прикр
и положил «дипл
словно дорожную
хрустящие пачки
Вскоре секрет

— Прошу вас

Алесси просле
кресле. Его ввели
первая, только в
чемоданчик. Он

что по краям бы
Алесси откры
топографические

Послышался
секретарь, в рук

— Вы его та

Когда дверь в
чемоданчик. Он

моргнув глазом, л
та» с металличе

замки и направи

— До свидан

Возвратясь в
квартиру Антина

ном виски в рук

— Смотри-ка
ворила она. — Чт

Опять какое-ниб
Алесси продо

боялся с ним ра

— Что это у
всегда, какая-ни

ными делишками

Глаза у Анн

смерти мужа она

интриги и махин

Дино Алесси
и склонился над

Она его оттол

— Не забыва

Взяв ее за во

в губы долгим по

— Ты нравиш

Секретарь прикрыл за собой дверь. Алесси сел в кресло и положил «дипломат» себе на колени, нежно поглаживая, словно дорогую реликвию. Потом раскрыл его, потрогал хрустящие пачки денег и вновь закрыл.

Вскоре секретарь вернулся.

— Прошу вас, — проговорил он с легким поклоном.

Алесси проследовал за ним. «Дипломат» он оставил на кресле. Его ввели в другую комнату, точно такую же, как первая, только в ней еще был столик, на котором лежал чемоданчик. Он отличался от его «дипломата» лишь тем, что по краям был отделан металлом.

Алесси открыл его. В нем лежали фотокопии, кальки, топографические карты.

Послышался легкий стук в дверь. Это опять был секретарь, в руках он держал «дипломат» Алесси.

— Вы его там забыли, — любезно сказал он.

Когда дверь вновь закрылась, Алесси заглянул в свой чемоданчик. Он был пуст. Пачки денег исчезли. Не моргнув глазом, Алесси переложил содержимое «дипломата» с металлическими краями в свой. Тщательно запер замки и направился к выходу.

— До свидания, — попрощался с ним секретарь.

Возвратясь в Милан, Алесси сразу же отправился на квартиру Антинари. Анна полулежала в кресле со стаканом виски в руке.

— Смотри-ка, быстро обернулся, — насмешливо проговорила она. — Что хорошенького успел натворить в Риме? Опять какое-нибудь мошенничество?

Алесси продолжал держать в руке «дипломат», словно боялся с ним расстаться.

— Что это у тебя там в чемоданчике? Наверное, как всегда, какая-нибудь мерзость, связанная с твоими грязными делишками?

Глаза у Анны были затуманены алкоголем. После смерти мужа она не в силах была больше выносить все эти интриги и махинации, на которые раньше старалась не обращать внимания.

Дино Алесси наконец поставил «дипломат» на ковер и склонился над креслом поцеловать Анну.

Она его оттолкнула.

— Не забывайся, Грета может увидеть.

Взяв ее за волосы, он запрокинул ей голову и впился в губы долгим поцелуем, как Анна ни пыталась вырваться.

— Ты нравишься мне еще больше, когда сопротивля-

сшья, — ухмыльнулся Алесси, легонько кусая ее в шею.
— Видно, удалось обтяпать выгодное дельце, — зрительно поморщилась она. — Ты всегда возбужден, когда гребешь денежки.

— Ах-ах-ах! — сказал он с усмешкой. — Тебе что, виски ударило в голову?

— Я достаточно трезва, чтобы понимать, насколько ты мерзок, — сказала она с вызовом — алкоголь развязал ей язык.

Этот человек, в объятиях которого она когда-то искала спасения, теперь вызывал у нее только ненависть.

— Я уверена, что у бедняги Карло были какие-то серьезные затруднения, а ты пальцем не пошевелил, чтобы спасти его! — И она плеснула ему в лицо остатками виски из своего стакана.

— А вот это ты зря, вот этого тебе не надо было делать. — Размахнувшись, он дал ей такую пощечину, что она, глухо вскрикнув, сползла на пол. — Твой Карло был неудачник, ничтожество. И правильно сделал, что повесился.

Как зверь защищает своих детенышей, так Анна, защищая память мужа, яростно набросилась на Алесси, пытаясь вонзить ногти ему в лицо.

Он отскочил назад, и Анна, потеряв равновесие, растянулась на полу, разбив при падении бутылку с виски. Она лежала не шевелясь и тяжело дыша, среди осколков стекла и наполнивших комнату паров алкоголя...

На следующий вечер Алесси вновь явился, но держался совсем по-другому. Принес букет цветов, был очень нежен и просил прощения.

В конце концов Анна дала себя уговорить и поехала с Алесси к нему домой. Они сразу легли в постель, которая так часто казалась ей желанным прибежищем, а теперь вызывала отвращение.

Около полуночи Алесси встал. Сквозь дремоту Анна слышала, как он разговаривает по телефону в кабинете. Женщина повертелась с боку на бок, потом тоже поднялась, пригладила рассыпавшиеся по плечам пышные волосы и накинула халат. На полу валялась рубашка любовника. Анна ногой откинула ее в угол.

Голова у нее кружилась и раскалывалась от боли, и ей пришлось ухватиться за спинку кровати, чтоб не упасть. С трудом сделала она несколько шагов. За полуоткрытой дверью спиной к ней стоял Алесси, разговаривая с кем-то

по телефону. На сто-
и он держал на ней
отнять.

Анна тихо ото-
опустилась на кра-
которой стоял втор-

сняла трубку и ста-
— Нет никаких
это препятствие ус-
твердил. Никаких с-
Его собеседник г-

том:

— А что старик
— Не сказал ни-

так что можем при-
необходимые докум-

Анна, потрясенная,
опустила трубку на р-

Она увидела, к
картину, открыл спр-

жил в него «диплом-
Анна быстро ско-

шись в спальню, Ал-
удалось подавить

бежать от него куд-
Еще долго терпе-

уснул, тихонько вы-
одежду. На цыпочка-

и взяла из него че-
Прежде чем уйт-

к Грете, и оставила
Только она вер-

несколько минут ра-
Неужели Алесси усп-

тала «дипломат» и
Перед нею на по-

— Это вы? Так
— С Джулией во-

необходимо с вами п-
у вас? — Вид у Кат-

— Нет, он у себя
Каттани пришел
догадывалась: Алес-

— Однако сей-

по телефону. На столе лежал его вчерашний «дипломат», и он держал на нем руку, словно боялся, что его могут отнять.

Анна тихо отошла от двери. Стараясь не шуметь, опустилась на край постели, рядом с тумбочкой, на которой стоял второй телефон. Осторожным движением сняла трубку и стала слушать.

— Нет никаких проблем, — заверял Алесси. — Нет-нет, это препятствие устранено... Самоубийство... врач подтвердил. Никаких оснований для беспокойства...

Его собеседник говорил с сильным иностранным акцентом:

— А что старик? Как он это воспринял?

— Не сказал ни слова. Подтвердил мои полномочия, так что можем приступать к делу. Я уже получил все необходимые документы. Они вот тут у меня...

Анна, потрясенная до глубины души, дрожащей рукой опустила трубку на рычаг и вернулась к двери в кабинет.

Она увидела, как Алесси снял со стены тяжелую картину, открыл спрятанную за нею дверцу сейфа и положил в него «дипломат».

Анна быстро скользнула обратно в постель. Вернувшись в спальню, Алесси нагнулся ее поцеловать. Анне еле удалось подавить в себе ужас и желание немедленно бежать от него куда глаза глядят.

Еще долго терпела она его ласки. Когда наконец он уснул, тихонько выбралась из постели, быстро натянула одежду. На цыпочках пробралась в кабинет, открыла сейф и взяла из него чемоданчик.

Прежде чем уйти, она написала Алесси, что спешит к Грете, и оставила записку на постели.

Только она вернулась домой, как буквально через несколько минут раздался настойчивый звонок в двери. Неужели Алесси успел обнаружить пропажу? Анна спрятала «дипломат» и пошла открывать.

Перед нею на пороге стоял Каттани.

— Это вы? Так поздно? А где же Джулия?

— С Джулией все в полном порядке, синьора. Но мне необходимо с вами поговорить. Надеюсь, Алесси сейчас не у вас? — Вид у Каттани был весьма озабоченный.

— Нет, он у себя дома...

Каттани пришел рассказать ей то, о чем Анна уже догадывалась: Алесси убийца.

— Однако сейчас, — посвящал он ее в последние

обстоятельства дела, — его и самого могут прикончить. В игру вступила мафия. Он им больше не нужен, они хотят от него избавиться.

Женщина закрыла лицо руками. Все вокруг рушилось, у нее не было больше сил выносить все это. Она тяжело оперлась о руку Каттани. Что бы о нем ни говорили, этот человек — единственный, кому она еще может доверять. И она решилась: достала спрятанный чемоданчик.

— Это «дипломат» Дино, в нем, наверное, что-то очень важное. Возьмите его.

Коррадо открыл «дипломат», бегло пролистал бумаги и поднял на Анну взгляд, полный глубокого изумления и растерянности. Содержимое чемоданчика могло ошарашить даже такого выдавшего вида человека, как он.

— Алесси грозит опасность, — сказал он. — Надо немедленно его предупредить! Мне придется взять вашу машину, синьора.

Но у Алесси уже успел побывать другой гость. Вскоре после того, как ушла Анна, в дверь настойчиво зазвонили. Алесси проснулся и, еще борясь со сном, пошел открывать.

— Я вас побеспокоил? — На пороге стоял Тано — правая рука старого Николы Антинари. Не дожидаясь приглашения, он вошел в прихожую с холодной усмешкой на губах.

Подавив раздражение, вызванное такой бесцеремонностью, Алесси пригласил его в свой кабинет.

— Что еще стряслось? Что за срочность?

Тано сунул ему под нос листок бумаги.

— Подпиши, — коротко приказал он.

— Что это означает?

— То, что ты уходишь из банка.

Алесси быстро пробежал глазами листок и с пренебрежением швырнул его на письменный стол. То, что он прочел, показалось ему настолько диким, настолько невероятным, что у него от возмущения перехватило дыхание.

— Старик что, рехнулся? — в бешенстве заорал он. — Чтоб я подписал эту бумажку? Чтоб я отказался от сделки и к тому же еще согласился уйти из банка? — Он вскочил и, ударив кулаком по столу, прошипел: — Не бывать этому! Забудьте и думать!

На лице у Тано не дрогнул ни один мускул. Только его правая рука еле заметным движением скользнула под полу пиджака. И вынырнула с пистолетом.

Перед Алесси пропасть. Он тяжко ходун, и он спр

— Но без меня пробормотал он материалы у меня

— Найдется кто Алесси отчаянно

— Никто не менты у меня.

— Что за доку

— Сведения, ко

рию, в Югославию

оружия через их те

документы.

Тано не отрыв

взгляда.

— Живей подп

— Подожди, с

взмолился Алесси.

Он отодвинул

пуст. Алесси почув

В полной растерянности

объяснить, оправда

короткая и баналь

— Украли!

Тано это ничуть

терпение и в беш

— Давай подп

Белый как ме

и плачущим голос

— А если я под

— Ничего. Воз

— Это правда?

— Клянусь теб

Бросая на Тано

тельно разгладил л

и пододвинул бума

Тот внимательно

усмешкой поднял

— Стой! Не ст

требовал, — взмоли

ужас. — Ты ведь по

Тихий хлопок в

не дал ему дог

Перед Алесси вдруг словно разверзлась бездонная пропасть. Он тяжело опустился на стул. Руки ходили ходуном, и он спрятал их под стол.

— Но без меня вы же не сможете заключить сделку, — пробормотал он с надеждой. — Ведь все необходимые материалы у меня.

— Найдется кто-нибудь, кто сделает это вместо тебя.

Алесси отчаянно искал выход.

— Никто не справится, — повторял он. — Все документы у меня.

— Что за документы?

— Сведения, которые должны быть переданы в Болгарию, в Югославию, страны, которые разрешат перевозку оружия через их территорию. А в обмен они требуют эти документы.

Тано не отрывал от него холодного неподвижного взгляда.

— Живей подписывай — и делу конец.

— Подожди, сейчас покажу их, если не веришь, — взмолился Алесси. — Сами вы такие бумаги не достанете...

Он отодвинул картину и открыл дверцу. Сейф был пуст. Алесси почувствовал, как сердце сжимает спазм. В полной растерянности обернулся он к Тано, хотел что-то объяснить, оправдаться. Но из уст его вырвалась лишь короткая и банальная констатация:

— Украли!

Тано это ничуть не тронуло. Он уже явно начал терять терпение и в бешенстве крикнул:

— Давай подписывай!

Белый как мел, Алесси вновь опустился на стул и плачущим голосом спросил:

— А если я подпишу, со мной ничего не случится?

— Ничего. Возьму этот листок и уйду.

— Это правда?

— Клянусь тебе.

Бросая на Тано недоверчивые взгляды, Алесси тщательно разгладил листок на письменном столе, расписался и пододвинул бумагу молодому человеку.

Тот внимательно проверил подпись. Потом с жесткой усмешкой поднял пистолет.

— Стой! Не стреляй! Я же выполнил то, чего ты требовал, — взмолился Алесси. В глазах у него застыл ужас. — Ты ведь поклялся, что оставишь меня в покое...

Тихий хлопок выстрела, произведенного с глушителем, не дал ему договорить.

— Это тебе привет от синьора Николы, — прошипел сквозь зубы Тано и выстрелил снова. — А это от его сына. А также и от меня, — закончил он, спуская курок третий раз, в тяжело сползавшее с кресла тело.

Несмотря на бешеную гонку, Каттани опоздал. При виде трупа он поспешно выскользнул из квартиры Алесси и вернулся к синьоре Анне. Услышав о еще одной жертве, она разразилась истерическими рыданиями.

— Они всех нас уничтожат, — стонала она. — Всех до единого...

— Здесь вам оставаться опасно, — сказал Каттани. — Скорее собирайтесь, возьмите с собой Грету, я вас отвезу в безопасное место.

Он взял «дипломат» с бумагами Алесси, усадил Анну с ребенком в машину и повез их в монастырь. Обитель стала для него своего рода постоянным убежищем на случай опасности.

Первым делом он пошел к аббату. Плотно затворив за собой дверь, поставил перед ним чемоданчик и предложил осмотреть сенсационное его содержимое.

По мере того как аббат знакомился с бумагами, на лице его отражались все более глубокое изумление и тревога. Одна другую сменяли топографические карты, на которых некоторые зоны были усеяны красными точками, планы местности, снимки, полученные при помощи аэрофотосъемок в горных районах. Чья-то опытная рука нанесла на эти планы и карты тонкую паутину, отмечая наиболее важные зоны и отдельные пункты.

Чтобы лучше рассмотреть все эти материалы, аббат, пошарив в ящике стола, вооружился лупой. С каждой минутой он все больше изумлялся и мрачнел. Наконец еле сдерживаемые досада и возмущение бурно прорвались наружу.

— Боже мой, до чего докатились! — воскликнул он. — Здесь ведь воспроизведена вся наша оборонительная противоракетная система! По-моему, это область Венето.

— Какому-нибудь мелкому чиновнику даже за баснословную взятку не удалось бы добыть весь этот материал, — заметил Каттани.

— Конечно, нет. Тут, должно быть, постарался кто-то, занимающий в этой сфере весьма высокое положение.

— Вот именно, — подтвердил Каттани. — И вы должны что-то предпринять.

Аббат резко к
— Я?!

Каттани утвер
глядя на собеседн
— Я все про в

всего несколько
посвятили себя Б
были политическим

Аббат воздел
ему показалось, ч
тот мир, который

— Это все в д
махнув рукой.

— Однако вы
прежних друзей. С
даже еще больши

Последовала
крайне мрачным в

— Так чего т

— Вы должны

ни. — При соучаст

готовит колоссаль

ны Восточной Евр

мен получают пла

те это чудовищны

Лицо у аббата

— Да разве я

— Неужели вы

им безнаказанно

военными секрета

помешать, не жел

ком-то христианск

Сквозь стрель

виднелась огромн

и величественная.

выбрал я сам, но

и интригами, гроз

— Оставь мне

бат. — Я должен

Аббат резко к нему обернулся.

— Я?!

Каттани утвердительно кивнул головой. Пристально глядя на собеседника, он проговорил:

— Я все про вас знаю! Про ваше прошлое. Знаю, что всего несколько лет назад вы начали новую жизнь, посвятили себя Богу и ушли в монастырь. Но раньше вы были политическим деятелем. И притом с немалым весом.

Аббат воздел глаза кверху, и на какое-то мгновение ему показалось, что он возвратился назад, в другой мир, тот мир, который он добровольно покинул.

— Это все в далеком прошлом,— отрезал он, устало махнув рукой.

— Однако вы могли бы побеседовать с кем-нибудь из прежних друзей. Одежда, которую вы носите, придает вам даже еще больший авторитет.

Последовала напряженная пауза. Аббат молчал с крайне мрачным выражением лица. Наконец спросил:

— Так чего ты от меня хочешь?

— Вы должны мне помочь,— воодушевился Каттани.— При соучастии людей, стоящих у власти, кто-то готовит колоссальную сделку по поставкам оружия. Страны Восточной Европы содействуют этой операции, а взамен получают планы нашей обороны. Разве вы не находите это чудовищным?

Лицо у аббата снова стало холодным и отчужденным.

— Да разве я могу что-то сделать?

— Неужели вы хотите умыть руки? Хотите позволить им безнаказанно действовать? Они торгуют оружием, военными секретами, а вы, человек, который мог бы им помешать, не желаете и пальцем пошевелить? Не слишком-то христианская позиция.

Сквозь стрельчатые, узкие, как бойницы, окошечки виднелась огромная, покрытая зеленью гора, одинокая и величественная. «Этот мир покоя,— подумал аббат,— выбрал я сам, но снова тот, другой мир, с его суетой и интригами, грозит поглотить меня».

— Оставь мне документы,— проговорил наконец аббат.— Я должен хорошенько подумать.

АББАТ

Профессор Маттинера прищурил свои маленькие серые глазки за стеклами очков. На его остреньком личике отразилось чувство радости, смешанной с удивлением.

— Да неужели это вы?!

Его сухонькая, чуть сгорбленная фигурка резко подпрыгнула за огромным письменным столом, словно на пружинке.

— Прошу вас, входите.

Со сладкой улыбкой он бросился навстречу нерешительно застывшему на пороге гостю:

— Как я рад вновь встретиться с вами!

Маттинера протянул руку, и аббат пожал ее, продолжая озираясь вокруг, как человек, впервые посетивший места, где провел детство.

Он долго размышлял перед тем, как сюда приехать. Мысль, что он может что-то сделать, помешать грязным махинациям и положить конец целой цепочке убийств, помогла ему принять решение. И вот он снова в Риме. Когда-то в столице он был одним из тех, к чьему мнению внимательно прислушивались. Он знал, какими методами осуществлять свое влияние. Знал недостатки и слабости тех, кто стоит у власти.

— Садитесь, прошу вас.

Маттинера чуть ли не подтолкнул его к креслу перед своим письменным столом. Много лет назад, когда аббат был еще доцентом в университете, Маттинера сперва учился у него, а потом работал его ассистентом. Видя теперь его перед собой в монашеском одеянии, с непроницаемым лицом, он испытывал еще большее почтение и даже некоторую робость.

Но когда взгляд его упал на листок, который аббат положил перед ним на стол, Маттинера весь напрягся и его лисья физиономия ощерилась от злобы. Перед ним лежал один из секретных документов, которые он передал Алесси. Какими неисповедимыми путями этот проклятый листок мог попасть в руки аббата?

— Даже до моей обители высоко в горах, — проговорил аббат, — дошли сигналы о гнусном плане. Кто-то тклет тайную паутину, желая продать сведения об оборонительной системе нашей страны. У тебя весьма широкие связи в высоких кругах. Ты должен помочь мне помешать тем, кто плетет этот позорный заговор.

— Я? Что я?
— Ты должен
информации. Я
содержит край
целый «диплом
Маттинера
растерянность.

— Возможно
предпринять ка

— Этого л

надежно храни

— Но что

— Тебе сл

необходимо вы

документов.

— Не так-т

щаясь, выстав

— Ты долж

Маттинера

досадой. Приц

— Обещаю

Но старый

и знанием чело

какое-то стран

Нет, аббат не

ученик сдержи

Возвратясь

ния с Каттани

— Я обра

влиятельному.

какие-то шаги

и закончил: —

Аббат даж

отношения в в

рясу, какие но

он не соверши

к Маттинере.

Этот сколь

темных дел, ст

ных махинаций

благородного

своих высокоп

— Да, ваш

— Я? Что я могу сделать? — возразил Маттинера.

— Ты должен заявить об утечке чрезвычайно важной информации. Я принес тебе всего один листок, хотя и он содержит крайне важные сведения, но у меня в руках целый «дипломат», набитый подобными материалами.

Маттинера побледнел, ему еле удалось скрыть свою растерянность.

— Возможно, мне понадобится весь материал, чтобы предпринять какие-то шаги, — промямлил он.

— Этого листка вполне достаточно. Все остальное надежно хранится в монастыре.

— Но что вы мне конкретно посоветуете?

— Тебе следовало бы потребовать расследования, необходимо выяснить, как стала возможной кража этих документов.

— Не так-то все просто. — Маттинера, словно защищаясь, выставил вперед руки.

— Ты должен мне это обещать.

Маттинера поглядел на него с плохо скрываемой досадой. Прищурился за стеклами очков и сказал:

— Обещаю.

Но старый аббат, умудренный опытом долгой жизни и знанием человеческой души, уловил на лице Маттинеры какое-то странное выражение, не внушающее доверия. Нет, аббат не мог поклясться в том, что его бывший ученик сдержит свое обещание...

Возвратясь в монастырь, он поделился своими сомнениями с Каттани.

— Я обратился к человеку, без сомнения, очень влиятельному. Но неизвестно, сможет ли он предпринять какие-то шаги, как-то вмешаться... — Он развел руками и закончил: — Посмотрим...

Аббат даже не представлял себе, сколь изменились отношения в верхах с тех пор, как он надел монашескую рясу, какие новые союзы сложились в этих кругах. Иначе он не совершил бы роковой ошибки, обратившись именно к Маттинере.

Этот скользкий человек ныне был в центре самых темных дел, стал своего рода стержнем самых скандальных махинаций. И пока несведущий аббат ожидал от него благородного поступка, Маттинера забил тревогу среди своих высокопоставленных дружков.

— Да, ваше превосходительство, — говорил он в теле-

фонную трубку, — я вам совершенно точно излагаю создавшуюся ситуацию.

С другого конца провода гремел взбешенный голос его собеседника:

— Вы излагаете ее мне? А с какой стати? Зачем?

— Я знаю, — продолжал Маттинера, — решение должен принять я сам. Однако, извините, бывают моменты, когда я тоже нуждаюсь в поддержке.

— Да о чем вы говорите? — прорычал зычный голос, и трубку бросили.

Все ясно, его оставили одного. Надо выкарабкиваться собственными силами. Маттинера откинулся на спинку кресла и на мгновение прикрыл свои змеиные глазки.

— Выходит, профессор, придется вам действовать на свой страх и риск. — Человек, молча сидевший до тех пор напротив и слушавший его разговор, пытался придать своему голосу ободряющие нотки.

— Выходит, что так, дорогой Терразини. Эти документы совершенно необходимо получить обратно.

Терразини вскинул брови, словно говоря: так в чем же дело?

— Мы готовы это сделать.

— Да, но нужно обойтись без лишнего шума. Он занимал слишком высокий пост. Если с его головы упадет хоть один волосок, поднимется невероятный скандал.

— Там видно будет, — ответил Терразини, небрежно махнув рукой.

Как только Терразини ушел, Маттинера усталым жестом снял очки и уронил голову на руки. Главное — сохранять хладнокровие. Ему было не по себе — только что он предал своего бывшего учителя. Его первым порывом было немедленно отправиться самому в монастырь, заставить аббата отдать документы, напугав до смерти, чтобы он держал язык за зубами.

Но что бы это дало? Скорей всего ничего хорошего. Старый упрямец не понял бы его и не простил. Эта мысль доставляла ему боль, и вместе с тем раскаяния он не ощущал. Скорее злился на аббата за то, что тот не способен его понять и оправдать.

Чего доброго, этот человек в монашеской рясе станет для него олицетворением совести. У святых есть один недостаток: они не дают тебе спать спокойно. Было бы неплохо навсегда избавиться от этого человека, чтобы он

вообще перестал
от себя эту мысль

Следующей
с четырьмя сидел
они внутри мона
словно невидимы
ля.

Луч карманн
понять, что прои
та с глушителем

Тут же в п
других. Они под
Дотащив труп д
том, устремивш
глаз в вечность

В свете карм
это тело убитой
ровать любовно
В руку мертвого
попытался бы
предположить,

обратил оружие
Шаря лучом
лихорадочно все
шкафа, они нак
мат» с докуме
в темноте.

У Каттани н
Грете мертвую м
до. Грета, попав
гом любовалась
и пастушков.

— Как крас
рожно беря одну
в баночку с кра
то и дело заду
Монах как мог
него тоскливый

— Мамочки
На похорон
от всех в тени

вообще перестал существовать, и Маттинера не стал гнать от себя эту мысль — более того, она слегка успокоила его.

Следующей ночью к монастырю подъехала машина с четырьмя сидевшими в ней людьми. Бесшумно проникли они внутрь монастыря и разделились на две пары. Двое, словно невидимые тени, проскользнули в келью настоятеля.

Луч карманного фонаря разбудил аббата. Не успел он понять, что происходит, как пуля, выпущенная из пистолета с глушителем, пригвоздила его к постели.

Тут же в проеме двери бесшумно появились двое других. Они поддерживали под руки безжизненное тело. Дотащив труп до постели, они бросили его рядом с аббатом, устремившим взгляд неподвижных полуприкрытых глаз в вечность.

В свете карманного фонаря можно был различить, что это тело убитой синьоры Анны. Убийцы решили инсценировать любовное свидание настоятеля с синьорой Анной. В руку мертвого монаха они вложили пистолет. Те, кто попытался бы восстановить, как было дело, могли бы предположить, что аббат застрелил женщину, а потом обратил оружие против себя.

Шаря лучом фонарика по келье, бандиты принялись лихорадочно все перерывать. Распахнув дверцу стенного шкафа, они наконец обнаружили то, что искали: «дипломат» с документами. Схватив его, убийцы скрылись в темноте.

У Каттани не хватило мужества показать маленькой Грете мертвую мать. Он поручил девочку заботам Бернардо. Грета, попав в его мастерскую, с удивлением и восторгом любовалась удивительным мирком глиняных ангелов и пастушков.

— Как красиво! — всякий раз восклицала она, осторожно беря одну из серых фигурок. Потом опускала палец в баночку с краской и размазывала ее по серой глине. Но то и дело задумывалась, готовая вот-вот расплакаться. Монах как мог пытался ее отвлечь, а она поднимала на него тоскливый взгляд и стонала:

— Мамочки больше нет...

На похороны с Сицилии приехала Джулия. Укрывшись от всех в тени большого дерева, высящегося на самом

верху склона, она глядела вниз, на зеленую долину и шептала:

— Но почему? За что? Что за проклятие преследует нашу семью?

Сзади неслышно подошел Каттани. Пытаясь утешить, он обнял Джулию. Но та вдруг оттолкнула его.

— Оставь меня! — крикнула она. — Оставь меня одну. Не хочу тебя больше видеть! — И принялась колотить его кулачками по груди. — Это ты во всем виноват! Ты один! — Слезы застилали ей глаза, она осыпала его ударами вслепую. — Это ты погубил всю мою семью. Все по твоей вине!

Вконец обессилев, она упала в его объятия. Руки, только что колотившие Коррадо, теперь судорожно обнимали его.

— Боже мой! Что я говорю? Прости меня, дорогой, прости. Я сама не знаю, что говорю, любовь моя. Я совсем обезумела. Не уходи от меня, ради Бога, не оставляй меня одну.

Коррадо молча прижимал к себе ее дрожащее тело, нежно гладил по волосам.

— Может быть, для тебя и правда было бы лучше, если бы после первой встречи мы никогда больше не встречались. Но теперь это уже наша судьба.

Она умоляюще прошептала:

— Пожалуйста, не будем больше говорить об этом ужасе.

На похороны явились также и некоторые важные лица. Приехал депутат Тарсони, старый друг аббата, производивший впечатление человека весьма опытного и гибкого, привыкшего приспособливаться к обстоятельствам.

— Мы с ним были друзья молодости, — сказал он Каттани. — И вместе проделали немалый путь в политике. Он меня очень удивил, когда решил все бросить. Но я всегда его любил, да и он был ко мне привязан. Два дня назад, когда он пришел ко мне в палату депутатов, он мне показался очень озабоченным.

Каттани это весьма заинтересовало.

— Скажите, а он посетил только вас?

— Нет, — ответил депутат, — он нанес еще один визит — к профессору Маттинере. Не знаю, знакомы ли вы с ним...

— Смутно припоминаю, — сказал Каттани. — Где-то, очевидно, слышал эту фамилию.

— Да... Важный человек. Я не потому что он мне с тобой я повидать. Вернусь в свою. Любопытство.

— А этого М. похороны?

— Нет, — ответил, — какие-нибудь. Приехала его жена, полноватой дамы том на руке, при.

Кто такой этот? Ясь в тени, он подошел к Берна. Нибудь Маттинер.

Да, иногда п. новых книг, они.

— Пойдем, я. Монах прово. несколько книг с.

— Он специа. нах. — У нас да. дипломной работ. тенный том и про. научным руковод.

Каттани отки. изумления, прочт. власти в Римско.

Агриппина! То. ский ювелир. Он с алмазом даме. Этот браслет он.

ры. «Наконец-то. Внезапно он о. напугались. Мон.

загорелись. Мон. покинули усталое.

Коррадо брос. наваленных свер. тоже были книг. достал со дна ящ.

— Да... Важная персона... По-настоящему влиятельный человек. Я наверняка знаю, что аббат посетил его, потому что он мне сам сообщил. «Ну вот,— сказал он,— с тобой я повидался, теперь пойду к Маттинере, а потом вернусь в свою берлогу».

Любопытство Каттани все усиливалось.

— А этого Маттинеры здесь нет? Он не приехал на похороны?

— Нет,— ответил депутат Тарсони.— Странно, наверное, какие-нибудь важные дела не пустили. Однако приехала его жена. Вон она стоит.— Он кивнул в сторону полноватой дамы лет сорока с дорогим массивным браслетом на руке, прижимавшей к глазам платок.

Кто такой этот профессор Маттинера? Почему, оставаясь в тени, он пользуется таким влиянием? Каттани подошел к Бернардо и спросил его, приезжал ли когда-нибудь Маттинера в монастырь навестить аббата.

Да, иногда приезжал. Привозил экземпляры своих новых книг, они хранятся в монастырской библиотеке.

— Пойдем, я тебе их покажу.

Монах проводил Каттани в библиотеку и показал несколько книг с автографами Маттинеры.

— Он специалист по римской истории,— пояснил монах.— У нас даже есть экземпляр его университетской дипломной работы.— Бернардо снял с полки переплетенный том и протянул Каттани: — Вот он. Аббат был его научным руководителем.

Каттани откинул тяжелый переплет и не смог скрыть изумления, прочтя название: «Агриппина, пример тайной власти в Римской империи».

Агриппина! То же самое имя, которое назвал сицилийский ювелир. Отец Джулии послал в подарок браслет с алмазом даме, скрывавшейся под именем Агриппины. Этот браслет он только что видел на руке жены Маттинеры. «Наконец-то я тебя нашел»,— подумал Каттани.

Внезапно он ощутил приток новых сил, все его мускулы напряглись. Монах увидел, как вдруг в глазах Каттани загорелись решимость и вызов. Комиссара словно разом покинули усталое безразлие и примиренность с судьбой.

Коррадо бросился в келью аббата и, отодвинув груды наваленных сверху книг, открыл небольшой ящик. В нем тоже были книги. Торопливо побросав их на пол, он достал со дна ящика свой пистолет. Не так давно Коррадо

отдал его аббату с обещанием никогда больше им не пользоваться.

Он вставил в пистолет обойму и засунул его за пояс.

ПРОФЕССОР

— Что ты теперь думаешь делать?

Джулия стояла перед собравшимся уезжать Коррадо.

— Поеду в Рим, — ответил он. — Это дело слишком затянулось, но, кажется, сейчас я пошел по верному следу и наконец смогу его закончить.

Джулия нахмурилась.

— Снова за кем-то охотишься? — Она смотрела на него с тоской и тревогой. — Снова пытаешься поймать неуловимых призраков? Когда же ты успокоишься, когда мы с тобой сможем пожить спокойно? — Она ласково провела своими длинными пальцами по его лицу, словно стирая застывшее на нем суровое, решительное выражение. — Я пыталась понять, что тебя на это толкает, но так и не нашла объяснения. Ты мне представляешься человеком из каких-то далеких времен, таким рыцарем без страха и упрека, который сражается с сонмищем злодеев. — Она устало вздохнула. — Но удастся ли тебе их победить? Сумеешь ли ты это сделать в одиночку, мой маленький Коррадо?

— Разве у меня есть другой выбор? — ответил он вопросом на вопрос. — Притворяться, что ничего не замечаю? Забыть? — Он покачал головой. — Нет, меня до конца моих дней мучили бы угрызения совести...

Она в нерешительности посмотрела на него.

— Ну что ж, хорошо, поезжай. А я вернусь к деду на Сицилию. Грету я оставляю тут, в монастыре. Я никогда в жизни еще не видела ее такой довольной. Эти святые люди сумели доставить ей такую радость, какой она раньше никогда не знала...

Приехав в Рим, Каттани сразу же отправился в приемную профессора Маттинеры. Он настроился вести себя с этим человеком решительно, а если понадобится, как следует припугнуть, наорать, взять за грудки и вытрясти из него правду: «Выкладывай, выкладывай все, что тебе известно о том, кто велел убить аббата!»

Депутат Тарсони сказал совершенно ясно: во время

своей поездки
людьми — с
Каттани по
напряженный,
Секретарь ок
определил, чт
ятностей. Он
— Профес
и я не думаю,
принять.
Но остано
обращая на
в глубь корид
путь.
— Да куд
Каттани,
дверь и оказ
расположился
Дино Алесси
документов.
Секретарь
возвративши
предупредил
— Да кто
сор. — Гоните
Голова у
сидел Террази
по поводу пр
— Надо
шипел профе
— Это вс
Терразини. —
чувствовать с
готовой вот-в
— А жени
при чем? Зач
нировка?
— Ради
опасно. При
тят. Кому зах
убивает свою
слишком пика
ни с довольн
поскорее заб

своей поездки в Рим аббат встречался только с двумя людьми — с ним и с профессором Маттинерой.

Каттани переступил порог приемной профессора весь напряженный, как гончая, чувствуя близость дичи. Секретарь окинул его быстрым взглядом и сразу же определил, что от этого посетителя можно ждать неприятностей. Он попытался поскорее от него избавиться:

— Профессор на совещании. Оно не скоро кончится, и я не думаю, что господин Маттинера сегодня сможет вас принять.

Но остановить Каттани было не так-то легко. Не обращая на секретаря никакого внимания, он зашагал в глубь коридора. Тот попытался задержать его, преградив путь.

— Да куда вы идете, с ума сошли?

Каттани, смерив его ледяным взглядом, распахнул дверь и оказался в пустой комнате. Здесь он удобно расположился на диване, том самом, на котором сидел Дино Алесси, когда приходил за копиями секретных документов.

Секретарь, смирившись, прикрыл за ним дверь и, возвратившись в приемную, по внутреннему телефону предупредил Маттинеру о неожиданном визите.

— Да кто он такой? — с досадой спросил профессор. — Гоните его. Займитесь этим сами.

Голова у него была занята совсем другим. Перед ним сидел Терразини, которому он выражал свое недовольство по поводу происшедшего в монастыре.

— Надо было только забрать документы, — злобно шипел профессор. — К чему было устраивать бойню?

— Это все красивые слова, — невозмутимо парировал Терразини. — Аббат ведь обо всем знал. Разве вы могли бы чувствовать себя спокойно рядом с такой плавучей миной, готовой вот-вот взорваться?

— А женщина? — горячился профессор. — Она-то тут при чем? Зачем понадобилась эта отвратительная инсценировка?

— Ради предосторожности. Расследование для нас опасно. При таких же обстоятельствах его сразу прекратят. Кому захочется копаться в деле об аббате, который убивает свою любовницу, а потом стреляется сам? Уж слишком пикантная история, вам не кажется? — Терразини с довольным видом потер руки. — Чтобы заставить поскорее забыть о каком-нибудь неприятном случае,

всегда надо подсунуть другой, еще более скандальный. Маттинера снял очки. Подышал на стекла и тщательно протер платком.

— Как бы то ни было, все это ужасно, — проворчал он. Но его раздражение почти испарилось, и уже более мирным тоном он спросил, принес ли адвокат чемоданчик с секретными бумагами.

— А зачем? — удивился Терразини. — Мы сами обо всем позаботимся. Вам ни о чем не надо беспокоиться. Мы организуем также и передачу документов. Через десять дней, когда операция будет закончена, вы получите причитающиеся вам три процента.

— Три процента?! — взорвался Маттинера. — Мы с Юфтером условились на десяти!

— Дорогой профессор, но вы не учитываете непредвиденных обстоятельств. — На лице Терразини мелькнуло подобие улыбки, в которой было нечто змеиное. — Документы исчезли, вся операция грозила провалиться. Нам пришлось немало потрудиться, чтобы исправить дело.

Маттинера окончательно вышел из себя и стукнул кулаком по столу.

— Да без меня, — заорал он, — без меня вообще эта сделка бы не состоялась!

— Так же, как и без нас.

— Вы не можете меня так обжулить. Я этого не позволю. — Острые глазки профессора метали молнии, лоб покрылся потом, дрожащие руки никак не могли вытащить из пачки сигарету. — Лучше вообще выйду из дела, чем соглашусь на такое унижение. — Он подошел к окну и повернулся к Терразини спиной. — А теперь убирайтесь отсюда.

У Терразини не сходила с губ злая, насмешливая улыбка.

— Вы слишком разнервничались, — сказал он и отклонился, сохраняя полное спокойствие.

Маттинера по-прежнему стоял и смотрел в окно. Вдруг его словно ударило током. Он натянул плащ и по интерфону велел секретарю подать машину к запасному выходу.

Каттани между тем нервно расхаживал взад-вперед по комнате, то и дело бросая взгляд в окно. Увидев на улице Терразини — тот уже садился в такси, — он метнулся за дверь.

— Если у профессора находится время беседовать

с Терразини, —
найдется и для
В ярости п
двери подряд.
пытаясь ухват
— Что вы
плача, тверди
Когда Кат
никого не был
— Ну вот,
теперь вы удов
Но Коррад
привлекла фот
в окружении с
бочно вспомни
всякого сомне
графии, обнару
на миланском
Глядя на с
как использов
жеством сказа
припереть к ст
Не отклад
к депутату Тар
помочь.
Тарсони пр
холме. Выслуц
Маттинера. В
подаренным не
головой. Его
комиссаром.
— Вы гов
Маттинера? А
основании того
на Агриппине
этого мне каж
Да и все д
предназначенн
глядело в его
— Эта ист
стична и ужа
действительно
стыда и прикр
— Я прише

с Терразини, — рывкнул он перепуганному секретарю, — то найдется и для меня.

В ярости помчался он по коридору, распахивая все двери подряд. Секретарь, задыхаясь, бежал за ним, пытаясь ухватить за пиджак.

— Что вы делаете? Вы совсем сошли с ума! — чуть не плача, твердил он. — Остановитесь, ради Бога!

Когда Каттани вбежал в кабинет профессора, там никого не было.

— Ну вот, — с облегчением перевел дух секретарь, — теперь вы удовлетворены? Как видите, профессора нет.

Но Коррадо его даже не слушал. Его внимание привлекла фотография на письменном столе: профессор в окружении семьи. Теперь Каттани совершенно безошибочно вспомнил, где он уже видел это лицо. Да, вне всякого сомнения, этот человек был изображен на фотографии, обнаруженной в автоматической камере хранения на миланском вокзале.

Глядя на снимок, Каттани лихорадочно прикидывал, как использовать это свое открытие. Ага! — вдруг с торжеством сказал он себе. Похоже, у него есть способ припереть к стене этого жулика Маттинеру.

Не откладывая дела, комиссар тотчас же поехал к депутату Тарсони — единственному, кто мог сейчас ему помочь.

Тарсони принял его в своей вилле на Авентинском холме. Выслушал рассказ о фотографии, на которой снят Маттинера. Внимательно вник в историю с браслетом, подаренным некой Агриппине. Но в конце беседы покачал головой. Его ничуть не убедили доводы, приведенные комиссаром.

— Вы говорите, что под этим именем скрывается Маттинера? А как вы можете это доказать? Только на основании того, что его дипломная работа была посвящена Агриппине? Нет, — недоверчиво хмыкнул депутат, — этого мне кажется недостаточно.

Да и все дело с торговлей оружием и документами, предназначенными для иностранных тайных служб, выглядело в его глазах слишком уж невероятным.

— Эта история, дорогой Каттани, настолько фантастична и ужасна, что если бы она соответствовала действительности, то всем нам пришлось бы сгореть со стыда и прикрыть нашу лавочку.

— Я пришел к вам за помощью, — не сдавался Катта-

ни. — А не за тем, чтобы представить вам доказательства. Я твердо знаю одно: сейчас, пока мы с вами разговариваем, осуществляется чудовищная махинация. Но прямых доказательств у меня нет. Однако известно, что подобные дела обязательно оставляют какие-то следы. Банковские счета, перечисления, негласный обмен документами. Вы — депутат парламента, может быть, вы имели случай обнаружить некие свидетельства, намеки, услышать о странных сделках — одним словом, у вас, возможно, есть некоторые подозрения?

— Мне очень жаль, но должен разочаровать вас, — ответил депутат. — Увы, я весьма далек от влиятельных кругов. Я занимаюсь «третьим миром»: проблемы голода, дети, которые умирают от болезней, оттого, что у них нет хлеба, нет лекарств... — На лице Тарсони появилось выражение покорности судьбе. — Как видите... — закончил он и развел руками.

Однако Каттани не собирался отказываться от последней оставшейся у него возможности.

— И все-таки кое-что вы в силах предпринять, — настаивал он. — Вы все же можете мне помочь. — Он подошел к стоявшему на письменном столе телефону, снял трубку и протянул ее Тарсони: — Позвоните Маттинере и пригласите его к себе домой. Это-то вы можете сделать!

Поздним вечером Маттинера сел в такси и дал адрес депутата Тарсони. Улицы столицы были почти пустынные. Рефлекторы подсвечивали неярким розоватым светом памятники древнего Рима, мимо которых рассеянно спешили редкие прохожие.

Калитка виллы Тарсони была открыта. Профессор прошел по мощенной камнем дорожке и очутился перед неплотно прикрытой дверью.

Заглянув внутрь, он позвал хозяина. Зажегся свет, но никто не откликнулся.

— Это я. Есть кто-нибудь?

Он распахнул дверь и вошел.

— Добро пожаловать, — встретил его чей-то голос, прозвучавший неприязненно и резко. Перед ним вдруг возник незнакомый мужчина. — Депутат Тарсони просит извинить его — он немножко задержится. Всего на несколько минут. А пока компанию составлю вам я.

Каттани — а это был он — оценивающим взглядом внимательно осматривал его, пытаясь определить, что за птица этот человек с остреньким личиком.

— Вы кто?
— Условимся
ответил Каттани
— Что это
— Это знач
дорогой мой про
прямо в лицо.
участии в торго
тесь передать в
дарству.

— Да что
оперся рукой о
полотно, нижняя

Страшной с
конец фразы. К
сдерживаемой
к стене и схва
шейку.

— Вы меня
Открылась д
Тарсони.

— Комиссар
позволить в свое
нужно с ним по

— Стойте там
Тарсони в ра
Коррадо внов

плечи и начал
испытанные уни
выплеснулись на

— Я хочу зн
ни. — Откуда на
— Хорошо,

скажу.
Каттани слег

— Ну, так к
— Кемаль Ю
— По чьему

— Это амери
Маттинера уже
— Кому буде

— Одной афр

— Вы кто? — удивленно спросил профессор.
— Условимся, что вопросы задавать буду я, — сухо

ответил Каттани.

— Что это значит? — повысил голос Маттинера.

— Это значит, что сейчас наступил момент истины, дорогой мой профессор, — проговорил Каттани, глядя ему прямо в лицо. — Конец игре! Мне все известно о вашем участии в торговле оружием, о том, как легко вы готовы передать военные тайны одному иностранному государству.

— Да что вы несете? — Ошеломленный, Маттинера оперся рукой о спинку стула. Лицо у него было белое как полотно, нижняя губа тряслась. — Гнусный клеветник!..

Страшной силы пощечина заставила его проглотить конец фразы. Каттани набросился на него, дав выход сдерживаемой много месяцев ярости. Он прижал его к стене и схватил за горло — за его тонкую змеиную шейку.

— Вы меня задушите... — прохрипел Маттинера.

Открылась дверь, и на пороге появился взволнованный Тарсони.

— Комиссар Каттани, прошу вас, я не могу этого позволить в своем доме. Вы же мне сказали, что вам лишь нужно с ним поговорить...

— Стойте там! — не оборачиваясь, рявкнул Каттани.

Тарсони в растерянности застыл на пороге.

Коррадо вновь занялся Маттинерой. Он схватил его за плечи и начал изо всех сил трясти. Вся его ненависть, испытанные унижения, давно копившиеся обиды яростно выплеснулись на этого пригвожденного к стене, жалкого, перепуганного человека.

— Я хочу знать все, — прорычал сквозь зубы Каттани. — Откуда направляется груз? Живее говори.

— Хорошо, хорошо, только отпустите меня. Я все скажу.

Каттани слегка ослабил тиски.

— Ну, так кто продает оружие?

— Кемаль Юфтер.

— По чьему поручению?

— Это американские материалы. Краденый товар. — Маттинера уже не упирался и отвечал на вопросы с готовностью, как прилежный школьник.

— Кому будет поставлено оружие?

— Одной африканской стране.

— И куда придет груз?
— На Сицилию, завтра. На восточное побережье.
Порт Ликуди.

— Кто организует операцию?
Маттинера вместо ответа умоляюще глядел на Каттани и, морщась от боли, тер ноющую шею.

— Боже мой, — простонал он, — вы могли меня убить.
— Ну, так что же? — вновь прогремел голос Каттани.
Профессор тянул с ответом. Он потел и с трудом глотал слюну. Каттани еще сильнее потрянул его и в ярости прошипел:

— Кто встречает прибывающий груз?
Еле слышным голосом Маттинера произнес имя Терразини.

— Терразини! — задумчиво повторил Каттани. Опять он! Теперь это уже переходит в постоянную войну между ними, но на сей раз у него есть преимущество перед противником.

Напряжение тотчас спало. Теперь все было ясно как Божий день. Даже Маттинера после вырванного у него признания, казалось, испытывал некоторое облегчение.

— Все это, — проговорил Каттани, — вам придется повторить перед судом.

Маттинера чувствовал на себе укоризненный взгляд Тарсони. Он не решался взглянуть ему в лицо. И ограничился лишь тем, что спросил:

— А как поступишь ты?

Ответ старика депутата не оставил ему никакой надежды:

— Я выполню свой долг. Расскажу судье все, что тут слышал.

Никто из них не мог заметить двух мужчин, которые в эту минуту, пригнувшись, пробирались по окружающему особняк саду. Терразини не понравилось, как вел себя Маттинера во время их последнего разговора. Его отказ от трех процентов, решение выйти из игры он воспринял как личное оскорбление. А сицилийский адвокат был не из тех, кто позволяет безнаказанно им дерзить. Он подослал к профессору двух своих людей, которые теперь тайком проникли в сад.

Маттинера оказался загнанным в тупик. Каттани и Тарсони не оставили ему никакого выхода. Они заставят его давать показания. С ужасом думал он о скандале, который явится для него неминуемой катастрофой. Есть

ли у него еще
шись на дверь,
одним прыжком
сился в дышащи
Каттани и
мгновенно засты
в саду треск авто
сора автоматной
плаща его, зацепи
— Боже мой,
сони, — это же н
— Нельзя тер
ни. — Не говори
услышали. Они н
изменяют место в
я поймаю их с

Стояли жарк
в шезлонге на тер
Рядом с ним
Напряжение пос
шенной и безвол
хотелось, ничего
как-нибудь дал о
Старик протя
— Значит, вл
этому типу, кото
романа?

— Дедушка,
— Ладно, лад
неподходящий дл
Джулия не ж
сколько минут де
носились ласточк
— Я хочу зна
рила девушку. —
мне разобратсья
старика, чтобы у
бесстрастен. — Он
Джулия.
Старик приг

ли у него еще какие-нибудь шансы спастись? Покосившись на дверь, ведущую в сад, он внезапно дернулся, одним прыжком выскочил за порог и сломя голову бросился в дышащий ночной прохладой сад.

Каттани и Тарсони кинулись за ним следом. Но мгновенно застыли на месте, услышав прозвучавший в саду треск автоматов. Люди Терразини скосили профессора автоматной очередью — он лежал навзничь на земле, плащ его, зацепившись за шипы, повис на розовом кусте.

— Боже мой, — остолбенев от ужаса, прошептал Тарсони, — это же настоящая война!..

— Нельзя терять ни минуты, — на ходу бросил Каттани. — Не говорите ни одной живой душе о том, что слышали. Они не должны знать, что разоблачены, иначе изменят место выгрузки. Я отправляюсь туда. На сей раз я поймаю их с поличным!

СИЦИЛИЯ

Стояли жаркие майские дни. Старик Никола лежал в шезлонге на террасе отеля и созерцал морскую гладь.

Рядом с ним сидела Джулия. Вид у нее был усталый. Напряжение последних дней спало, оставив ее опустошенной и безвольной. У нее не было сил, ей ничего не хотелось, ничего не нравилось. Хоть бы позвонил Коррадо, как-нибудь дал о себе знать. Но о нем ни слуху ни духу.

Старик протянул руку и погладил ее пальцы.

— Значит, влюбилась? Дала себе заморочить голову этому типу, который строит из себя героя бульварного романа?

— Дедушка, зачем ты так? Я же его люблю.

— Ладно, ладно. Когда-нибудь сама поймешь, что это неподходящий для тебя человек.

Джулия не желала продолжать этот разговор. Несколько минут дед и внучка сидели молча. Над ними низко носились ласточки, чуть не задевая своими крыльями.

— Я хочу знать, кто убил мою маму, — вдруг проговорила девушка. — Может быть, ты, дедушка, сможешь мне разобраться? — Краем глаза она покосилась на старика, чтобы увидеть его реакцию, но тот оставался бесстрастен. — Она-то при чем? — с горечью сказала Джулия.

Старик пригладил белоснежные волосы. Вид у него

был отрешенный, как у древнего патриарха, который вот-вот изречет какое-то вещее слово.

— Буря прошла, — произнес он, — мы уцелели и должны думать о будущем. К чему копать в прошлом?

— Она была мне матерью, — возразила Джулия, вставая. — Я имею право знать. Меня всегда держали в стороне. Приходится узнавать правду от других, собирать по крохам, по каплям. А хотелось бы услышать правду из твоих уст.

Старик тоже поднялся. Сжав в ладонях ее лицо, с нажимом произнес:

— Кто знает, что такое правда? В жизни, моя девочка, чем меньше любопытствуешь, тем лучше. Запомни это.

Их беседу прервал приход Тано Каридди, как всегда услужливого, безукоризненно закуртого. В руках у него был поднос со стаканом воды и лекарством. Старик с мрачным видом проглотил две таблетки, запив большим глотком воды.

Покачав седой головой, он похлопал себя по груди.

— Да, сердечко уже не то, что прежде. Рано или поздно оно со мной сыграет скверную шутку и тебе придется одной тянуть этот воз. Ты об этом никогда не задумывалась?

Джулия кивнула. Иногда такая мысль действительно приходила ей в голову и внушала страх.

— Я хочу, чтобы ты была к этому готова, — продолжал дед. — Тебе надо ознакомиться с механизмом банковских дел и научиться им управлять. Главное, увлечься этим. — Он взял ее под руку. — Поедем, покажу тебе, как функционирует королевство, которое тебе достанется. — И он велел Тано распорядиться насчет машины.

В банке все были чрезвычайно почтительны. Джулия через силу старалась казаться любезной, улыбаться.

Они вошли в комнату, уставленную дисплеями, на них бежали длинные колонки знаков и цифр. Несколько телетайпов непрерывно отстукивали сообщения.

— Мы с тобой находимся, — сказал старик, — в сердце банка. Ты хоть немножко понимаешь, что тут происходит?

Джулия внимательно вгляделась в экраны мониторов.

— Да, пожалуй, понимаю. Сейчас скупаем акции на некоторых европейских рынках. — Нахмутив, чуть удивленная, лоб, она добавила: — К тому же, мне кажется, мы выкладываем слишком большую сумму, или я ошибаюсь?

— Правильно мы покупаем реальную стоим

— Это поч

своим ушам.

— Да потому

и те, кто прода

иностранцы

бежные филиа

ем по более в

Джулии по

С ошеломленн

— Это для

не платя пош

Банкир ухм

— Черт по

ничего не ска

Держась, к

шенный и лош

— Звонят

Это Терразини

Говорит, что-т

Старик нах

недовольной г

— Нет, я н

к нему приеду

После вых

роскошную кв

ны, за ним как

здоровенный

его приближе

нетка с коша

его желание.

Терразини

посторонивши

— Весьма

ном проговор

Старик, од

Этот человек

претили груб

нительных сит

Но при перво

этого опас

— Правильно, — довольный, ответил дед. — А точнее, мы покупаем акции за двойную цену по сравнению с их реальной стоимостью.

— Это почему же? — спросила девушка, не веря своим ушам.

— Да потому, что мы одновременно и те, кто покупает, и те, кто продает. Сначала мы выпустили эти акции на иностранные рынки и скупили их — через свои зарубежные филиалы, — по низкой цене. Теперь вновь покупаем по более высоким ценам.

Джулии показалось, что она поняла, в чем тут дело. С ошеломленным видом она уставилась на деда.

— Это для того, чтобы вывозить капиталы за границу, не платя пошлины? Верно?

Банкир ухмыльнулся с довольным видом.

— Черт побери, моя девочка, у тебя варит голова, ничего не скажешь.

Держась, как всегда, неестественно прямо, весь надутый и лощеный, к Николе Антинари подошел Тано.

— Звонят по телефону, — прошептал он ему на ухо. — Это Терразини. Спрашивает, может ли к вам заехать. Говорит, что-то важное.

Старик нахмурился. Отрицательно махнул рукой и с недовольной гримасой сказал:

— Нет, я не желаю его тут видеть. Скажи, что я сам к нему приеду.

После выхода из тюрьмы Терразини завел себе новую роскошную квартиру. Он жил в окружении личной охраны, за ним как тень повсюду следовал преданный Сальво, здоровенный детина с напмаженными волосами. Среди его приближенных числилась и Розария, молодая брюнетка с кошачьей грацией, ловившая на ходу малейшее его желание.

Терразини встретил банкира у дверей. Почтительно посторонившись, пропустил его вперед.

— Весьма польщен, что вы посетили меня, — с поклоном проговорил он.

Старик, однако, ответил на его приветствие сдержанно. Этот человек начинал ему действовать на нервы. Банкиру претили грубые методы, к которым тот прибегал в затруднительных ситуациях. Пока он не мог без него обойтись. Но при первой же возможности обязательно избавится от этого опасного типа.

— Все идет как по маслу, — ворковал Терразини. — Груз уже миновал Югославию и благополучно пересек итальянскую границу. Сейчас он уже приближается к берегам Сицилии.

— Поздравляю вас, — сухо ответил старик. — Вы получите, как и договорились, одиннадцать процентов акций банка.

— И место в административном совете, — добавил Терразини.

— Да, и место в административном совете, — подтвердил старик.

Терразини с удовольствием осушил бокал с шампанским, поднесенный Розарией, но банкир к своему даже не притронулся. Казалось, ему не терпится поскорее уйти. Он ждал, когда Терразини перейдет к делу и объяснит, о чем хотел с ним поговорить.

— Да, — ответил Терразини, устраиваясь удобнее в кресле с нарочитой неторопливостью и закуривая сигарету — ему доставляло удовольствие держать других в напряжении. Наконец перешел к сути: — Мы сделали все от нас зависящее, чтобы спасти операцию.

— Да уж, — отозвался старик, — убрали всех подчистую. Мне ваши методы вовсе не нравятся, я хочу, чтобы вы об этом знали.

— Однако они вам полезны. Вы нуждаетесь в таких решительных людях, как мы. Как бы там ни было, наша работа еще не закончена. Мы с вами не можем спать спокойно.

Старик прищурился и вцепился в ручки кресла, обмятый внезапной тревогой.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

— Этого Каттани, — прошипел Терразини, внезапно приходя в ярость. — Он опять идет по нашим следам. Мне звонил секретарь Маттинеры и сообщил, что Каттани позавчера приходил в приемную. Он настойчиво добивался приема у Маттинеры. Наверное, что-то разнюхал. Вы понимаете, это опасный человек.

Старик сделал протестующий жест и сказал:

— Моя внучка влюблена в него.

— Знаю, — отозвался Терразини. — Поэтому-то я и позволил себе побеспокоить вас прежде, чем приступить к делу.

Старый банкир поднялся с кресла и с брезгливой гримасой пробормотал:

— Если та
вил: — Однако
Джулии.
Быстрым ша
собой, не слуша

Наверняка
бы знал, что пр
ное солнечное
Казалось, по с

Вдали выск
Этны. Каттани
города, где вс
мелли, с котор

— Комисса
полицейский.

— Сеттима.
в Трапани?

— Меня пе
Каттани пр
совался:

— Кто у ва

— Комисса

— Отведи-к

Ди Венанцо

виду напомина

рых скорее мо

главе такого

отдел полиции

Он, казалос

интересом высл

ях, а под коне

— Дорогой

я состою на слу

хорошо знаете

человека, на к

— Это верн

Если вы заодно

человек, то, мо

Лицо у сед

— Нет, я не

с вами. Почем

можем извест

затянувши

— Если так уж необходимо... — И угрожающе добавил: — Однако смотрите, чтобы это никак не коснулось Джулии.

Быстрым шагом он направился к двери и закрыл ее за собой, не слушая заверений Терразини.

Наверняка Каттани вел бы себя осмотрительней, если бы знал, что против него затевают. Он же в одно прекрасное солнечное утро вновь ступил на землю Сицилии. Казалось, по собственной воле лезет в волчье логово.

Вдали высилась грозная и величественная вершина Этны. Каттани направился в полицейское управление города, где встретил своего старого знакомого — Сеттимелли, с которым работал в Трапани.

— Комиссар Каттани! — радостно приветствовал его полицейский.

— Сеттимелли! Что ты тут делаешь? Ты же служил в Трапани?

— Меня перевели сюда. А где теперь вы?

Каттани пропустил его вопрос мимо ушей и поинтересовался:

— Кто у вас тут командует оперативным отделом?

— Комиссар Ди Венанцо, прекрасный человек.

— Отведи-ка меня к нему.

Ди Венанцо, седовласый мужчина лет пятидесяти, по виду напоминал одну из тех бесцветных личностей, которых скорее можно увидеть в почтовом окошечке, чем во главе такого боевого подразделения, как оперативный отдел полиции.

Он, казалось, был польщен визитом Каттани. С живым интересом выслушал его рассказ о всех последних событиях, а под конец заявил:

— Дорогой Каттани, вы мне доверились, а что, если я состою на службе у мафии и могу погубить вас? Вы ведь хорошо знаете здешний мирок, знаете, как трудно найти человека, на которого можно целиком положиться.

— Это верно. Я пошел на риск, но у меня нет выбора. Если вы заодно с ними, мне крышка, но если вы честный человек, то, может, захотите мне помочь.

Лицо у седовласого комиссара посветлело.

— Нет, я не на их стороне, дорогой Каттани. Я заодно с вами. Почему бы вам не вернуться на службу? Мы можем известить министерство о вашем желании прервать затянувшийся отпуск. Будем вместе работать.

В самом деле, почему бы ему не покончить с этим своим положением, не перестать рыскать в одиночку? Каттани пришла по душе мысль возвратиться на службу. Вместе с Ди Венанцо он, не откладывая, занялся бюрократическими формальностями, чтобы разрешить этот вопрос. Всего несколько дней — и он снова получит в свое распоряжение людей, с которыми мог бы работать.

— А пока что, — посоветовал Ди Венанцо, — вам следовало бы побеседовать с помощником прокурора Вентури.

— Вентури? — переспросил Каттани. — А он не из Милана, этот Вентури?

— Именно оттуда. Он сам выбрал здешнюю прокуратуру. И очень неплохо справляется. Но и расплачивается за это. Мафия уже отметила его работу — подложила бомбу под дом, где он поселился. С тех пор он со всей семьей живет тут, в казарме.

Каттани хотелось поговорить с Вентури. Неплохо бы, кстати, и ему устроиться в казарме. Но все это можно отложить. Первым делом надо повидаться с Джулией.

Девушка находилась в апартаментах деда, в гостинице, когда приставленный ее охранять толстячок доложил о приходе Каттани.

— О Господи, наконец-то! — выдохнула Джулия, стремительно бросившись к двери.

— Нет! — окликнул ее дед. — Постой!

Девушка с удивлением обернулась.

— Только не вздумай с ним выходить! — предупредил он.

— Почему?

— Прежде я с ним поговорю.

Девушка нетерпеливо кивнула и помчалась к Коррадо в холл гостиницы. Они бросились друг другу в объятия, забыв обо всем на свете.

— Как тебе тут живется? — наконец спросил Коррадо.

— Очень плохо, увези меня отсюда. Дед совсем не такой, каким я его себе воображала в Милане, когда играла с ним по телефону в шахматы. Он такой нудный. Все время говорит о деньгах. И вбил себе в голову странную мысль. Говорит, что я должна войти в состав административного совета банка.

Коррадо, казалось, поразило это известие.

— Когда это предполагается осуществить?

— через пять
Пять дней...
старик что-то зад
Как и обещала
и оставила их оди
— Вы порядоч
рик. Выглядел он
тесь себе как ни в
прекрасно известн
— А что же
прятаться, будто
прячутся, убирают
Не глядя ему
— Я вижу, вы
устроена жизнь. М
«другими», не толь
вы в опасности.
— Я их не бо
Жесткая, насме
вывела старика из
— Послушайте
льны вести себя ка
подальше от Джу
подходит.
— Вот этого
ответил Каттани.
— Нет необход
ее убедить. Самое
ногами.
К банкиру под
прошептал на ухо.
потому что Антина
сторону.
— Мне сейчас
что у гостиницы
подстерегают на у
Каттани это из
играть время, он с
жал:
— Вот видите,
латься. Вы от нее не
оказать вам сейчас
излишних огорчени
навсегда исчезне

— Через пять дней.
Пять дней... Почему именно через пять? Наверное, старик что-то задумал.

Как и обещала, Джулия проводила Коррадо к деду и оставила их одних на террасе.

— Вы порядочный упрямец, — приветствовал его старик. Выглядел он весьма раздраженным. — Возвращаетесь себе как ни в чем не бывало на Сицилию. Ведь вам прекрасно известно, что у вас здесь полно врагов.

— А что же мне, по-вашему, делать? Прикажете прятаться, будто у меня совесть нечиста? Пусть другие прячутся, убираются с глаз долой.

Не глядя ему в лицо, старик проворчал:

— Я вижу, вы упорствуете и не желаете понимать, как устроена жизнь. Молодой человек, те, кого вы называете «другими», не только не прячутся, но и наступают, так что вы в опасности.

— Я их не боюсь.

Жесткая, насмешливая улыбка комиссара еще больше вывела старика из себя.

— Послушайте, — в бешенстве прорычал он, — вы должны вести себя как вам заблагорассудится. Но держитесь подальше от Джулии. Это не та женщина, что вам подходит.

— Вот этого вы не можете от меня требовать, — ответил Каттани. — Надо послушать, что думает она сама.

— Нет необходимости, — буркнул старик. — Я сумею ее убедить. Самое главное, чтобы вы не путались у нее под ногами.

К банкиру подошел толстяк телохранитель и что-то прошептал на ухо. Должно быть, это касалось Каттани, потому что Антинари с хмурым видом покосился в его сторону.

— Мне сейчас доложили, — наконец произнес он, — что у гостиницы замечена подозрительная возня. Вас подстерегают на улице, чтобы расправиться.

Каттани это известие застало врасплох. Чтобы выиграть время, он сделал глоток виски, а старик продолжал:

— Вот видите, Каттани, мафия хочет с вами разделиться. Вы от нее не уйдете. Но я решил вас предостеречь, оказать вам сейчас последнюю услугу, чтобы уберечь от излишних огорчений Джулию. Взамен надеюсь, что вы навсегда исчезнете.

В эту минуту появилась Джулия.

— О чем это вы так долго секретничаете?

Дед пропустил ее слова мимо ушей и, по-прежнему обращаясь к Каттани, спросил:

— Ну так как? Договорились?

По презрению, вспыхнувшему в глазах Коррадо, Джулия наконец поняла, что происходит нечто очень серьезное.

— Да о чем речь? — нетерпеливо спросила она.

Не глядя на девушку, Каттани сказал:

— Да вот твой дедушка решил сделать доброе дело. Предупредил, что кто-то ждет меня на улице, чтобы отправить на тот свет.

Еще не оправившись после гибели матери, Джулия лихорадочно переводила взгляд с одного на другого, не в силах поверить услышанному. Мысли разбегались, ее охватил страх.

— Но кто именно? — спросила она. — Что им надо?

— Мои старые враги, — ответил Коррадо. — Беда только в том, что теперь они стали друзьями твоего деда. — Он удрученно покачал головой и вполголоса бросил Джулии: — Мафия.

Девушка зажала рот ладонью, удерживая готовый вырваться у нее крик.

— Неужели правда? Дедушка, это верно?

Старик словно не слышал ее вопроса. Теплый ветерок шевелил белый ореол волос вокруг его головы.

— Это настолько верно, — невозмутимо произнес Каттани, — что он даже в силах остановить руку тех, кто сидит там внизу, в засаде.

— Хватит! — не выдержал старик. Челюсти его были сжаты, словно их свело судорогой. — Нет, вы только послушайте этого героя: что ни слово, то гнусная клевета. Не обращай внимания, Джулия, не верь ему. Я потом объясню тебе, в чем дело.

— Не нужно мне никаких объяснений! — рыдая, ответила девушка. — Скажи только, как вывести отсюда Коррадо!

— Я велю проводить его через запасной выход, — буркнул дед, снова обретя хладнокровие.

— Я тоже пойду с ним, — сказала Джулия.

— Нет, ты останешься здесь. — Старик взмахнул рукой, подзывая Тано, и что-то шепнул ему на ухо. Тано обернулся к комиссару:

— Ну как, поймал Каттани последователей? Они спустились в подвал, выйдя на улицу, он пошел к стенам, после чего кивнул Коррадо — м...

Казарма Фонте охраняли со всех сторон круг — заграждение, и прочие стражи за...

Каттани впустил в комнату и долгих расспросов в комнате с низким потолком и небольшим окном уже настолько свели к жалкому пристанищу.

В казарме обитавший нашел его в прекрасной комнате, обставленной бумагами письменными, чувствовал себя Венетом. Судя по всему, Каттани, — его расследо...

— Да, действительно, жил руку на горном интересного. В этих городах, не очень-то еще не хватает многих.

Прокурор встал и достал из кармана очки. — От души рад тебе, Милана. У меня осталась Коррадо кивнул.

— Чем там кончили разговоры, что сами уточнили, куда именно...
* Виноградная лоза в Итании.

— Ну как, пойдете, синьор Коррадо?
Каттани последовал за ним.
Они спустились в холл, и Тано попросил его обождать.
Выйдя на улицу, он подал знак какому-то типу, стоявшему у стены, после чего вернулся в гостиницу и с ухмылкой кивнул Коррадо — мол, пусть свободен.

ГРУЗ

Казарма Фонтемара была настоящей крепостью. Ее охраняли со всех сторон вооруженные полицейские. Вокруг — заграждение, колючая проволока. Полицейские и прочие стражи закона прозвали ее «Форт Апач».

Каттани впустили внутрь после неоднократных проверок и долгих расспросов. Поселили его в маленькой комнатке с низким потолком, скудной обстановкой, с одним небольшим окошечком, выходящим на север. Но он уже настолько свyksя с неудобствами, что даже это жалкое пристанище показалось ему комфортабельным.

В казарме обитал и помощник прокурора. Каттани нашел его в прекрасной форме. Он сидел за заваленным бумагами письменным столом. Работы было по горло, но чувствовал себя Вентури намного уверенней, чем в Милане. Судя по всему, — поздоровавшись, предположил Каттани, — его расследования идут успешно.

— Да, действительно, — подтвердил Вентури. Он положил руку на гору папок и добавил: — Здесь много интересного. В этих бумагах обрисовано скрытое лицо города, не очень-то приятное, дорогой Каттани. Однако еще не хватает многих деталей: работа предстоит долгая.

Прокурор встал и прошелся вокруг стола. Глаза его за стеклами очков горели воодушевлением.

— От души рад вашему приезду. — Он достал бутылку граппы* и два стаканчика. — Хотите глоточек? Это еще из Милана. У меня осталась привычка к граппе.

Коррадо кивнул и поинтересовался:

— Чем там кончилось у вас в Милане? Вы мне говорили, что сами подали мысль о вашем переводе, но не уточнили, куда именно.

* Виноградная водка, производимая главным образом на севере Италии.

Я выбрал работу здесь, на Сицилии. И сразу же получил назначение — кроме меня, не нашлось охотников сюда ехать.

Вентури стоял у окна и сквозь пуленепробиваемое стекло глядел на хаос уличного движения.

— Поначалу я не отдавал себе отчета, на какие жертвы иду. Живу тут как в тюрьме, жена вынуждена делить со мной это своего рода заключение, двоих детей возят в школу и привозят обратно на бронетранспортере...

Он обернулся и устремил взгляд своих спокойных ясных глаз на Каттани.

— Это все, знаете, не так-то легко. Но ведь кто-то должен делать эту работу. Мы с вами из одного теста. У нас обоих один большой недостаток: слишком чувствительная совесть не позволяет нам отойти в сторону...

Каттани молчал в некотором смущении. Он неверно судил об этом человеке. В Милане Вентури показался ему одним из тех, кто уклоняется от борьбы, не желает подвергать себя опасности.

Из замешательства его вывел стук в дверь. На пороге появился широкоплечий верзила.

— У вас все в порядке, доктор? — обратился он к Вентури с добродушной улыбкой, неожиданной на лице этого гиганта.

— Да, все в порядке. Что это ты так беспокоишься? С извиняющимся видом гигант повел головой в сторону Каттани.

— Знает ли, я раньше никогда его не видел...
— А, понимаю... — успехнулся Вентури и объяснил гостю: — Это полицейский агент Пастори — мой ангел-хранитель.

Пастори снова широко улыбнулся и церемонно поклонился. А услышав, кто перед ним сидит, прямо-таки просиял. Как же, наслышан, познакомиться с таким человеком, как комиссар Каттани, для него большая честь.

Вентури пододвинул бутылку к полицейскому и подал ему стакан.

— Выпейте и вы, — предложил он и повернулся к Каттани. — Ну а вы что делаете в этих краях?

Стараясь ничего не упустить, комиссар подробно рассказал о событиях, которые привели его на Сицилию. Сейчас самое главное — точно установить, куда прибудет партия оружия для погрузки на судно.

— Необходим
гремел голос Венанцо, тут нужна
руку на плечо Каттани
судьба. Вместе мы

Ди Венанцо явил
Он расстелил ее на
Нужно сконцентрир
побольше людей, уж
шин, произвести об

— Правда, это
оперативного отдела
интенсивно, грузы
неприкосновенность
международные осл

— Меня интере
вмешался Каттани.
родной транспортно
добиться машин для
мостью в тысячу м

— Возможно, э
зал предположение
оборудование для
сложный и дорогой

— Самое важно
том будем действ
Каттани согласи

— Это я беру
Он попросил Па
небрит, вдобавок р

В порту он ста
шенные, мятые брк
влезал в разговор

полезную информ
сочную. В углу сид
громко чавкая, погл

Каттани лениво
свою трапезу, даже
хриплым голосом

— Это ты Туне
Толстяк извлека
губы тыльной сторо
пробормотал:

— Необходимо задержать этот груз! — властно про-
гремел голос Вентури. — Привлечем и комиссара Ди
Венанцо, тут нужна мобилизация всех сил! — Он положил
руку на плечо Каттани и добавил: — Нас свела сама
судьба. Вместе мы горы свернем.

Ди Венанцо явился с топографической картой города.
Он расстелил ее на столе и начал излагать свой план.
Нужно сконцентрировать в порту и на подступах к нему
побольше людей, ужесточить проверку документов и ма-
шин, произвести обыски на судах, выходящих в море.

— Правда, это не так просто, — вздохнул начальник
оперативного отдела. — Движение грузовых судов весьма
интенсивно, грузы нередко пользуются дипломатической
неприкосновенностью. Проверая их, мы рискуем вызвать
международные осложнения.

— Меня интересует, как прибудет сюда этот груз, —
вмешался Каттани. — Его везут на грузовиках междуна-
родной транспортной компании. Но сколько может пона-
добиться машин для перевозки военных материалов стои-
мостью в тысячу миллиардов лир?

— Возможно, это ракеты «земля — воздух», — выска-
зал предположение Ди Венанцо. — Или же электронное
оборудование для наводки, товар в высшей степени
сложный и дорогой.

— Самое важное, по-моему, — установить судно. А по-
том будем действовать по обстановке.

Каттани согласно кивнул и добавил:

— Это я беру на себя.

Он попросил Пастори отвезти его в порт. Коррадо был
небрит, вдобавок растрепал себе волосы и надел выно-
шенные, мятые брюки и старую рубашку.

В порту он стал слоняться с неприкаянным видом,
влезал в разговоры, надеясь получить какую-нибудь
полезную информацию. Наконец зашел в вонючую заку-
сочную. В углу сидел толстяк в потрепанном костюме и,
громко чавкая, поглощал из большой миски рыбный суп.

Каттани лениво плюхнулся рядом. Тот продолжал
свою трапезу, даже не подняв от миски головы. Каттани
хриплым голосом спросил:

— Это ты Тунец?

Толстяк извлек из зубов застрявшую кость. Обтер
губы тыльной стороной руки и, недоверчиво покосившись,
пробормотал:

— Чего тебе надо?

— Я должен отсюда смыться, — сказал Коррадо. — Мне нужно сесть на судно.

— Натворил что-нибудь?

— Пришил одного. Меня ищут.

Толстяк впервые поднял голову. Глаза у него были полуприкрыты, и это придавало ему сонный и равнодушный вид.

— Ничем не могу тебе помочь.

Тогда Каттани, пытаясь завоевать доверие, сказал, что его прислали старые друзья — Меттанца и Паломмо.

Тунец еще сильнее прищурился и выставил вперед челюсть.

— Чего врешь-то? В тюрьме они.

— Там-то я с ними и познакомился.

Тунец все еще сомневался, можно ли доверять незнакомцу. Наконец решился:

— Так что тебе, говоришь, надо?

— Я же сказал: сесть на судно. Нужно срочно сматываться.

Его собеседник извлек из кармана пистолет и протянул его Каттани.

— А пушка тебе не нужна? У нее спилен номер.

Коррад взял оружие, вставил обойму и быстрым, резким движением ткнул стволом пистолета в мягкий живот Тунца.

— Я сказал тебе, что мне надо — тайком сесть на судно, понял? Ты мне устроишь это в два дня. А будешь придуриваться, сделаю тебе дырку в пузе.

— Нет-нет! — запаниковал толстяк. — Все будет как скажешь.

— Тогда подумай, какие суда мне могут пригодиться. Толстяк, морщась от боли, потер живот и буркнул:

— Но знаешь, это тебе обойдется недешево.

— Не важно, — отозвался Каттани и протянул ему толстую пачку банкнот. — Вот тебе за пистолет и задаток за посадку на судно.

Тот подозрительно огляделся вокруг и сунул деньги в карман.

— Какое судно тебе надо? — спросил он. — Есть тут одно, отплывает сегодня вечером в Испанию.

— Нет, Испания не подходит.

— Тогда то, что завтра отправляется в Африку. Надежный вариант.

— Это чем же
— Уж его-то то
— Отчего так?
Толстяк неожидан

том. — Да потому,
— В котором ч
Толстяк сделал

внутри очередной

— Приходи за

— А как назыв

— Что? — Толс

носом и проворчал

вопросов! Завтра о

ему назвать тебя?

Каттани пожал

— Ну, скажем,

В море, в сало
и Юфтер.

Турок, наблюда

пыхтел, как разъя

— Слишком м

зубы. — Слишком м

— Да груз ве

его Терразини. — С

но-пропускные пу

— Но они могу

И оставят нас с но

подкупить агентов

Это были не л

Юфтер, но и стар

к нему пренебреж

— Самый заур

его банкир. Стоя

нул. — Никогда не

продолжал старик

то неотвязной мь

люди. Всего лиш

ные жесткой тай

Коноплянка

— Это чем же?

— Уж его-то точно никто не задержит.

— Отчего так?

Толстяк неожиданно разразился неудержимым хохотом.

— Да потому, что его хранят святые апостолы!

— В котором часу оно отправляется?

Толстяк сделал глубокий вдох, словно хотел загнать внутрь очередной приступ смеха, и ответил:

— Приходи завтра в два часа ночи.

— А как называется судно?

— Что? — Толстяк опрокинул стакан вина, шмыгнул носом и проворчал: — Господи, сколько же ты задаешь вопросов! Завтра от моего имени явишься к капитану. Как ему назвать тебя?

Каттани пожал плечами.

— Ну, скажем, Пертироссо*.

В море, в салоне роскошной яхты, сидели Терразини и Юфтер.

Турок, наблюдая в бинокль за обстановкой в порту, пыхтел, как разъяренный буйвол.

— Слишком много полиции, — бормотал он сквозь зубы. — Слишком много проверок. Это ненадежный порт.

— Да груз ведь уже прибыл, — пытался подбодрить его Терразини. — Он не должен проходить через контрольно-пропускные пункты.

— Но они могут осмотреть судно, — возразил турок. — И оставят нас с носом. Надо было дать взятки в полиции, подкупить агентов.

Это были не лучшие дни для Терразини. Не только Юфтер, но и старый Никола Антинари тоже относился к нему пренебрежительно, а то и с презрением.

— Самый заурядный мафиозо, — так охарактеризовал его банкир. Стоявший перед ним Тано бесстрастно кивнул. — Никогда не любил я этих мафиози. Никогда, — продолжал старик. Он морщил лоб, поглощенный какой-то неотвязной мыслью. — В сущности, они не деловые люди. Всего лишь надсмотрщики, исполнители, послушные жесткой тайной власти и действующие кровавыми

* Коноплянка (итал.)

методами. Но для настоящего делового мира они слишком неотесанны.

С угрюмым видом старик уставился в окно, словно ища там подсказку гложущим его сомнениям. За оградой окружающего гостиницу ухоженного сада город выглядел запущенным и грязным, напоминая неопрятную старуху.

Банкир оторвал взгляд от окна и покосился в раздумье на Тано.

— Мне вовсе не доставляет удовольствия, — проговорил он наконец, — мысль о том, что через несколько дней Терразини станет членом административного совета банка.

Тано, с обычной своей бесстрастностью выслушав банкира, коротко изрек:

— А это совсем не обязательно!

Вот именно! — ахнул про себя старик. Этот преданный ему красавчик неожиданно подсказал выход, о котором сам он не решался и помыслить. Он сосредоточенно потер рукой щеку и медленно повторил:

— А это совсем не обязательно...

Никола Антинари кое-как распрямил сутулую спину и, прищурив выцветшие глаза, испытующе заглянул в лицо своему молодому помощнику.

Никогда еще он не думал о нем как о своем возможном преемнике. Теперь же эта неожиданная мысль сразу ему понравилась.

— Ты сумел бы справиться с этим лучше Терразини? — спросил он.

— За годы, проведенные рядом с вами, я многому научился, — коротко ответил Тано.

— Да, конечно.

Старик принялся медленно расхаживать взад-вперед, бросая пытливые взгляды на Тано и, словно в подтверждение своих мыслей, кивая головой. Не оставлявшая его в последнее время тревога постепенно рассеивалась, и старый банкир вновь ощутил пьянящий прилив сил.

ГЛАВА СЕМЬИ

Белые стены виллы ослепительно сверкали под ярким солнцем. Окружавшая ее лимонная роща источала аромат свежести.

Тяжелые железные ворота растворились, и мягко

проскользнувшая во двор металлизированная «ланча» остановилась у лестницы, окаймленной широкими каменными парапетами. Из машины вышел Тано в сопровождении двух верзил. Молча, с настороженным видом провели они его в особняк.

Тяжелые золоченые зеркала в большой, с мраморным полом, гостиной отразили шествующую в молчании тройцу.

Дойдя до кабинета, заставленного инкрустированной мебелью, со стенами, увешанными картинами в темных тонах, они остановились у большого книжного шкафа в стиле барокко. Все здесь дышало несколько театральной роскошью.

Один из сопровождавших Тано мужчин отодвинул несколько книг. Послышался легкий щелчок, и дверца шкафа медленно повернулась, открыв узкую винтовую лестницу. Все трое гуськом двинулись по ней, затем углубились в пробитый в скале длинный серый и узкий коридор, облицованный каменными глыбами. Тишину нарушал только глухой шум шагов. Подойдя к бронированной двери, один из сопровождавших открыл ее и знаком пригласил Тано войти.

Тано очутился в сумеречной комнате со стенами, сплошь увешанными странными украшениями. Это были маленькие сердца — золотые и серебряные, увитые красными бантами. В царившей полутьме сердечки то вспыхивали, то тускло мерцали, подобно множеству огоньков.

Все это выглядело довольно мрачно, напоминая ризницу. В глубине комнаты за письменным столом сидел мужчина, бесстрастный и неподвижный, как идол. Тано застыл перед ним в низком поклоне.

— Подойди, подойди поближе. Дай тебя хорошенько рассмотреть.

Молодой человек сделал несколько шагов вперед. Обычное хладнокровие его покинуло, от робости даже колени слегка задрожали, но вскоре обычная невозмутимость и независимая манера держаться вернулись к нему.

— Значит, ты и есть Тано, — констатировал спокойным, глубоким голосом мужчина. Он прищурился и вытянул вперед шею, чтобы получше его рассмотреть. Одет он был в домашнюю куртку, ноги укутаны клетчатым пледом. Движения отечных рук были невероятно замедленны, словно стоили ему большого труда.

На вид ему было лет семьдесят. Однако лицо было

совсем без морщин, словно на нем никогда не оставляли следа ни страдания, ни угрызения совести. Но самое большое впечатление производили глаза — они горели, словно два факела, и вряд ли кто-нибудь выдерживал их взгляд.

— Да, это я, — почтительно произнес Тано, — я пришел, чтобы служить вам.

Старик и бровью не повел. Сколько раз он слышал эти слова из уст людей, приходивших сюда унижаться, готовых ползать перед ним на брюхе. Но старый Глава Семьи знал, что среди них мало достойных. Решимость — еще не все, надо вдобавок иметь голову на плечах.

Медленным движением руки он поманил к себе Тано. Тот подошел вплотную к столу. Лицо его хранило непроницаемое выражение, взгляд, устремленный на Главу Семьи, был холоден как лед.

На несколько нескончаемых секунд взгляды их скрестились, словно они пытались разглядеть друг друга насквозь. Никто еще так долго не выдерживал ледящего кровь взгляда старика.

— Тано, — со значением произнес он, — мои друзья отзываются о тебе с большим восхищением. Что ты мне хочешь предложить?

— Мне хотелось бы стать вашим человеком в международной группе банков Николы Антинари.

— Но у нас уже есть там Терразини.

— Поверьте мне: он не на высоте. Антинари с ним не считается и при первой же возможности избавится от него. Терразини не сможет этому воспрепятствовать. Он не знаком с финансовой системой на таком высоком уровне, чтобы противостоять Антинари.

Старик сидел неподвижный, как статуя. Единственным свидетельством того, что он слушает с интересом, было еле заметное пожевывание губами.

— Я получил диплом в Англии и знаю, как управляться с Антинари, — продолжал Тано. — Мне известны все трюки его школы. Я найду для ваших капиталов самые лучшие формы вложения.

Глава Семьи выставил вперед подбородок и сказал бесцветным голосом, как нечто само собой разумеющееся:

— Тано, кто плутует, платится жизнью.

— Я готов отдать свою жизнь в ваши руки, — решительно ответил молодой человек. — Но уверен, что вы во мне не разочаруетесь.

Старик, выйдя...
— Нам нужны...
ва, — проговорил он...
современные механизмы...
Глава Семьи то...
сторона своей огром...
спустился на колени...
Возвратясь в оте...
штаб-квартира, он за...
ний с внучкой.
Вот уже много...
замечает деда, или...
время уже просто не...
ся между ними, все...
тельного объяснения...
— Я не могу по...
вушка, — ты знал, что...
не пошевелил, чтобы...
— Нельзя было...
загнал в тупик. В дел...
ешься правил игры...
— Закон! — горь...
был твой сын, и твою...
ему жизнь. Любой...
— Ты не способ...
сильнее отцовских ч...
Какой цинизм!...
деловых отношений...
могла понять и опра...
когда-то была так п...
Дед не мог не...
Надеясь найти у в...
пошел на некоторую...
— Однако в таки...
равным. Виде...
Но эта фраза во...
ложный. Джулия в...
— Ты хочешь в...
приказу? Что ты от...
— Да нет, при ч...
только по чистому ра...
в твои руки, ты сам...
Старик протянул...
пшатулась от не...

Старик, выдержав паузу, кивнул в знак согласия.

— Нам нужны молодые люди, у которых варит голова, — проговорил он. — Мир меняется, им движут более современные механизмы, и нам нельзя отставать.

Глава Семьи торжественно протянул ему тыльной стороной свою огромную распухшую лапу. Тано подошел, опустился на колени и поцеловал ее.

Возвратясь в отель, где у Николы Антинари была штаб-квартира, он застал старика за выяснением отношений с внучкой.

Вот уже много дней Джулия делала вид, что не замечает деда, или говорила колкости. А в последнее время уже просто не выносила его, и сцена, разыгравшаяся между ними, все больше приобретала характер решительного объяснения.

— Я не могу понять твое поведение, — говорила девушка, — ты знал, что папе грозит смерть, и даже пальцем не пошевелил, чтобы спасти его.

— Нельзя было ничего поделаться. Карло сам себя загнал в тупик. В делах не шутят: если ты не придерживаешься правил игры, тебя убирают. Таков закон.

— Закон! — горько усмехнулась Джулия. — Но это же был твой сын, и твоим отцовским долгом было сохранить ему жизнь. Любой ценой!

— Ты не способна этого понять. Бывают ситуации сильнее отцовских чувств.

Какой цинизм! Безусловное признание главенства деловых отношений над человеческими. Джулия этого не могла понять и оправдать. Этот старик, к которому она когда-то была так привязана, внушал ей ужас.

Дед не мог не заметить на ее лице отвращения. Надеясь найти у внучки хоть немного понимания, он пошел на некоторую откровенность:

— Однако в таких делах конечный счет всегда оказывается равным. Видела, как кончил Алесси?

Но эта фраза возымела результат прямо противоположный. Джулия в ярости обернулась к деду:

— Ты хочешь сказать, что Алесси убили по твоему приказу? Что ты отомстил, не так ли?

— Да нет, при чем тут месть? Такие вещи делаются только по чистому расчету. Когда власть в банке перейдет в твои руки, ты сама в этом убедишься.

Старик протянул руку, чтобы погладить внучку. Но она отшатнулась от него и закричала:

— Не прикасайся ко мне! Мне до смерти надоели эти твои непрерывные разговоры о власти, отвратительны твои жестокие расчеты, все твои дела. С меня хватит! Хлопнув дверью, она вышла из комнаты, оставив старика в одиночестве.

Через несколько минут Джулия, все еще взбудораженная, уже звонила у ворот казармы.

Коррадо встретил ее с недовольным видом.

— Тебе не следовало сюда приходить, — сказал он.

— Коррадо, прошу тебя, мне необходимо хоть немножко побыть наедине с тобой. — Она крепко прижалась к нему и дрожащими руками охватила за шею. Вид у нее был растерянный и жалкий, глаза смотрели умоляюще. — Поедем куда-нибудь подальше отсюда!

Каттани дал себя уговорить. Не успели они отъехать, как следом, от соседнего с казармой гаража, пустился синий автомобиль. Но если комиссар позабыл о благоразумии, то от бдительного ока полицейского Пастори не укрылся маневр синего автомобиля.

Гигант Пастори одним прыжком вскочил в свою машину и, держа определенную дистанцию, поехал за двумя автомобилями.

Джулия вела машину быстро и уверенно. Глаза ее были прикованы к дороге, она не говорила ни слова.

— Куда ты меня везешь? — спросил Коррадо.

— Далеко, — ограничилась она односложным ответом.

Дорога поднималась вверх по отрогам Этны, становясь все извилистей и круче. Внизу виднелась долина с серыми массами домов, а вдалеке — неподвижная гладь моря.

Джулия остановила машину у маленькой гостиницы. Коррадо вошел вслед за ней, не задавая более вопросов. Они очутились в крошечном, довольно жалком номере. Джулии было все равно. Она страшно желала лишь одного — забыть в объятиях Коррадо о жестокой действительности, лишившей ее покоя.

Наконец она откинулась на подушку. Внутри у нее осталось ощущение пустоты. И ей казалось, она знает причину. Чтобы полностью обрести себя, нужно полностью порвать со средой, в которой она до сих пор жила.

Тыльной стороной руки девушка провела по щеке Коррадо и проговорила:

— Давай уедем. Все бросим и начнем жить сначала, на новом месте.

Бежать... Навсегда оставить дорогих тебе людей и ме-

ста в надежде где-то найти все совсем другое... Какая иллюзия! — думал Каттани. Здесь или в другом месте для него все равно ничего бы не изменилось.

— Я могу уехать хоть на край света, — сказал он с ноткой грусти, — но если уж я обречен служить истине и справедливости, все равно рано или поздно вернусь обратно.

Джулия, слегка раздосадованная, повернулась к нему:

— Да перестань ты вечно куда-то спешить, гнаться за призраками. Вместе мы сможем начать новую, спокойную жизнь.

— Я тоже когда-то думал, что это возможно. Но меня преследует прошлое. Память о погибших дорогих мне людях велит выполнить свой долг до конца.

Джулия не сдавалась, искала новые убедительные аргументы:

— Я тоже самым диким образом лишилась матери и отца. Но кто мне их возвратит? Даже если я докопаюсь до правды, добьюсь справедливости, разве может произойти чудо, разве они воскреснут?

— Почему ты не хочешь понять? Война, в которой я участвую, ведется не только для того, чтобы засадить за решетку парочку мерзавцев. Ставка тут гораздо серьезней. Это попытка изменить определенный тип человеческого поведения, вызывающий безверие и содрогание. Если не бояться громких слов, можно сказать: главное здесь — надежда на то, что цивилизация восторжествует над варварством...

Джулия резко отбросила простыню и встала с постели. Одеваясь, она не вымолвила ни слова. Черты ее лица приобрели жесткость — такого выражения раньше он у нее никогда не видел.

— И ты такой же, как мой дед. У тебя тоже свои железные законы и правила, — наконец проговорила она.

Падающие из окна отблески заката окрашивали комнату в золотистые тона, четко обрисовывая гордый профиль девушки. Каттани вдруг с болью ощутил, как она от него далека.

Когда они вышли, человек, следивший за ними, отпрянул за выступ стены и сунул руку под пиджак. Шаг за шагом Коррадо и Джулия приближались к нему.

Но не успел он пошевелиться, как страшный удар в висок повалил его на землю. Полицейский Пастори вовремя хватил его по голове рукояткой пистолета.

А вскоре этот тип уже стоял перед помощником прокурора Вентури и давал показания о том, что получил от Терразини задание застрелить Каттани.

— Адвокат обещал мне тридцать тысяч долларов, — жалобно стенал он.

Заставив его подписать протокол допроса, Вентури удовлетворенно потер руки.

— Ну, на этот раз никто и ничто не спасет Терразини от ареста.

МОТОРНЫЙ КАТЕР

На следующий вечер Каттани поехал в порт — небритый, в поношенной одежде, как и полагается загнанному человеку, пытающемуся тайно сесть на корабль. В грязной сумке через плечо — пара старых рубашек, несколько бутербродов и всякая мелочь. Он пробирался украдкой, смешиваясь с группами горланящих моряков. Избегал освещенных мест.

На молу было свежо. Коррадо слонялся усталым, шаркающим шагом, подняв воротник пиджака, и делал вид, что его ничуть не интересует происходящее вокруг.

К полуночи мол опустел. Время от времени доносились какие-то звуки со стоящих на якоре судов. Одному из них Коррадо уделял особое внимание. Его темная масса тяжело переваливалась с боку на бок, словно старуха под тяжким грузом лет. На мачте в полутьме можно было различить панамский флаг.

Коррадо уже начал опасаться, что его постигла неудача. Что, если этот Тунец подшутил над ним? Он опустил руку в карман и машинально достал сигарету. Но потом передумал и снова сунул ее в пачку. Лучше не превращаться в легкую мишень с зажженной сигаретой в зубах.

— Эй! — окликнул его из темноты приглушенный голос.

Он нетерпеливо обернулся и различил в нескольких шагах от себя укороченные тени двух мужских фигур. Приблизясь, они обошли его вокруг, будто желая хорошенько рассмотреть. Потом один из них с торчащими, как у дикобраза, волосами, спросил:

— Ты приятель Тунца?

— Да.

— Как тебя зовут?

— Петироссо.

Моряк, который задавал вопросы, раскрыл огромную узловатую руку и угрюмо буркнул:

— Ну, выкладывай! Гони монету!

Комиссар отрицательно покачал головой.

— Потом, — сказал он, — когда вы меня посадите на корабль.

— Давай деньги вперед, — с угрожающим видом вмешался второй.

— Вы меня не надуете, — твердо ответил Коррадо, отступив на несколько шагов.

Они в растерянности переглянулись — видимо, не ожидали отпора. Наконец один из них заявил:

— Не дашь денег — не сядешь на судно.

Каттани быстро оценил обстановку. Теперь оба моряка находились от него не более чем в трех метрах. Он резко повернулся и пустился наутек. Они сразу же бросились вдогонку. Тяжелый топот гулко разнесся в ночной тишине.

Коррадо увидел какое-то строение с распахнутой дверью, напоминающей огромную черную пасть. Он быстро нырнул внутрь и, тяжело переводя дыхание, стал дожидаться своих преследователей. Первого из них он встретил ударом своей сумки прямо в лицо. Тот упал, оглушенный, на землю. Второй, захваченный врасплох, попытался отступить, но Коррадо, наставив пистолет, приказал ему не шевелиться.

— Ну-ка быстро отвечай на мои вопросы. Какое из этих судов отправляется в Африку?

— Вон то, под панамским флагом.

Матрос, тяжело дыша, краем глаза тщетно искал путь к спасению. Коррадо прижал его к грязной стене и продолжал выпытывать:

— Что оно везет?

— Ничего, идет порожняком, — пробормотал моряк.

— Не придуривайся, — прошипел Каттани, тыча ему стволом пистолета в ребра. — Судно отправляется этой ночью. Как же оно может уйти без груза?

— Да клянусь, что это так, — прохныкал тот.

Возможно ли? Неужели произошла какая-то невероятная путаница? Или же все это скопление полиции испугало Юфтера и Терразини? Может, они изменили свои планы?

— Почему вы на меня напали? — попытался разобраться в этой истории Каттани.

— Тунец просил капитана взять тебя, но тот отказался. Не захотел держать на борту тайных пассажиров. Тогда мы решили отнять у тебя деньги. А теперь, ради всех святых, отпусти меня.

— Но если вы и вправду идете порожняком, что вам делать в Африке?

— Почему я знаю? Мы должны были погрузить «мерседес». Говорят, для какого-то арабского принца. Но потом этот приказ отменили. Вот и отплываем без всякого груза.

— А где этот «мерседес»?

Моряк с опаской сделал шаг в сторону и знаком пригласил Коррадо следовать за ним. Он вошел в квадрат света, падавшего из распахнутой двери склада, и показал на огромный грузовик, стоявший в сотне метров в конце мола, как раз напротив судна под панамским флагом. Двухэтажный прицеп грузовика был уставлен автомобилями. На верхнем этаже стоял светлый «мерседес».

— Да вот он, — сказал моряк.

Что такого особенного в этом «мерседесе»? Нужно это узнать поскорее, не теряя ни минуты. Каттани ударил матроса кулаком в живот и, когда тот согнулся пополам от боли, стукнул его по голове рукояткой пистолета. Моряк растянулся на земле.

Напротив судна под панамским флагом, по другую сторону мола, стояла на якоре яхта Юфтера. На борту этой роскошной яхты разыгрывался последний акт драматической истории.

Терразини выложил на стол «дипломат» с секретными документами и пододвинул его к мужчине с коротко стриженными рыжеватыми волосами. Это был Лейбниц, агент секретных служб одной из восточноевропейских стран.

— Вот оно, мое сокровище! — воскликнул рыжий Лейбниц.

Он открыл чемоданчик. Перебирал и гладил бумаги чуть ли не сладострастно, на губах его играла торжествующая улыбка. Еще бы — самая сенсационная удача за всю его шпионскую карьеру! Наверняка он получит за нее более просторную квартиру, да еще вдобавок и медаль.

Юфтер тоже не заставил себя ждать — протянул Терразини конверт. Адвокат вскрыл его и прочел, что турецкий коммерсант обещает в течение пяти дней перевести сумму в тысячу миллионов лир в филиал банка

Антинари в Гонконге. С нескрываемым удовлетворением сунул он бумагу в карман. Завтра же он войдет в состав административного совета банка Антинари с квотой в одиннадцать процентов. И в придачу получит причитающийся ему здоровенный ломоть от этой тысячи миллионов.

— За чем еще дело? — беспокойно спросил Юфтер.

— Все в порядке, — успокоил его Терразини. — Документы переданы, бумага получена. Через несколько минут я распоряжусь передать тебе «мерседес».

С яхты спустили маленький моторный катер, и адвокат Терразини отбыл на берег со своим телохранителем Сальво. У машины Терразини они встретились с ожидавшим их Тано.

— Все в порядке, — объявил ему адвокат. — Можешь доложить Антинари, что операция прошла благополучно.

— Его это обрадует, — холодно отозвался Тано.

У этого франта сегодня вид был еще более зловещий, чем обычно. Раскуривая сигарету, он повернулся спиной к Терразини, и в ту же секунду раздался негромкий хлопок выстрела из пистолета с глушителем. Терразини упал на багажник машины и медленно сполз на землю с разmozженной головой...

Вот так умирают злодеи. Их школа готовит им на смену новых каинов, еще более жестоких и циничных. Такова их судьба.

Сальво вложил пистолет в кобуру под мышкой. Вынул из кармана убитого письмо Юфтера и протянул его Тано, уже сидевшему в машине на месте Терразини.

На другом краю мола Каттани карабкался на верхний этаж прицепа, груженного автомашинами. Оказавшись рядом с «мерседесом», он попытался заглянуть внутрь, но стекла были наглухо зашторены. Он вставил лезвие перочинного ножичка в замок и открыл дверцу.

Сидений внутри не было, их сняли. Всю машину занимал какой-то таинственный предмет, завернутый в брезент. Каттани отогнул его, и глазам комиссара открылась толстая зеленая металлическая труба с крупной надписью по-английски: «Военные силы США». Каттани еще немного оттянул брезент и прочел другую надпись, настолько ошеломившую его, что у него перехватило дыхание. В контейнере находилось радиоактивное сырье.

— Уран! — воскликнул Каттани. Вот тут, в одном

этом контейнере, и лежит вся тысяча миллиардов! Уран для производства атомных бомб. Чудовищно!

Все ближе были голоса, шум шагов. Каттани выскользнул из «мерседеса» и залез в багажник соседнего «вольво». Грузовик с прицепом тронулся и, проехав несколько десятков метров, остановился напротив яхты Юфтера.

В узкую щель закрытого багажника Каттани заметил на борту яхты какое-то оживление. Он никогда не видел Юфтера, но хорошо запомнил его изображение на фотографии. Ему казалось, что он узнает и рыжего Лейбница.

Шофер грузовика опускал верхний этаж прицепа. Выгрузил «мерседес», и Каттани увидел, как вокруг машины лихорадочно засуетились несколько человек. Наконец машину подцепил подъемный кран, описал в воздухе полукруг и опустил ее, как перышко, на палубу большой яхты.

Операция была закончена. Яхта подняла якорь, тронулась с места и поплыла, сначала медленно, словно осторожно пробуя воду, а потом ее моторы заработали на полную мощность, и яхта во весь опор понеслась в открытое море. Каттани выскочил из своего убежища и укрылся за высокими цистернами. Около порта сидели в засаде Вентури, Ди Венанцо и десятки полицейских, с нетерпением ожидая сигнала.

Каттани на ощупь достал со дна своей сумки маленький пистолет-ракетницу и выпустил цветную ракету. Мгновенно вспыхнули десятки прожекторов и начали обшаривать ночную тьму. На мол влетела машина, которую вел полицейский Пастори, рядом с ним сидел Вентури. Они подъехали к Каттани.

— Вон та яхта! — крикнул комиссар. — Скорее! Надо ее догнать!

Вскочив в полицейский катер, они пустились в погоню. Катер был быстроходнее яхты, и расстояние между ними на глазах сокращалось. Один из полицейских установил на носу пулемет, другой направил на преследуемое судно мощный прожектор.

На яхте началась паника. Вентури велел дать ему мегафон и громко приказал экипажу сдать.

Огромная, многомиллиардная сделка висела на волоске.

В мерцающем свете прожектора на палубе яхты были видны матросы, суеящиеся вокруг «мерседеса».

— Что они делают? — удивился Каттани. — Неужели хотят спихнуть машину в море?

— Ну да, — подтвердил Вентури. — Ничего другого им не остается. Это их последняя карта. Бросить в море компрометирующий груз. Надеются таким образом утопить все улики.

Возле «мерседеса» вертелся и рыжий Лейбниц. В руках у него был «дипломат» с секретными документами. Он открыл дверцу автомобиля и успел закинуть чемоданчик внутрь, когда машина уже зависла в воздухе. Еще одно усилие матросов, и «мерседес», подняв белые фонтаны брызг, пошел ко дну — на глубину трех тысяч метров.

В ту же минуту яхта резко сбросила скорость, а затем и совсем выключила моторы. Юфтер и Лейбниц дали себя арестовать, не оказав никакого сопротивления.

Наблюдая за этой сценой, Каттани нащупал в кармане что-то твердое и извлек монету — полдоллара Берта. Он сжал ее в кулаке, и лицо его исказилось горькой гримасой. Комиссар тряхнул головой, словно пытаясь прогнать невеселые мысли. Положив полдоллара между большим и указательным пальцами, как делал американец, Каттани поддал его щелчком — монета описала дугу и полетела в море.

— Привет, Берт, — пробормотал он про себя, — вот твоя монетка. Пусть и она покоится в море.

На следующий день в сицилийском филиале банка Антинари собрался административный совет. Старый банкир сидел на своем месте президента правления, скрестив руки, с наигранно-уверенным видом. Было видно, что ему стоит немалых усилий держаться так прямо — он словно хотел показать, что его не согнут никакие беды.

Не глядя никому в лицо, он произнес:

— Сегодняшний день для нашего банка должен был стать праздником. Однако я пришел сюда, чтобы сообщить вам о поражении. Операция, которая должна была спасти наш филиал в Гонконге, провалилась.

Все потупились, кроме сидевшей рядом с дедом Джулии, которая обвела присутствующих тяжелым взглядом, словно проверяя их реакцию. В ней будто что-то глубоко переменялось: казалось, Джулию переполняют решимость и нескрываемое высокомерие.

— Господа, — продолжал дед, — филиал в Гонконге закрывается. Мы лишились одного из органов нашего

тела, у нас его отсекали. Но такова уж фортуна: сегодня человеку везет, завтра его ждет неудача. Главное — не сдаваться, не унывать. — Он встал во весь рост и оглядел своими белесыми глазами одного за другим всех членов правления. — Один цикл закончился, — торжественно проговорил он. — Я передаю банк в руки того, кто сумеет вернуть ему былой блеск. — Он достал стопку машинописных листов и сказал:

— С сегодняшнего дня пост президента банка переходит к моей внучке Джулии, которая становится держательницей сорока процентов пакета акций. — Он сделал паузу, словно хотел убедить самого себя в правильности своих решений, и продолжал: — Тано, который всегда служил мне верой и правдой, я предлагаю пост генерального директора и одиннадцать процентов акций. — Он бросил бумаги на стол и закончил: — Здесь изложена создавшаяся ситуация. Я уверен, что вы одобрите мои предложения и поставите свои подписи.

Он умолк и тяжело опустился в кресло. Но в ту самую минуту, когда члены административного совета начали подписывать документ, определяющий новую структуру банка, произошло непредвиденное. Дверь распахнулась, и на пороге появился Каттани.

Все застыли в растерянности. Только старый банкир не проявил ни малейшего удивления.

— Входите, входите, комиссар. Я вас ожидал, — с некоторой даже любезностью протянул он.

— У меня ордер на ваш арест, — сухо объявил Каттани, держа в руках бланки со множеством печатей. — Вам не повезло: вместо тысячи миллиардов вас ждет тюрьма.

— На сей раз я проиграл, — признался банкир, — но вы, дорогой Каттани, вы-то не выиграли! Знаете, кто победитель? Деньги. Я уже слишком стар, и деньги от меня отвернулись. — Он кивнул на Джулию и Тано и добавил: — Для своего процветания они ищут вот таких молодых.

Джулия держалась так, словно происходящее ее не касается. Делала вид, что не замечает Каттани. Что-то прошептала на ухо сидящему рядом Тано, и тот, словно желая ободрить, погладил ее по руке.

Банкир глядел на комиссара с иронической улыбкой. — Что вам досталось? Труп Терразини да такая старая рухлядь, как я. Не маловато ли? — Из внутреннего кармана он достал маленькую серебряную коробочку.

Медленно ее раскрыл, взял кончиками пальцев одну из таблеток и едко изрек: — Вы проиграли, Каттани.

Не успел никто из присутствующих опомниться, как старый банкир, проглотив таблетку, безжизненно рухнул на огромный стол, из-за которого он столько лет контролировал свою финансовую империю. Поднялась суматоха: все бестолково суетились, кто-то призывал врача.

Каттани оказался рядом с Джулией. Ей не удалось отвернуться, взгляды их встретились, и в ее глазах он прочел вызов.

— Ты пойдешь с ним? — комиссар кивнул на Тано.

— Да, пойду с ним.

— Но это совсем не то, о чем ты мечтала, — с грустью пробормотал Каттани.

Вместо ответа она надменно вскинула голову.

— Все, что ты раньше презирала, теперь для тебя станет хлебом насущным. Сделаешься такой, как твой дед, циничной и жестокой. И повторишь те же ошибки.

— Нет, я их не повторяю, — свистящим шепотом ответила Джулия. — Я извлекла урок...

Все мы так говорим: «Я извлек урок...».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КАРТИНА

Картина — произведение художника школы Джотто — занимала полстены. Ее повесили в глубине длинного зала как нельзя более выигрышно, создав искусную игру света.

Первые важные гости начали прибывать ровно в четверть шестого вечера. Тано Каридди возлагал на этот прием большие надежды. С Сицилии он переехал в Милан, и теперь под его контролем находилась вся империя Банка Антинари. Но богатства ему было уже мало. Он мечтал о престиже, о славе великого финансиста.

Из средств банка Тано оплатил реставрацию этого полотна и теперь готовился пожинать плоды своих забот о сохранении памятников искусства. Он задумал устроить этот прием, чтобы на нем впервые показать картину после долгой и сложной работы по ее восстановлению.

Прямой, как манекен, Каридди стоял неподалеку от входа и встречал приглашенных. С ним почтительно здоровались, протягивая руку с поклоном. Он же оставался холоден и бесстрастен, сохраняя свой неизменно отсутствующий вид.

— Прекрасная работа, — поздравил его сенатор Салимбени. — У вас уже немало заслуг в мире искусств. Это будет способствовать вашей известности и в финансовом мире...

Именно этого-то и добивался Тано.

Но что говорил сенатор дальше, сицилиец не слышал — взгляд его приковала к себе девушка редкой красоты. Блондинка с фарфоровым личиком и свободной, как у деловой женщины, манерой держаться.

— Вы с ней знакомы? — спросил Салимбени, от которого не укрылся его заинтересованный взгляд.

— Нет. Кто она?

— Ее зовут Эстер. Дочь доктора Рази, президента компании «Международное страхование».

Красавица Эстер беседовала с расфранченным толстяком средних лет.

— Дорогой Тиндари, — щебетала, кокетничая, девушка, — я сердита на вас, потому что мне еще ни разу не удалось выиграть в вашем казино.

В эту минуту из другой двери в зал вошел мужчина лет пятидесяти с лишним, напоминавший своим видом бродягу. Редкие, давно не стриженные волосы свисали по обеим сторонам лысины, развеваясь, как два крыла. На нем была бесформенная выношенная куртка, на лице — щети-на по меньшей мере четырехдневной давности. На губах блуждала вызывающая улыбка. Он медленно, тяжело ступая, направился в угол, где беседовали Эстер и Тиндари.

Тано тоже устремился в их сторону. Он представился девушке. Жеманясь и кокетничая, Эстер прошептала, что отец не смог прийти и очень просит извинить его. Она надеется, что Тано простит его — отец поистине испытывает ужас перед подобными светскими сборищами.

Пока Эстер и Тано обменивались любезностями, взгляд Тиндари упал на подошедшего к ним человека в старой куртке. Лицо его перекошилось от страха.

— Как... неужели... — пробормотал он, — но ведь ты... Мужчина был уже в двух шагах. Он улыбался, обнажая беззубые десны, и утвердительно кивал головой:

— Да, да, это я — Аччеддуцу.
Не переставая улыбаться, он достал из кармана пистолет и в упор выстрелил в Тиндари. Тот перегнулся пополам, а стрелявший спустил курок еще раз. И еще, и еще — уже в плавающее на полу в луже крови тело.

В зале началась паника. Какая-то дама лишилась чувств, другая кричала как безумная. Все в страхе бросились к дверям.

Получив сообщение, дежурный по городу в Центральном полицейском управлении немедленно передал сигнал тревоги всем полицейским машинам. Его принял и патрульный автомобиль, в котором сидел комиссар Каттани. Вернувшись на действительную службу в полицию, он два-три месяца оставался на Сицилии, потом его перевели в Милан. В этот вечер он как раз патрулировал по городу.

Едва услышав слова «Банк Антинари», Каттани приказал водителю включить сирену и мчаться туда на предельной скорости.

Он первым вбежал в банк.

— Осторожно, комиссар, — предостерег стоявший у входа агент. — Преступник вооружен.

Каттани с опаской сделал несколько шагов вперед. Убийца сидел на полу метрах в пяти от него, повернув заросшее щетиной лицо к картине. Смотрел на нее как замороженный, с раскрытым ртом.

Неожиданно он оглянулся и молниеносно направил пистолет на комиссара. Каттани тоже сжимал в руке оружие, но ни тот, ни другой не спешили нажать на спусковой крючок. Внезапно выражение лица у бродяги разительно переменилось. Мягкая улыбка разгладила его черты, и он вдруг протянул Каттани свой пистолет.

Тотчас же отовсюду повыскакивали полицейские с нацеленным оружием, схватили и поволокли убийцу к дверям, а тот продолжал улыбаться все с тем же безмятежным видом.

Присутствующие в зале кое-как пришли в себя. Над бездыханным телом Тиндари склонился врач.

— В него всадили по крайней мере восемь пуль... — констатировал он.

Каттани слушал врача вполуха. Весь его интерес в эту минуту был поглощен другим. Вместе с ослепительной Эстер к нему приближался Тано.

Они не виделись несколько месяцев. С тех пор, как сицилиец увел от него Джулию.

Каттани смерил его испытующим взглядом.

— Там, где ты, всегда льется кровь.

— То же самое я мог бы сказать тебе, комиссар.

— Кто это был? — спросил Каттани, кивнув на тело.

— Тиндари. Один из лучших клиентов нашего банка.

— А другой?

— Кто — убийца? Понятия не имею.

— Очень странный тип, — вмешалась Эстер. — Все время улыбался. И когда стрелял, улыбался. Боже мой, что за ужас! — Она пыталась закурить, но руки у нее дрожали. — Я видела, как он к нам подходил. С совершенно спокойным видом. Они с Тиндари поздоровались. По видимому, были знакомы. Он сказал: да, я Аччеддучцу. Не знаю, что это значит...

— Это сицилийское слово, — пояснил Тано. — Оно означает «пташка».

Беседу их прервало появление еще одного представителя закона. В зал торопливо, слегка даже запыхавшись, вошла помощник прокурора Сильвия Конти — по-деловому одетая женщина лет тридцати пяти. Нахмурившись, она резко бросила Каттани:

— Комиссар, допрашивать свидетелей, пожалуйста, предоставьте мне.

— Разумеется, — согласился комиссар. — Но вести-то расследование мне, должен же я собрать улики, чтобы хоть что-то узнать.

Каттани не слишком симпатизировал прокурорше, всегда чересчур формально подходившей к делу. Что бы она там ни говорила, сидеть и ждать у моря погоды он не будет. Не прошло и часа, как Каттани вновь занялся сбором информации. Первым делом отправился на квартиру Тиндари. Дверь открыла вдова покойного — маленькая пухлая дама со смуглым, ничего не выражающим лицом.

Хозяйка проводила комиссара в заставленную дорогой, но безвкусной мебелью гостиную. Она кусала губы и не подымала глаз, но впечатления убитой горем не производила.

— Для него, — сказала она, — я никогда не была настоящей женой. Он обращался со мной как со служанкой.

Коррадо кивнул, словно говоря, что понимает ее. Потом спросил, нет ли у нее каких догадок о том, кто мог убить ее мужа.

Она на
и очень уве
— Какой
сти муж... П
Старая
объяснению
— У это
какое-то ст
дущу.
Женщин
слону, она
— Нико
В архив
довольно пу
обвинению
банкротств
значился гл
была влож
строительн
добавил пр
В карто
убийцы. Т
оставался
вался гово
Конти при
увидела пе
рассматри
носом. Все
тщетны.
В тот в
настроени
склонивши
украшенны
Эрнесто
— У т
— Ког
у меня вс
— Ран
профессии
ли сенато
засунули
ступность
расследо
этом

Она наконец подняла на него черные свои глаза и очень уверенно ответила:

— Какой-нибудь рогоносец... Обезумевший от ревности муж... Покойный был большой охотник до чужих жен. Старая песня... Каттани сделал вид, что поверил объяснению. И снова попытался ее разговорить:

— У этого человека, который застрелил вашего мужа, какое-то странное имя или прозвище... Его зовут Аччеддуцу.

Женщина сильно побледнела и потупилась. Проглотив слюну, она невнятно пробормотала:

— Никогда в жизни не слышала.

В архиве полицейского управления Каттани разыскал довольно пухлое досье на Тиндари. Его дважды судили по обвинению в мошенничестве. А третий раз — за злостное банкротство. Но ему всегда удавалось выкрутиться. Он значился главой фирмы «Сарим», часть капитала которой была вложена в ипподром, был акционером нескольких строительных компаний. «А также владельцем казино», — добавил про себя Каттани, захлопывая досье.

В картотеке же не удалось найти ни малейшего следа убийцы. Тайнственный персонаж с безумной улыбкой оставался по-прежнему безымянным. А сам он отказывался говорить. Когда помощник прокурора Сильвия Конти пришла допросить его в полицейское управление, то увидела перед собой человека с потухшим взглядом, тупо рассматривавшего свои руки и непрерывно шмыгавшего носом. Все ее попытки вытянуть из него хоть слово были тщетны.

В тот вечер доктор Конти вернулась домой в скверном настроении. Ее муж Эрнесто был у себя в кабинете; склонившись над пюпитром, листал толстый фолиант, украшенный рисунками тушью.

Эрнесто тотчас заметил, что жена не в настроении.

— У тебя что-то не в порядке?

— Когда приходится заниматься делами об убийстве, у меня всегда портится настроение.

— Рано или поздно все мы разочаровываемся в своей профессии. Возьми, например, хотя бы меня: когда выбрали сенатором, какие только я не строил планы. А меня засунули в Комиссию по борьбе с организованной преступностью. Приходится заниматься мафией, каморрой, расследованием всевозможных грязных махинаций. А я в этом ничего не смыслю. Я ведь ученый, а не полицейский.

Она положила мужу на плечо руку. Он обнял ее и усадил к себе на колени.

— По счастью, у меня есть ты. Когда мы вместе, у меня всегда спокойно на душе.

Сильвия печально прикрыла глаза. Закусила нижнюю губу и, помолчав, проговорила:

— Но я знаю, что ты счастлив не до конца. Тебе не хватает ребенка... Ты так хотел иметь детей...

ВЕРТОЛЕТ

В тот вечер Каттани вернулся домой очень поздно. Он жил в меблированной квартирке с террасой — на террасе у него лежала подстилка для собаки. Как-то вечером за ним увязалась дворняжка и так уж умильно на него смотрела, что он взял ее к себе.

Как обычно, Улисс устроил ему бурную, радостную встречу. Спровадив его наконец на свою подстилку, Каттани прилег, одетый, на кровать. Взял с тумбочки иллюстрированный журнал. Журнал был старый, давно-стью в несколько недель, порядком истрепанный — комиссар постоянно его листал.

Внимание его в который уже раз приковало к себе сообщение с заголовком «Трагическая смерть Джулии Антинари в водах Нассау». В подписях под двумя фотографиями говорилось, что «гибель красавицы наследницы до сих пор остается загадкой: тело ее было выброшено волнами на берег».

Мысль о Джулии оставалась для Коррадо открытой раной. Даже теперь, когда она умерла где-то на краю света, он не успокоился, скорее наоборот.

Комиссар положил журнал обратно на тумбочку. Беспокойно вертясь на постели, непрерывно курил и вновь и вновь перебирал в памяти обстоятельства убийства в банке, восстанавливал сцену задержания, осмотра тела, вспоминал, что сказал врач...

Что сказал врач? Каттани вдруг подскочил и уселся на кровати, изумленно наморщив лоб. В памяти ясно всплыли слова: «Он в него всадил по крайней мере восемь пуль». Восемь пуль, целую обойму! Значит, убийца уже знал, что пистолет у него незаряженный. И если наставил на Каттани оружие, то только чтобы испугать его, спровоцировать на выстрел. Другими словами, убийца

Тиндари хотел, чтобы Каттани автоматически среагировал на его жест и убил его.

Комиссар раздавил в пепельнице окурок и вышел из дома. Через несколько минут он уже был в полицейском управлении и сразу прошел в камеру, где содержался убийца. Тот неподвижно сидел на койке, уперев локти в колени и спрятав небритую физиономию в ладони. Он не проявил абсолютно никакого интереса к его приходу. Несколько идиотическая улыбка сошла с его лица, и теперь оно выражало лишь полнейшее безразличие ко всему на свете.

— По-моему, ты искал смерти, — попытался расшевелить его Каттани. — Почему ты пытался свести счеты с жизнью?

Мужчина приподнял голову, но продолжал молчать. Красноречивы были только его водянистые глаза, исполненные невообразимой тоской.

Каттани смотрел на него с ободряющим видом, словно желая внушить, что понимает его состояние и, возможно, сумеет ему помочь, если тот заговорит.

Убийца провел рукой по лицу, тяжело вздохнул и с трудом выдавил из себя:

— Слишком поздно. Нам с тобой надо было встретиться несколько лет назад на Сицилии... А теперь слишком поздно.

Комиссар протянул ему пачку сигарет. Тот, недоверчиво взглянув на него, трясущейся рукой вытащил сигарету.

— Ну скажи мне хотя бы, как тебя зовут.

— Фроло моя фамилия, Сальваторе Фроло.

С помощью агента Треви, сообразительного парня, поступившего в полицию, чтобы иметь возможность платить за университет, где он учился на инженера, Каттани принялся просматривать подшивки сицилийских газет за прошлые годы. Надо найти хоть какой-то след, намек, от которого можно оттолкнуться в расследовании. Что за человек этот Фроло, с какой целью его послали застрелить Тиндари?

Груда подшивок все росла. Весь день Каттани и Треви провели за газетами, и когда они уже готовы были сдать, комиссар торжествующе воскликнул:

— Вот оно! Нашел!

Полицейский склонился над плечом Каттани. В самом верху полосы бросался в глаза заголовок: «Исчезновение

молодого сицилийца. Что случилось с Сальваторе Фро-
ло?» Это была ежедневная газета пятнадцатилетней
давности, под корреспонденцией стояла подпись: Давиде
Фаэти.

Не составило особого труда выяснить, что Фаэти уже
давно оставил Сицилию и тоже переехал в Милан.
Каттани к нему сразу же направился. Теперь Фаэти был
главным редактором порнографического журнальчика.
Стол его был завален снимками обнаженных див.

— Уж вы меня не осуждайте, — несколько смущенно
встретил его Фаэти. — Знаю, что кончил свою карьеру не
слишком блестяще. Но увы! Не всегда удается осуще-
ствить юношеские мечты о славе...

— То, чем вы сейчас занимаетесь, меня не интересует.
Я пришел к вам по поводу того, что вы писали полтора
десятка лет назад. Меня интересует история Сальваторе
Фроло. — И комиссар выжидательно уставился на него.

Фаэти сразу же помрачнел. Собираясь с мыслями, он
помолчал, испустил глубокий вздох и наконец пробормо-
тал:

— Ну знаете, это было так давно... Что именно вы
хотите от меня услышать?

— Например, от кого вы узнали о его исчезновении.
Журналист почесал затылок.

— Кажется, от одного судьи, который работал на
Сицилии. Его фамилия была Фьорани.

— Где мне его найти?

На хмуром лице Фаэти мелькнула горькая улыбка.

— Найти его можно на кладбище. Преступление
мафии. Это случилось много лет назад...

Убийство Тиндари не давало покоя не только комисса-
ру Каттани. Оно вызывало беспокойство, правда совсем
другого рода, и у Тано. Он вылетел на Сицилию и вскоре
вновь спустился в подземелье виллы, где укрывался Глава
Семьи. Каридди нашел его в компании массивного,
смуглого мужчины средних лет с острыми, хищными
чертами лица. В нем было что-то демоническое.

Звали его Нитто, он доводился братом старому Главе
Семьи. Казалось, Нитто даже не заметил появления
Тано — продолжал с безучастным видом подпирать стену.

Причину его присутствия разъяснил Каридди сам
старик.

— Скоро, — сказал он, — Нитто переберется в Милан, чтобы лучше заботиться об интересах Семьи.

Тано вскинулся:

— И чтобы проверять меня?

— Также и для этого... Также. Но главным образом для того, чтобы помогать тебе находить правильные решения. До сих пор мы передавали тебе наши советы и рекомендации через беднягу Тиндари. — Старик с досадой скривил губы. — Но ты всегда их отвергал. Мы хотели осуществить капиталовложения через твой банк, но ты уходил в сторону — еще, мол, рано, надо подождать. — Он почесал подбородок. — Это непростительный грех, Тано, — держать на руках столько денег и гноить их. Знаешь, сколько мы сейчас можем тебе доверить? Пять тысяч миллиардов.

Глаза у гостя заблестели.

— Я никогда не пытался уклониться, — проговорил он. — Нужно было только выждать удобный момент. Теперь он настал. — Играя желваками, Тано оперся руками о письменный стол и с воодушевлением продолжал: — Мой план таков. Покончим с этими убийствами. Хватит крови. Встанем на путь законности. С вашими капиталами я проникну в самое сердце высоких финансовых сфер. Попытаюсь постепенно прибрать к рукам крупнейшую финансовую империю — «Международное страхование». А оттуда мы потом сможем маневрировать гигантскими суммами на всех континентах.

Глава Семьи откинул свою массивную голову на спинку кресла. Пока он размышлял, его братец Нитто впервые проявил какой-то интерес к Тано: взглянул на него с презрительной ухмылкой.

Старик медленным движением потер щеку и спросил:

— Что же ты собираешься сделать, чтобы осуществить свой план?

— Прежде всего я должен стать хозяином в Банке Антинари, — объяснил Тано. — Одиннадцати процентов от общего пакета акций мне недостаточно. Но это уж моя забота...

— Нет, также и наша, — перебил его старик. — Что ты задумал?

— Все очень просто. Маленькая Грета Антинари осталась совсем одна. Она единственная наследница сорока процентов акций. Я просил об опекуновстве над нею. Суд по делам несовершеннолетних должен со дня на день

принять решение, никаких затруднений я не предвижу.
— А! — сухо прокомментировал старик. Он устремил на гостя испытующий, пронзительный взгляд своих горящих глаз. — А потом... что предпримешь? Девочка утонет, как и ее сестра?

Тано с трудом удержался от раздраженного жеста.

— Я не убивал Джулию, — сухо произнес он. — Это был несчастный случай.

Старик успокаивающе махнул рукой:

— Ладно, говори дальше.

— Потом, — продолжал Тано, — для того, чтобы предпринять первые шаги, мне понадобится один человек. — И после небольшой паузы добавил: — Юфтер, турок.

Последовало долгое молчание. Глава Семьи размышлял. В своем изощренном уме он проигрывал все варианты, рассматривал вопрос со всех сторон.

— Турок... — пробормотал он. — Хорошо. Ты его получишь.

Неделю спустя Юфтер нервно курил во дворе одной из тюрем на Сицилии во время прогулки. Другие заключенные, громко горлая, бегая и толкая друг друга, играли в баскетбол.

Юфтер с жадностью сделал последнюю затяжку и отшвырнул окурок. Спокойно пошел по двору. Взгляд его темных живых глаз беспокойно шнырял по сторонам. Засунув руки в карманы брюк, он шел вдоль каменной стены ограды.

Вдалеке нарастал шум мотора. Турок продолжал идти по направлению к пустынному углу двора. Теперь шум мотора слышался уже совсем близко, становился все оглушительней, и вдруг в небе над колодцем двора появился белый вертолет со знаком Красного Креста. Он летел совсем низко, потом опустился еще ниже и неожиданно завис всего в каком-нибудь десятке метров над углом двора, где находился Юфтер.

С вертолета сбросили веревочную лестницу, турок поймал ее, уцепился, и вертолет стал набирать высоту, унося с собой заключенного.

После бегства из тюрьмы Юфтер попал под охрану трех «горилл», они же и проводили его в тайное убежище Главы Семьи. Турка трясло от страха, он не мог взять в толк, что происходит, но никто не давал ему никаких

объяснений
тревога его
— Мы
Глава Сем
— Я в
в этом не р
отплатить
В углу
— Я бы
с твоей сто
сразу оказ
— Как
Старик
— Я с
пакета ак
— Да,
царии.
— Пре
о чем-то в
передашь
с тобой в
Банку Ан
— Да
Юфтер.—
— Мо
тал стари
у него на
— Вы
у него мет
сукины д
Он го
поднял п
молниено
тисками
Хвата
лежал на
Как толь
— Ла
С тру
чал утро
— По
Турок
унижени

объяснений. Когда же он предстал перед стариком, тревога его возросла еще больше.

— Мы тебе возвратили свободу, — сухо констатировал Глава Семьи.

— Я вам очень благодарен, — ответил турок. — Вы в этом не раскаетесь. Я ценю проявления дружбы и сумею отплатить тем же.

В углу комнаты беспокойно расхаживал Нитто.

— Я был уверен, что могу рассчитывать на понимание с твоей стороны, — кивнул старик. — Нам нужно, чтобы ты сразу оказал нам одну услугу.

— Какого рода?

Старик вскинул на него многозначительный взгляд.

— Я слышал, что ты располагаешь двумя процентами пакета акций «Международного страхования».

— Да, — подтвердил Юфтер. — Акции у меня в Швейцарии.

— Прекрасно, — отозвался босс. И, словно речь шла о чем-то вполне естественном, небрежно бросил: — Ты их передашь нам. — Он кивнул в сторону Нитто. — Он поедет с тобой в Швейцарию. А ты подпишешь передачу акций Банку Антинари.

— Да вы что, с ума сошли?! — вскочил ошеломленный Юфтер. — Ни за что на свете не отдам вам свою квоту.

— Может, я недостаточно ясно выразился, — пророкотал старик, сжимая своими распухшими руками лежащую у него на коленях трость. — Ты должен отдать нам акции.

— Выкиньте это из головы! — взвизгнул турок, глаза у него метали молнии. — Ни черта вы от меня не получите, сукины дети.

Он готов был наброситься на старика. Но тот резко поднял палку и с силой ткнул ею турка в живот. Тут же молниеносно на Юфтера прыгнул Нитто. Железными тисками он сжал ему горло и свалил с ног.

Хватая ртом воздух, с побагровевшим лицом турок лежал на полу рядом с лакированной тростью старика. Как только к нему вернулся дар речи, он пробормотал:

— Ладно. Акции ваши.

С трудом поднялся он на ноги. И тогда вновь прозвучал утробный голос, от которого стыла кровь в жилах:

— Подай палку!

Турок нагнулся, поднял трость и, испив до дна чашу унижения, положил ее на колени Главы Семьи.

ПРОЕКТ

— Вы хорошо знакомы с Тано Каридди, директором Банка Антинари. Как вам кажется, что он за человек?

— Уголовник.

Дама средних лет, перед которой сидел комиссар, была судьей в Суде по делам несовершеннолетних. Характеристика, которую Каттани дал Тано, явно ее не убедила, ибо она неодобрительно поморщилась:

— Вы, наверно, питаете к нему личную неприязнь, не так ли?

Комиссар скорее был удивлен, чем уязвлен.

— Вы хотите сказать — из-за Джулии? Нет, мое суждение о нем от этого не зависит. Я говорю, что он преступник, потому что твердо убежден. Например, это он приказал убить Джулию.

Судья нахмурилась.

— Я пришла к вам, чтобы выслушать серьезную информацию, а не всякие домыслы. Хорошо известно, что девушка погибла в результате несчастного случая.

— Это вы так говорите, а я уверен в обратном. — Каттани откинулся на спинку кресла. При мысли о Джулии лицо его омрачилось. — Но с чего это вдруг вы так интересуетесь этим сицилийцем?

— Потому что Тано Каридди просит назначить его опекуном маленькой Греты Антинари и я прежде, чем решить, должна знать, можно ли ему эту роль доверить.

Он с тревогой посмотрел на судью.

— Но ведь Грета в Америке.

— Была в Америке, — поправила его судья. — А в этот момент она летит над океаном и сегодня вечером прибывает в Милан.

Комиссар вскочил на ноги.

— Вы ни в коем случае не должны предоставлять ему опекунические права. Ему нужна Грета только для того, чтобы сделать с ней то же, что он уже сделал с Джулией. Его цель — полностью заграбастать в свои руки банк.

— Как вы можете о нем так отзываться?

Судью начинали раздражать и выражения, и тон, в которых комиссар говорил об известном финансисте, тем более что Каридди — как, по крайней мере, явствовало из имевшихся у нее сведений — на редкость успешно спас банк, стоявший на краю банкротства.

— Наверно, мне не следовало к вам приходить, —

заявила
высказан
рые дела
На сл
Антинари
что Грета
— Да
— М
нительно
трясаясь
— Не
скасть. М
— Кт
— Си
неприятно
Не об
устремил
с медици
на нее. Ж
— Ку
— Он
очередь К
И, не
игрушек.
Рай для
вищ на ко
плюшеву
лицо лиц
Катта
— Гр
меня пом
Со сто
Она каза
руки.
— До
В этот
— Чт
Катта
с ребенко
полным н
сознания.
— Ко
Он пр
Девочка

заявила она, беря со стола свою папку.— Думаю, на высказанное вами мнение сильно повлияли какие-то старые дела. Ну хорошо, все равно благодарю вас.

На следующий день Каттани отправился на квартиру Антинари. Дверь ему открыл слуга, который подтвердил, что Грета в Милане.

— Да,— сказал он,— она прилетела вчера вечером.

— Мне нужно ее немедленно видеть.— Комиссар стремительно вошел в прихожую. Слуга семенил следом и, трясаясь от страха, жалобно твердил:

— Нет-нет, нельзя. К ней запрещено кого-либо пускать. Мне строго-настрого приказано...

— Кто приказал? Кто распоряжается в этом доме?

— Синьор Тано. Прошу вас, у меня из-за вас будут неприятности,— причитал слуга.

Не обращая на него никакого внимания, Коррадо устремился в соседнюю комнату и на пороге столкнулся с медицинской сестрой. Каттани обеспокоенно уставился на нее. Женщина, побледнев, с тревогой воскликнула:

— Куда вы идете?!

— Она здесь? — резким, сухим тоном спросил в свою очередь Каттани.

И, не ожидая ответа, вошел. Комната была полна игрушек. Автомобильчики, куклы, плюшевые зверюшки. Рай для ребенка. Грета стояла посреди всех этих сокровищ на коленях с отсутствующим видом и вертела в руках плюшевую собачку. Взгляд ее был устремлен в пустоту, лицо лишено всякого выражения.

Каттани подошел к ней.

— Грета,— ласково окликнул он.— Я Коррадо, ты меня помнишь?

Со стороны девочки не последовало никакой реакции. Она казалась маленьким автоматом. Комиссар взял ее на руки.

— Дорогая моя крошка, что они с тобой сделали?

В этот момент на пороге появился Тано.

— Что ты думал тут найти? Камеру для пыток?

Каттани не пошевелился. Он стоял посреди комнаты с ребенком на руках и, не отвечая, сверлил Тано взглядом, полным ненависти. В глазах у девочки мелькнул проблеск сознания.

— Коррадо...— пролепетала она.— Коррадо...

Он прижал ее к себе еще крепче, погладил по головке. Девочка жалобно захныкала.

— Успокойся, успокойся, — прошептал он. — Я здесь, я тебя не оставлю.

Коррадо опустил ее на пол и, проходя мимо Тано, на секунду задержался.

— Попробуй только тронь ее. Если у нее упадет с головы хоть один волосок, я всажу тебе пулю точнехонько между глаз.

У Тано на лице не дрогнул ни один мускул. Подождав, пока за Каттани захлопнется дверь, он отдал прислуге строгие распоряжения. Никто посторонний не должен больше входить в квартиру. Ни в коем случае. Без его разрешения никому не открывать дверь.

Вернувшись к себе, он достал из ящика стола пачку бумаг и тщательно проглядел одну за другой. Под каждой стояла подпись Юфтера. Турок успел уже побывать под наблюдением Нитто в Швейцарии и скрепя сердце передал через него документы, предоставляющие им права на два процента акций «Международного страхования».

Тано еще раз с удовлетворением просмотрел бумаги, запер их в стенной сейф и вышел. Велел шоферу отвезти его в Брианцу, на виллу доктора Рази, отца красавицы Эстер.

Вилла Рази стояла на одном из цветущих холмов Ломбардии, в окружении высоких деревьев. Эстер как раз возвращалась с верховой прогулки, светлые ее волосы развевались на ветру.

Тано пошел ей навстречу. Протянул руки, чтобы помочь слезть, и на какое-то мгновение крепко прижал девушку к себе.

— Как я рад вновь увидеться с вами, — проговорил он.

На пороге дома появился и сам хозяин, доктор Рази, представительный мужчина с умным, энергичным лицом. Обменявшись с Тано любезностями, он увел его в свой кабинет.

— Я пришел к вам, — с ходу заявил сицилиец, — поскольку вы председатель правления «Международного страхования». А я намерен завоевать вашу финансовую империю.

Рази изумленно на него уставился. Потом, словно не веря своим ушам, переспросил:

— Завоевать?

— Именно так. Двумя процентами акций я уже владею. Теперь я объявлю о своей готовности приобрести ваши акции у всех мелких держателей, желающих их

продать. Причем согласен платить даже двойную, по сравнению с номинальной, стоимость.

На стене, за спиной Рази, висел рисунок, изображающий стилизованное дерево. Ствол его украшала надпись крупными, бросающимися в глаза буквами: «Международное страхование». От дерева отходило множество ветвей, на которых значились названия рассеянных по всему миру компаний, входящих в это гигантское финансовое объединение.

Рази обернулся к рисунку, поласкал его взглядом и спросил:

— А каким именно из этих обществ соответствуют ваши два процента?

Тано подошел к стене. Пошарил глазами по многочисленным ответвлениям волшебного дерева и, указывая пальцем, сказал:

— Вот эти три общества мои.

Рази посмотрел на него с видом нескрываемого превосходства.

— А, ливанский пакет.— Он поудобней устроился в кресле и слегка брезгливо бросил: — Грязное дело, эти три компании служат прикрытием для нелегальных сделок. Такие акции вам вряд ли пригодятся.

— Я же вам сказал: готов скупить все акции. И не постою за ценой.

Рази уже начинал задавать себе вопрос: с какой стати он вдруг согласился принять этого типа, производящего впечатление мошенника?

— У вас вряд ли найдется столько денег,— небрежно протянул он.

— Ошибаетесь, найдется. И я вам докажу.

— В таком случае не понимаю, что вам от меня надо.

— Вы — председатель правления. Вам известны все достоинства и недостатки вашего финансового общества,— проговорил Тано, сверля его своим пронизывающим взглядом.— Вы можете помогать мне, давать советы, разработать вместе со мной стратегию для установления полного контроля над компанией.

Рази уже потерял терпение. Он встал, давая понять, что этот столь неприятный и бессмысленный разговор окончен.

— На меня можете не рассчитывать,— решительно отрезал он.

Потерпев поражение у Рази, Тано и не думал смириться с отказом. Он еще заставит этого гордеца ползать у своих ног.

На другой же день Каридди вылетел в Рим. Нанес визит сенатору Салимбени, видному деятелю одной из крупных политических партий. Кабинет сенатора тонул в полумраке, зашторенный тяжелыми занавесями на окнах. На столе громоздились десятки папок, разделенных на небольшие, аккуратно сложенные стопки. В них хранились различные просьбы, документы о купле и продаже компаний, досье на самых надежных людей, которых можно назначить на ключевые посты. Словом, необходимые атрибуты власти.

— Я приехал предложить вам крупное дело,— сказал Тано.— И просить вашей помощи в одном задуманном мною проекте.

— Сочту за честь.

— Вы, конечно, слыхали о «Медиареце». Это строительная компания, которой принадлежат две ежедневные газеты и частная телестудия. Я куплю весь пакет ее акций и поставлю эту компанию на службу вашей партии. Газеты и телестанция вам пригодятся для обработки общественного мнения. Вы сможете их использовать как сочтете нужным.

Салимбени невозмутимо слушал его, положив локти на подлокотники кресла и сплетя пальцы.

— Дороговатый подарок,— коротко прокомментировал он.— И что же вы хотите взамен?

— У меня есть один проект,— сказал Тано.— Я хочу взять под контроль «Международное страхование».

Немало всяких фантастических планов и предложений доводилось Салимбени выслушивать в своей жизни, но такого он еще никогда не слышал.

— Меня предупреждали, что вы мегаломан,— хмыкнул он,— но, клянусь Богом, я не думал, что до такой степени.

В пристальном взгляде Тано было столько напора и решительности, что сенатор невольно заколебался.

— Скажите,— задумчиво протянул он,— с чего же вы предполагаете начать?

Столь же невозмутимо Тано заявил, что намерен дать объявление в газеты о готовности приобрести акции «Международного страхования».

Уверенный тон посетителя подействовал на Салимбе-

ни. Осуществление этого плана стало казаться сенатору не таким уж невозможным делом. Трудным, сложным, но осуществимым. Он даже позволил себе заинтересоваться деталями.

— А как воспримет это Рази? — спросил он. — Без его согласия практически никому не удастся контролировать «Страхование».

— Это мне хорошо известно, — ответил Тано. — И вот здесь должна вмешаться ваша партия. Вы его выдвинули на этот пост, вы можете и снять.

Сенатор в явном замешательстве поджал губы.

— Все это не так-то просто. Действительно, его кандидатуру на этот пост предложила моя партия. Однако он пользуется покровительством одного очень важного лица — Антонио Эспинозы. Именно он давил на партию, добиваясь назначения Рази.

— Никогда не слыхал этой фамилии.

— Видите ли, Эспиноза в течение многих лет стоял во главе крупных парастатальных объединений. Потом уехал в Швейцарию. Он живет неподалеку от Локарно. И, оставаясь в тени, продолжает контролировать и направлять итальянскую политическую жизнь.

Тано, казалось, это очень заинтересовало.

— Почему бы вам не устроить мне с ним свидание? — предложил он.

Пока сицилийский финансист строил свои грандиозные планы, кто-то со своей стороны пытался их сорвать.

Однажды в кабинет Каттани явился некий адвокат Эгирас — невзрачный человечек с маленькими, тщательно подстриженными усиками.

— Чем могу быть полезен? — спросил комиссар.

Вполголоса, будто стесняясь, адвокат сообщил, что с комиссаром очень хотел бы встретиться один человек.

— Только не здесь, — добавил он, — в каком-нибудь надежном месте.

— Могу ли я спросить, о ком идет речь?

Эгирас с шутовской улыбкой уточнил:

— Это человек, которому нравятся вертолеты.

Каттани от удивления широко раскрыл глаза.

— Вертолеты, которые летают над тюрьмами?

— Вот именно!

Что надо от него Юфтеру? Почему он просит о встрече, рискуя снова угодить за решетку? Но лучше услышать об этом от самого турка.

Каттани последовал за адвокатом Эгирасом, который привел его в какой-то бар на окраине, толкнул дверь с надписью «Бильярдный зал» и пропустил вперед комиссара. Сам же остался за дверью и тотчас запер ее на ключ.

Каттани увидел выходящего из-за занавески турка. Юфтер немного колебался, потом, набравшись духу, шагнул ему навстречу.

— Вы — отважный человек, — сказал он. — Ведь это могла быть ловушка. — Он прислонился к бильярду, засунув руки в карманы. — Но можете быть спокойны. В свое время я охотно всадил бы вам пулю в живот, но теперь мы с вами, как это ни странно, на одной стороне. Я хочу сказать, что у нас с вами общий враг: мафия.

— Какой же ты все-таки неблагодарный человек, — покачал головой Коррадо. — Ведь они помогли тебе бежать.

Юфтер обошел вокруг бильярдного стола, долго молчал, словно что-то обдумывая, и наконец проговорил:

— Все очень усложнилось. Теперь я против мафии. И могу помочь тебе ее раздавить.

— Каким же образом?

Каттани, разумеется, поведение турка заинтриговало, но он не скрывал своего недоверия, воспринимая его слова как бахвальство. Раздавить мафию! Тут нужны силы посерьезнее, чем какой-то турок.

Чтобы убедить комиссара, Юфтер решил раскрыть кое-какие карты.

— Мне известно многое, — сказал он. — Например, как и куда вкладывает мафия деньги, вырученные от торговли оружием и наркотиками. Она участвует в «чистых» финансовых операциях здесь, на севере. — Он извлек из внутреннего кармана пиджака маленькую, как для удостоверения, фотографию. — Видишь этого человека? У него нет ни лиры, а он собирается купить фабрику, которая называется «Мегатор». Он покупает ее на деньги мафии. Через десять дней внесет первый взнос — восемьсот миллионов.

— А как он их получит?

— Очень просто. Условлено, что он выиграет эту сумму в казино — том самом, что принадлежало Тиндари.

Отношение Каттани к турку менялось буквально на глазах. Он начинал принимать его всерьез.

— Я также располагаю сведениями об убийце Тинда-

ри, — продолжал выкладывать свои козыри Юфтер. — Мне известно, что он долго находился в сумасшедшем доме в Санта Мария дель Орто. Это в двухстах километрах отсюда.

Теперь уж Каттани заинтересовался по-настоящему:

— Продолжай.

— Нет, — насмешливо улыбнулся Юфтер. — На первый раз хватит. Сначала я должен быть уверен, что ты мне поможешь. Остальное расскажу в следующий раз, когда мы с тобой вновь увидимся. Встретимся в отеле «Моцарт». Спросишь синьора Караме.

Каттани, не откладывая, решил проверить, не водит ли его турок за нос. Он сел в машину и отправился в Санта Мария дель Орто. Предъявил санитару удостоверение, и тот проводил его внутрь. Вдоль бесконечно длинного коридора шли в ряд железные двери одиночных палат. Каттани остановился перед дверью под номером двенадцать.

— Открой, — кивнул он санитару.

Из-за двери выглянуло какое-то скелетообразное существо, скорее бесплотный призрак, чем человек. Увидев их, он забился в угол и там свернулся в клубочек, обхватив руками колени, словно боясь рассыпаться на части. Каттани не обратил на него никакого внимания. То, что он искал, должно было находиться на стене. И в самом деле, он это увидел — рисунок красками. На нем можно было различить горящую машину и рядом с ней — черноволосую девочку, тоже охваченную пламенем и умоляюще протягивающую руки. Справа внизу виднелась подпись. Каттани подошел поближе и прочитал: «Аччеддуццу».

Не было никаких сомнений. Убийца Тиндари провел в этой одиночке не один год. Комиссар решил на следующий же день вновь повидать Юфтера, надеясь вытянуть из него еще кое-что. В соответствии с инструкциями турка он отправился в отель «Моцарт» и спросил синьора Караме.

Постучал в дверь номера. Никакого ответа. Потрогал ручку. Дверь не заперта. Он осторожно вошел с пистолетом в руке. Ни души. Комната пуста.

Заглянул в ванную. Чуть отодвинул пластиковую занавеску и увидел жуткое зрелище. Юфтер лежал одетый в наполненной ванне. Руки и ноги у него были связаны, голова под водой, на лице утопленника застыло выражение ужаса.

На этом неприятные сюрпризы не кончились. Вернувшись в полицейское управление, Каттани не застал Аччеддучцу в его камере. Оказывается, обеспокоенная не вполне нормальным поведением арестанта, доктор Конти распорядилась перевести его в клинику.

— Боже мой, в какую еще клинику? — с удивлением воскликнул Каттани.

Он стремительно выбежал на улицу, крикнув Джуньи и Куадри, чтобы они следовали за ним. Джуньи был полицейский огромного роста с черной бородой, Куадри — коренастый парень с широченными плечами. Вместе с Треви они составляли знаменитую команду комиссара Каттани.

Через несколько минут Коррадо уже был в клинике. Не удостоив взглядом дежурившего в коридоре полицейского, он стремительно кинулся в палату Фроло.

Тот, одетый, лежал на кровати. Увидев Каттани, он ни капельки не удивился. На губах у него вновь появилась неопределенная улыбка.

Комиссар не мог побороть беспокойства. Обшарил взглядом всю палату. Он слишком хорошо знал повадки невидимого коварного врага, против которого сражался. И был уверен, что на каждом шагу надо ждать какого-нибудь подвоха.

Тревога Каттани оказалась не напрасной. В палате возле шкафа он увидел два баллона с кислородом. Достаточно было беглого осмотра, чтобы заметить проводок, соединявший баллоны к крошечному детонатору с часовым механизмом.

Он поднял Фроло и вытащил его из палаты.

— Уходите, все уходите отсюда! — крикнул он полицейскому и двум прибежавшим врачам. Не успели они отбежать по коридору метров на десять, как в палате грохнул оглушительный взрыв.

Фроло был весь в поту. Цепляясь за руку Коррадо, как испуганный ребенок, он простонал:

— Ты второй раз спасаешь мне жизнь.

— Кто хотел тебя убить? — спросил Каттани.

— Наверно, это друзья Тиндари.

— За что ты его застрелил?

Фроло почесал затылок и скривил рот.

— Это длинная история. Все началось много лет назад с того, что у меня украли мотоцикл. Мои проклятия услышал дон Вито Сорано. Он сказал: «Не волнуйся, мы

его найдем»
стоял у мое
Коррадо
— Догад
день дон Ви
— Вот-в
дон Вито жд
пистолет и
Фроло пока
И Тиндари
в машине.—
судье. Но
я псих, и з
лет, но я
свершилась

В строго
шенный, Ка
казино. Од
электронике
бродил по
параде. Ув
навстречу.
доложил:

— Он в
— Ты у
— Без
которое ва

Треви с
которую о
решительно

— Изв
члены клус

— А ка
— Вам

Сантеля.
Случай

вечернем
кие плечи,

Она за
Тиндари.

его найдем». Не прошло и получаса, как мотоцикл уже стоял у моего дома.

Коррадо грустно улыбнулся.

— Догадываюсь, что было дальше. В один прекрасный день дон Вито попросил тебя оказать ему услугу...

— Вот-вот. Однажды пришел Тиндари и сказал, что дон Вито ждет от меня дружеской услуги. Он передал мне пистолет и потребовал, чтобы я убил одного человека. — Фроло покачал головой. Но я на это был не способен. И Тиндари меня наказал: велел сжечь мою жену и дочь в машине. — Он провел рукой по лицу. — Я все рассказал судье. Но не дождался справедливости. Сказали, что я псих, и засадили в сумасшедший дом. Прошло много лет, но я ничего не забыл. И вот наконец моя месть свершилась. Больше мне нечего ждать от жизни.

ЮВЕЛИР

В строгом вечернем костюме, чисто выбритый и надутый, Каттани переступил порог сверкающего огнями казино. Один из его агентов, Треви, специалист по электронике, считавшийся в их бригаде интеллигентом, бродил по просторному игорному залу тоже при полном параде. Увидев входящего Каттани, он поспешил ему навстречу. Указывая на закрытую дверь, полицейский доложил:

— Он вошел туда.

— Ты уверен, что это он?

— Без сомнения. Тот самый, что изображен на фото, которое вам дал Юфтер.

Треви отошел, и Каттани один направился к двери, которую охранял мужчина в смокинге. Любезно, но решительно он остановил комиссара:

— Извините, синьор, но сюда допускаются только члены клуба.

— А как стать членом клуба?

— Вам следует поговорить с директором, доктором Сантелиа. Но сегодня его нет.

Случайно их разговор услышала Эстер. В длинном вечернем платье, оставлявшем открытыми нежные гладкие плечи, стояла она в нескольких шагах от Каттани.

Она запомнила комиссара с того дня, когда убили Тиндари. На нее большое впечатление произвела сме-

лость, с какой он в одиночку арестовал убийцу. Теперь, видя этого восхитившего ее храбреца в затруднительной ситуации, она решила выручить его.

— Ах, вот и ты наконец! — воскликнула Эстер, целуя Каттани в губы. — Я тебя ищу уже полчаса.

Каттани, не сразу разгадав намерение девушки, подсаживал в душе на свое невезение. Ну вот, сейчас она сболтнет, что он из полиции.

Зато мужчина в смокинге сразу же стал весьма предупредителен:

— Синьорина. Рази, прошу извинить, я не знал, что этот господин...

— Да, да, — прервала его Эстер, — он со мной. Хотя он и не член нашего клуба, но я-то в нем состою. Идем! — Она взяла Каттани под руку и увлекла за собой в небольшой зал, закрытый для посторонних.

Тут вокруг столов сидело всего с десяток человек. К потолкуплыли тонкие струйки дыма.

— У тебя секретное задание? — шепотом спросила Эстер. Ее, казалось, возбуждала эта атмосфера таинственности.

— Вот именно, — тоже шепотом ответил Каттани и погладил ее по руке. — Спасибо!

Тут же забыв про нее, он переключил все свое внимание на находящиеся в зале. Огляделся вокруг и вдруг увидел того, кого искал. Он сидел за столом, где играли в баккара. Да, это тот самый тип с фотографии Юфтера. Его легко было узнать по глазам — выпуклым, словно стеклянным. Те же волнистые волосы, те же прямые усы, из-за которых лицо казалось более широким.

— Ты играешь в баккара? — спросил Каттани девушку.

— Конечно.

— Ну тогда идем.

Он подвел ее под руку к столу. Мужчина с фотографии уже успел набрать гору фишек и продолжал выигрывать. Комиссар подвинул три фишки на середину стола и открыл сданные ему карты: у него было восемь. Он впился глазами в руки крупье, который теперь сдавал карты мужчине с фотографии.

— Стоп! — приказал Каттани, хватая крупье за руку как раз в момент, когда тот вытряхнул карту из рукава пиджака.

Комиссар раскрыл карты, которые крупье подкинул господину с фотографии. У того было девять.

— Вы очень стараетесь помочь этому человеку. Благодаря вам он уже выиграл не одну сотню миллионов. Вас ждут серьезные неприятности.

Для пущей убедительности он помахал перед носом крупье своим удостоверением, тот побледнел и стал оправдываться:

— Я не виноват. Мне велел Сантелиа, директор.

— Где я могу найти этого Сантелию?

— Право, не знаю. Может быть, ювелир в курсе... Да, в этом доме, что и наше казино, есть ювелирный магазин. Его владелец иногда идет навстречу нашим клиентам, если они находятся в стесненном положении... Вы меня понимаете...

Каттани его прекрасно понял. Он отвел Эстер в сторону.

— Хочешь мне помочь?

— Ну, конечно!

Девушка уже вошла во вкус — у нее было такое чувство, будто она участвует в каком-то волнующем приключении.

— Сколько стоит твое кольцо? — спросил Каттани.

— Больше ста миллионов. А почему ты спрашиваешь?

Без всяких объяснений Каттани взял ее за руку и повел в ювелирный магазин.

Здесь он помог Эстер снять ожерелье и положил его на прилавок перед хозяином, сутулым человеком с густыми бакенбардами.

— Нам нужно немножко наличных, — сказал он. — Остались совсем на мели.

— Хи-хи, — тихонько усмехнулся ювелир. — Я всегда говорю: эти проклятые столы под зеленым сукном — самые настоящие пиявки. Все высосут, уж вы мне поверьте. — Он взвесил кольцо на ладони, поднес к лампе и рассмотрел. — Изящная вещица, ничего не скажешь. — Он прищурился и пытливо воззрился поверх своих маленьких очков на Каттани. Что-то в лице клиента вызывало у него недоверие. Помолчав, он нерешительно протянул: — Но, надеюсь, синьор, вы не запросите слишком много! Больше пятидесяти миллионов я вряд ли смогу вам дать.

— Прекрасно. Согласен, — сказал Каттани.

Агент Треви ни на минуту не терял из виду комиссара и как раз в эту минуту вошел в магазин.

— Хорошо, хорошо, — ответил ювелир, все еще колеблясь, выкладывать ли денежки. — Посмотрим, посмотрим, могу ли я пойти вам навстречу...

Он откинул занавеску и ушел в заднее помещение магазина. Послышался звук снимаемой телефонной трубки. Юный Треви по прозвищу Инженер выхватил из кармана квадратный электронный аппаратик и направил его в сторону занавески, за которой ювелир набирал чей-то номер.

Озадаченная Эстер вопросительно обернулась к Каттани.

— Что происходит?

— Вот этой штукой он ловит телефонные сигналы и засекает номер, который набирает ювелир. — Коррадо провел пальцем по подбородку девушки. — И знаешь, кому он звонит? Директору казино Сантелии. А по телефонному номеру нам будет проще простого узнать адрес, по которому прячется этот Сантелиа.

Электронный фокус Треви сработал на славу. Не прошло и получаса, как Каттани и его ребята установили адрес убежища Сантелии. Ворвавшись в квартиру, они увидели перед собой самого директора — хрупкого господина с орлиным носом и большими густыми усами, под которыми пряталась ироническая улыбка.

— Комиссар, — насмешливо произнес он, — ну к чему такие мощные силы...

Его отвезли в полицейское управление. И поспешили поставить в известность помощника прокурора Сильвию Конти.

— Позовите ее немедленно, — распорядился Каттани, — не то опять разворчится.

Доктор Конти, приехав, тотчас уединилась в кабинете с Каттани и Сантелией.

— Что же это такое, — обратилась она к директору казино, — говорят, вы приказали крупье поспособствовать какому-то подозрительному типу, чтобы он выиграл кучу денег.

Сантелиа сделал обиженное лицо.

— Я? Если какой-то нечестный крупье передергивает карты, вы не можете возлагать за это вину на меня. Будьте справедливы, синьора, ну при чем тут я?

— Сейчас вам объясню, — ответила доктор Конти. — Этот господин, который все время выигрывал, в обмен на фишки передал в кассу несколько сот миллионов. Его

банкноты являются частью суммы из выкупа, полученного за похищенного человека. — Доктор Конти вскинула на Сантелию пристальный взгляд. — За карточным столом этот странный тип выигрывал непрерывно. Если бы все прошло гладко, он унес бы домой свои пачки денег плюс еще порядочный куш. С одной только разницей. Эти деньги были бы уже не грязные, а совсем чистые — отмытые. Ваше казино, уважаемый Сантелия, служит для отмыwania грязных денег.

— Без моего ведома, клянусь вам!

Сантелия нервничал все сильнее. Он ерзал на стуле, словно его донимали сильные боли.

Каттани сидел в уголке и молча слушал. Эта женщина не без опыта, четко работает. Вот она вновь пошла в атаку, голос у нее стал еще жестче, решительней:

— Сантелия, я могла бы вам помочь. Но если вы будете здесь придуриваться, придется мне сразу же выдвинуть против вас обвинение в причастности к преступной мафиозной организации.

Директор казино не в силах был скрыть волнение. С губ у него давно сошла ироническая улыбочка. Его худое лицо казалось еще более изможденным.

— Что вы хотите от меня узнать? — хрипло выговорил он.

— Куда деваются грязные деньги, которые у вас отмывают?

Сантелия, прежде чем ответить, долго молчал. Нервно двигал под столом ногами. Наконец решился:

— Их кладут в Банк Антинари.

Круг, казалось, замкнулся. Вновь все нити сходились к этому банку. Каттани и синьора Конти вышли вместе и подняли воротники, чтобы защититься от пронизывающей ночной сырости. Охрана — двое полицейских в штатском — следовала тенью за ними.

— Я хотел поговорить с вами об одном деле, — сказал комиссар. — Судья из Суда по делам несовершеннолетних, которая должна принять решение об опекунстве над маленькой Гретой Антинари, — ваша приятельница. Не могли бы вы замолвить перед ней словечко? Ребенок ни в коем случае не должен попасть в руки Тано Каридди.

— Я бы охотно это сделала, — ответила доктор Конти, — но, боюсь, уже поздно. Мне кажется, моя коллега отнеслась к его просьбе положительно. Кроме того,

возражать против этого нет никаких явных причин. Ведь у Тано Каридди репутация уважаемого человека.

Они остановились под уличным фонарем. Казалось, им удалось преодолеть былую неприязнь, возникло даже нечто вроде взаимной симпатии.

— Если не считать того... — возразил Каттани.

— Не считать — чего?

— На основании показаний Сантелии мы могли бы произвести в Банке Антинари проверку. Но для этого необходимо заручиться поддержкой из Рима. — Каттани щелкнул пальцами. — Да, — продолжал он, — пожалуй, я знаю, к кому обратиться. В тот день, когда убили Тиндари, я познакомился с сенатором Салимбени.

На следующий день к доктору Конти пришла Эстер. Девушка хотела получить обратно свое кольцо. Каттани сказал ей, что оно конфисковано и может быть возвращено только через помощника прокурора. Оказалось, что синьора Конти не в курсе, впервые слышит об этом колье.

— О Боже, — встревожилась Эстер. — А где я могу найти комиссара?

— Как раз сейчас он едет на вокзал, а оттуда поездом в Рим.

Не долго думая, девушка решила перехватить комиссара. Каттани уже занял место в купе и читал газету, когда перед ним появилась Эстер, высокая, гибкая, невероятно красивая. Он не сразу поверил своим глазам, потом расплылся в улыбке:

— Не иначе, ты преследуешь меня. А если без шуток, куда едешь?

— Ну-ка догадайся, — проворковала она, садясь напротив.

— Не знаю. Что касается меня, то я еду в Рим.

— И я тоже...

Это был день поездок. Тано на машине с шофером отправился в Швейцарию. И вскорости уже сидел в кабинете у Антонио Эспинозы — высокого, весьма представительного мужчины лет шестидесяти, но еще полного жизненных сил.

— Наш общий друг Салимбени, — говорил ему Эспиноза, — обрисовал мне ситуацию. Вам хотелось бы избавиться от Рази: Гм! Это непростое дело.

Он встал, подошел к стенному шкафчику и взял магнитофонную кассету.

— Одна
кое-что, что
телефонно
бами. Кто-
он не саж
Потом это
погиб в к
которого
страховани
Тано с
стью.

— Фан
— Да,
цену. — Ст
сы. — Ваш
пустынный
вам кассе
остров.

Под ве
позвонил

— Пло
рассказал
прочест
нужно, д
рался вы
утром эт

— Уж
спросил

— Не
будет ва
меня пон

В ож
миссару
оставлял
вал в их
обида, ес
оказалас
шадь На
Эстер
богатой
недостат
ногам. Т
ла до

— Однако вот здесь, — продолжал Эспиноза, — есть кое-что, что может вам пригодиться. Это запись одного телефонного разговора, подслушанного секретными службами. Кто-то звонил Рази, желая предупредить его, чтобы он не садился на самолет, вылетающий таким-то рейсом. Потом этот самолет взорвался в воздухе, и знаете, кто погиб в катастрофе? Инженер Валенти, человек, пост которого Рази занял в руководстве «Международного страхования».

Тано смотрел на кассету с плохо скрываемой алчностью.

— Фантастика! — прокомментировал он.

— Да, действительно. Однако эта пленка имеет свою цену. — Старый Эспиноза пригладил прямые седые волосы. — Вашим сицилийским друзьям принадлежит один пустынный островок, который называется Тирене. Я дам вам кассету, а вы устройте так, чтобы мне подарили остров.

Под вечер, не успев Тано вернуться в Милан, ему позвонил Салимбени.

— Плохие новости, — сообщил сенатор и подробно рассказал о визите к нему Каттани. Комиссар дал ему прочесть показания директора казино и просил помощи — нужно, дескать, проверить Банк Антинари. — Я постарался выиграть время, — добавил Салимбени, — но завтра утром этот тип вновь придет ко мне за ответом.

— Уж не собираетесь ли вы его послушаться? — спросил Тано.

— Нет. Но решение этой непредвиденной проблемы будет вам кое-что стоить, — усмехнулся сенатор. — Вы меня понимаете?

В ожидании завтрашнего визита к Салимбени комиссару пришлось провести ночь в Риме. Эстер не оставляла его ни на минуту, настояла, чтобы он переночевал в их римской квартире, заявив, что воспримет как обиду, если комиссар снимет номер в гостинице. Квартира оказалась роскошной, с восхитительным видом на площадь Навона.

Эстер была типичной избалованной девицей из очень богатой семьи. Никогда в жизни у нее ни в чем не было недостатка. Все, чего бы она ни захотела, само падало к ее ногам. Теперь вот увлеклась Коррадо. И впервые испытала досадное ощущение, что не все, чего ей хочется, можно

получить. Коррадо от нее ускользал, был далек, недосига-
ем. Даже в эту ночь, проведенную в римской квартире,
когда они занимались любовью, ее не покидало мучитель-
ное чувство, что она влюбилась в неуловимую тень.

Наутро Каттани вновь пришел в приемную Салимбени.
— Нет,— сказал ему сенатор.— Затевать проверку в
Банке Антинари невозможно. Там все проверяли только
в прошлом году. И ничего не нашли. Могу показать вам
письменный отчет.— И он протянул ему толстую папку,
набитую документами...

Комиссар возвращался в Милан разочарованный,
в подавленном настроении. Эстер не отходила от него ни
на шаг. Но, прощаясь с ней, он и не подумал условиться
о следующей встрече. Сказал, что не знает, сумеет ли
с ней повидаться.

Глаза девушки наполнились слезами. Она поцеловала
его в губы. Попыталась улыбнуться, но вид у нее был
несчастный. Потом неожиданно схватила его за левую
руку, сняла с запястья часы.

— Иди,— сказала она.— А это я возьму себе. Хочу,
чтобы у меня было хоть что-то твое. На случай, если мы
с тобой никогда больше не встретимся.

ОПЕКУНСТВО

Комната была погружена в полумрак. Тано Каридди
распаковал большую коробку, и на свет божий появился
светловолосый пупс с голубыми глазами.

— Смотри, какой замечательный подарок я тебе при-
нес.

Маленькая Грета, забившись в уголок, никак не
отреагировала.— не пошевелилась, не произнесла ни сло-
ва. Сицилиец лез из кожи вон, чтобы завоевать ее
симпатию. Назавтра назначено заседание Суда по делам
несовершеннолетних, на котором должен решиться вопрос
об опеке над девочкой. Тано сейчас нужно во что бы то ни
стало наладить с нею хорошие отношения. Один ее враж-
дебный жест, одно слово могут все испортить.

Но Грета никак не поддавалась. Стояла бледная, со
взглядом, устремленным в пустоту, со скрещенными на
груди ручками, словно хотела защититься от этого чужого

человека, в льстивом тоне которого таилась скрытая угроза.

И тут с лестницы донеслись резкие крики. Двое телохранителей сицилийца силой удерживали Каттани, прорывавшегося в квартиру.

— Нам приказано не пускать тебя!

— Мне нужно увидеть девочку! — в бешенстве кричал комиссар.

Один из «горилл», со шрамом на правом виске, попробовал сбить его подножкой. Коррадо, пытаясь сохранить равновесие, пошатнулся, и тут же бандит хватил его кулаком в солнечное сплетение.

— Убирайся отсюда, если не хочешь, чтобы тебе переломали все кости! — прорычал второй телохранитель.

Каттани пыхтел, как разъяренный бык. Пригнув голову, он бросился на «горилл», но силы были неравные и ему бы крепко досталось; если бы на лестничной площадке не появился Тано.

— Прекратите! — рявкнул он.

Оба мгновенно ретировались. Тано спустился на несколько ступенек, прямой как палка, воплощенное высокомерие.

— Да кем ты себя вообразил? — крикнул он комиссару презрительным тоном. — Строишь из себя ангеламстителя, а сам всего лишь жалкий, нищий легавый!

— Тано Каридди! — Голос Каттани зловеще прогремел по всей лестнице. — Ты можешь взять Грету, можешь захватить банк, но запомни: спокойной жизни не жди. Я тебе не дам передышки, буду преследовать тебя повсюду. Даже в преисподней. — Каттани резко повернулся на каблуках, лицо его потемнело. Сделав несколько шагов, он обернулся и с мрачной усмешкой повторил: — Даже в преисподней.

На следующий день состоялось заседание Суда по делам несовершеннолетних. Судья пригласила войти Грету и посадила ее рядом с собой. Некоторое время ушло на обычные формальности, потом наконец перешли к сути дела.

Председатель суда с ласковой улыбкой обратилась к Грете:

— Послушай, дорогая. Ты знаешь этого господина, который сидит вон там?

Она указала на Тано. Мгновенно в зале настала мертвая тишина. Девочка еще больше нахмурилась.

Подняла глаза на неподвижно, как статуя, застывшего Тано.

— Да,— пробормотала Грета.— Это Тано.

— А теперь скажи мне,— ободряющим тоном продолжала судья,— любишь ли ты его?

Последовала долгая пауза. Девочка не отвечала, то и дело поглядывая в первый ряд; где сидел Коррадо.

Обеспокоенная тем, что ее молчание может негативно подействовать на судью, адвокат Тано поднялся и сказал:

— Ваша честь, я не понимаю такой настойчивости. Доктор Каридди всегда заботился о девочке. А кроме того, он единственный, кто просил назначить его опекуном Греты Антинари.

Судья покачала головой.

— Нет, не единственный.

Как, разве об опекунстве над девочкой просил еще кто-то другой? Это был совершенно неожиданный поворот дела. По залу пронесся шепот. Но кто решился потягаться с Тано Каридди?

Из задних рядов поднялся пожилой, слегка сутулый мужчина. Каттани обернулся и увидел знакомое жизнерадостное лицо Бернардо — монаха, который когда-то раскрашивал фигурки для рождественских яслей. Рясы на нем больше не было.

— Это я просил доверить мне девочку,— произнес он.— Моя фамилия Де Кристофорис. Я покинул монашескую обитель и создал здесь, в Милане, приют для сирот и детей, оставленных родителями.— Он послал девочке веселую улыбку.— Грету я хорошо знаю, ваша честь. Несколько месяцев она находилась в монастыре на моем попечении.

Его голос пробудил в памяти девочки светлые воспоминания. Она сразу вспомнила бывшего монаха, бросилась к нему, обняла за шею и жалобным голосом взмолилась:

— Возьми меня к себе, возьми меня!

После этой столь красноречивой сцены все сомнения судьи развеялись.

— Я приняла решение,— объявила она.— Девочка передается под опеку синьору Де Кристофорису, а принадлежащие ей сорок процентов акций банка будут находиться под контролем доктора Каридди.

Каттани вздохнул с облегчением. По крайней мере хоть маленькая Грета не попала в руки сицилийцу. Но откуда узнал обо всем бывший монах?

И тут
Сильвия
руку дев
— Ну
Корра
— Э
дать про
Силь
и перест
в совер
Силь
— В
меня оче
— К
бывший
— Д
перейти
Из з
— Я
ты всег
Катт
— З
окужан
самомне
мне бу
убитым
был уст
в этот д
привяза
вать, ст
— Т
она.
— С
сторонь
Сил
— С
тебя та
Ее к
коротко
голубы
Они
погруст
—
на м

И тут из глубины зала появилась помощник прокурора Сильвия Конти. Она подошла к Бернардо, державшему за руку девочку, и с торжеством проговорила:

— Ну что ж, победа за нами!

Коррадо непонимающе уставился на них.

— Это синьора Сильвия попросила меня срочно подать прошение об опекунстве,— объяснил Бернардо.

Сильвия? Каттани всегда считал ее формалисткой и перестраховщицей, и вот она предстала перед ним в совершенно новом свете.

Сильвия словно прочитала мысли Коррадо.

— Вы тоже,— сказала она,— сначала произвели на меня очень невыгодное впечатление.

— Как? Вы до сих пор еще на «вы»? — удивился бывший монах.

— Да, и вправду,— согласилась Сильвия,— пора нам перейти на «ты»...

Из зала суда Сильвия и Коррадо вышли вместе.

— Я себя часто спрашиваю,— сказала она,— почему ты всегда со всеми такой сумрачный?

Каттани чиркнул зажигалкой и закурил.

— Знаешь,— ответил он,— я стараюсь держаться от окружающих на некотором расстоянии. И это не из-за самомнения или высокомерия. Просто знаю — не вечно же мне будет так везти. Рано или поздно меня найдут убитым.— Он курил, делая глубокие затяжки, взгляд его был устремлен куда-то далеко.— Так вот, я не хочу, чтобы в этот день рядом оказался кто-то, кто меня любит, ко мне привязан. Не хочу, чтобы кому-то пришлось меня оплакивать, страдать из-за меня.

— Тебя ведь так или иначе многие любят,— возразила она.

— С чего это вдруг такая трогательная с твоей стороны забота? — спросил Каттани.

Сильвия пожала плечами.

— Сама не знаю. Может, потому, что всегда вижу тебя таким одиноким и замкнутым.

Ее красивое, с правильными чертами лицо обрамляли коротко стриженные светлые волосы. Теплый взгляд голубых глаз придавал лицу мягкую привлекательность.

Они подошли к своим машинам. Сильвия, казалось, погрузилась в свои мысли.

— Ну что ж, до завтра.— Она задержала его ладонь на мгновение в своей и пристально заглянула ему в глаза.

Тано возвратился в банк в самом мрачном настроении. Но неудача в суде только подхлестнула его на очередные интриги.

Первым делом он послал Рази кассету с записью, полученную в Швейцарии от Эспинозы. Вскоре тот с замешательством сердца слушал голос, записанный на пленку. Его телефонный собеседник предостерегал: «Рази, с тобой говорит один из твоих друзей. Если хочешь стать председателем правления, не садись сегодня вечером в самолет вместе с инженером Валенти...»

Этот звонок, спасший ему жизнь, теперь превращался в обвинительный акт против него. Выходит, он знал, что самолет взорвется, но ничего не предпринял, чтобы предотвратить катастрофу. В конечном счете ведь ему было выгодно, чтобы в результате несчастного случая погиб стоявший у него на пути Валенти.

Однако теперь об этом стало известно Тано. И Рази, попав к нему на крючок, вынужден иметь с ним дело. Сицилиец недвусмысленно дал ему это понять: позвонил по телефону и сказал, что был бы весьма благодарен, если бы Рази пригласил его завтра к себе на обед. Тот ответил, что, разумеется, будет счастлив с ним отобедать.

Тано явился минута в минуту. Галантно склонясь, поцеловал руку Эстер. Держался весьма почтительно и с ее отцом. Но доктора Рази все равно не покидали тревога и внутреннее напряжение.

Все трое сели за стол. Рази был вдовец, кроме дочери, у него никого не было. Слуга подал обед, потом удалился на кухню.

Эстер озабоченно переводила взгляд то на одного, то на другого, смутно догадываясь, что между ними произошло нечто весьма серьезное. Словно взывая о помощи, она нервно вертела вокруг запястья браслет с часами, которые взяла у Каттани.

Сицилиец первым нарушил молчание:

— Поговорим о делах, доктор Рази. Послушайте, что я предлагаю. Давайте подпишем с вами — вы и я — соглашение. Объединим наши силы и станем одной из самых крупных финансовых групп в мире.

— Это невозможно. — Рази смотрел куда-то в пустоту. От одной мысли о сговоре с сицилийцем у него мороз подирал по коже. Он с трудом проглотил слюну и отложил нож и вилку, аппетит у него пропал напрочь. — Все подумали бы, что тут дело нечисто. Мы с вами слишком

разные люди, чтобы наш союз не вызвал подозрений. Тано его заявление ничуть не смутило.

— Я уже продумал этот аспект. Есть способ избежать нежелательных комментариев. — Он вскинул голову и произнес с вдохновенным видом: — Мы сделаем неожиданный ход, который будет встречен с одобрением и все оправдает. Я женюсь на вашей дочери!

Предложение было столь неслыханным по своей наглости, что Рази, вздрогнув, уронил бокал с вином. Эстер же от изумления остолбенела и чуть не поперхнулась.

— Речь идет о формальном браке, — уточнил сицилиец. — Он носил бы чисто деловой характер. Мы с вашей дочерью не будем спать вместе и через несколько месяцев без труда все уладим при помощи развода.

— Вы сошли с ума! — взорвался возмущенный Рази. — Уходите!

— У вас нет выхода, — невозмутимо парировал Тано. — Вы сидите по уши в дерьме. Разве не так?

Рази, сознавая свое поражение, опустил голову. Дочь с беспокойством вглядывалась в него.

— Папа, — наконец нарушила она тягостное молчание, — если это тебе поможет, я выйду за него. — Она пожала плечами. — В сущности, почему бы и нет?

СВАДЬБА

Адвокат Эгирас после убийства Юфтера словно сквозь землю провалился. Но однажды утром он явился к Каттани в полицейское управление. Комиссара не было на месте, и он просил дежурного передать ему записную книжку.

— Отдайте ему эту книжечку, — сказал адвокат. — Она принадлежала Юфтеру и, наверно, сможет ему пригодиться.

Это произошло в среду. На улице лил проливной дождь. Но на следующее утро вновь проглянуло бледное осеннее солнце. Маленький Эгирас, в шляпе с твердыми полями и с портфелем под мышкой, торопливо семенил к себе в контору.

Опасливо оглянувшись на повороте, он побледнел. Медленно и неумолимо за ним следовал металлизированный «рэндж-ровер». Эгирас почувствовал, что погиб. Заметив впереди таксофон, он нырнул в него и,

задыхаясь от страха, набрал номер полицейского управления.

Дождаться ответа он не успел. «Рэндж-ровер» резко рванул вперед, сделал неожиданный вираж и въехал на тротуар. Маленького Эгираса раздавило насмерть. Бросившиеся на помощь прохожие нашли его лежащим на земле. Чудом уцелевшая шляпа покоилась на его расплющенной груди.

Каттани надеялся, что гибель принесшего себя в жертву адвоката окажется хотя бы не совсем напрасной. Страничка за страничкой он внимательно перелистал записную книжку Юфтера. Но записей в ней было не так уже много, да к тому же все неразборчивые. Однако на одной из страниц комиссар нашел любопытный рисуночек. Турок начертил нечто вроде треугольника, к каждому из углов приписав фамилии: Фроло, Тиндари, Де Пизис. Что общего у этих трех человек, что их объединяет? И кто такой Де Пизис?

Комиссар отправился за разъяснением к Фроло. Но несчастный не мог сопоставить эти имена. И клялся, что фамилию Де Пизис слышит впервые в жизни.

Когда Каттани возвратился на работу, его там ожидал сюрприз. На его столе лежал красивый букет.

— Кто принес эти цветы? — спросил он.

Полицейские смущенно переглянулись.

— Какая-то синьорина, — пожал плечами один из них.

— Сказала, что ее зовут Эстер, — добавил другой. — Там есть записка.

Озадаченный Каттани затворил за собой дверь и вскрыл конверт. Прочитав записку, он пришел в еще большее изумление. Эстер ему писала: «Прощай, комиссар, я выхожу замуж».

Комиссар как ошпаренный выскочил из кабинета, сел в машину и помчался на виллу Рази.

Эстер встретила его с напускной веселостью.

— Рада тебя видеть. — Она поцеловала Каттани и нежно погладила его по щеке.

— Почему ты мне тогда не сказала, что собираешься замуж? — хмуро отстранился он.

— Потому что тогда еще не знала. — С подчеркнутой беззаботностью она тряхнула головой, и ее длинные светлые волосы заструились волнами. — Я даже не знала, кто мой жених.

— Ах, знач
иронически пр
Промолчав
следил за ее
девушка с та
таким занимае
— Ты сер
нулся к разг
пошутила.

— Вполне
— Ну дав
— Челове
— Как е
тревога.

— Тано
Лицо Кат
происходит н

— Ты чт
Эстер ме
— Да не
Тут комис
щению:

— Ты эт
Он схват
— Ты не
пом бешенст
чая смесь с
к этому сиц
у него жен

— Пуст
но. — Лицо
И кроме то
без всякого
Девушк
Сжал за п

— Нет,
глупость!
Эстер д
ветром. И
хом:

— Ухо
Бешено
тиски и от
него, исп

— Ах, значит, настоящая любовь с первого взгляда, — иронически прокомментировал Коррадо.

Промолчав, она предложила комиссару виски. Он следил за ее движениями, спрашивая себя, почему эта девушка с таким нестерпимо безмятежным личиком все-таки занимает какое-то место в его сердце.

— Ты серьезно говорила насчет замужества? — вернулся к разговору Каттани, втайне надеясь, что она пошутила.

— Вполне серьезно, — ответила Эстер.

— Ну давай выкладывай, кто он?

— Человек, которого ты знаешь.

— Как его зовут? — В глазах Каттани мелькнула тревога.

— Тано Каридди.

Лицо Каттани окаменело. Комиссар почувствовал, что происходит нечто чудовищное.

— Ты что, смеешься надо мной? — прохрипел он.

Эстер медленно покачала головой.

— Да нет же.

Тут комиссар дал наконец выход своей ярости и возмущению:

— Ты этого не сделаешь! Я тебе не позволю!

Он схватил девушку за руки и с силой их сжал.

— Ты не можешь нанести мне такого удара! — в слепом бешенстве кричал Коррадо. В нем взорвалась гремучая смесь оскорбленного самолюбия и дикой ненависти к этому сицилийцу, который после Джулии вновь отнимал у него женщину.

— Пусти меня, — стонала Эстер. — Пусти, мне больно. — Лицо ее исказилось страдальческой гримасой. — И кроме того, тебе-то что до этого? Ты ведь бросил меня без всякого сожаления, ни минуты не колеблясь.

Девушке удалось вырваться. Но он ее снова схватил. Сжал за плечи и начал трясти.

— Нет, я не разрешу тебе сделать такую страшную глупость!

Эстер дрожала и билась в его руках, как лист под ветром. И рыдала. Кричала и плакала, охваченная страхом:

— Уходи, убирайся!

Бешенство Каттани немного улеглось, он ослабил тиски и отпустил ее. Эстер, тяжело дыша, попятилась от него, испуганно забилась в угол комнаты.

— Как ты меня напугал, — проговорила наконец она, массируя запястья.

Ярость Каттани вся выдохлась. Опустошенный, обессиленный, бросил он затравленный взгляд на девушку и пошел к двери.

— Не уходи, — в отчаянии взмолилась Эстер. — Ты меня любишь? Я тебе нужна. Если хочешь, я все пошлю к черту. — Ее голос звучал все жалобней. — Скажи только, что я тебе нужна...

Но Коррадо не ответил. Вышел, хлопнул дверью подъезда. Щемящая тоска и отчаяние навалились на него. Вся его жизнь предстала перед ним как одно сплошное поражение.

В эту минуту подобное же чувство испытывала и помощник прокурора Сильвия Конти. Ее брак трещал по всем швам. Сказать по правде, это была настоящая катастрофа. Конечно, она не могла не признать, что муж ее — прекрасный человек, всегда к ней очень внимателен. Да, от их брака осталось разве что взаимное уважение. А все остальное давно уже в прошлом.

Избрание мужа в сенат еще более усложнило ситуацию. Теперь ему приходилось то и дело уезжать в Рим и оставаться там на целые недели. Домой в Милан он возвращался лишь на субботу и воскресенье.

Она глядела, как он завязывает галстук, про себя удивляясь, как этот преждевременно состарившийся мужчина с редкими седыми волосами и торчащим брюшком мог когда-то вскружить ей голову.

— Ну, как идет твое расследование? — поинтересовался муж. Он, как всегда, был внимателен и заботлив.

— Продвигается со скрипом, — ответила Сильвия. — Сегодня мне удалось вырвать у владельца казино еще одну важную подробность. Он назвал имя ассессора муниципалитета, некоего Канопио. — Она уложила рубашку мужа и закрыла чемодан. — Кажется, этот Канопио смотрит сквозь пальцы на доходы казино. В среднем доход там за один вечер составляет парочку миллиардов. А казино в налоговой декларации указывает лишь один миллиард. И таким образом не выплачивает полностью налога городским властям. Канопио в курсе, но закрывает на это глаза — наверно, не задаром.

— Ох уж эти политиканы, — вздохнул муж с осуждаю-

шим жестом. — Вечно гоняются за деньгами. — Он натянул плащ. — Ну, дорогая, мне пора.

— Ну что ж, до свидания. — Сильвия с натугой улыбнулась, не поднимая глаз на мужа.

Он обнял ее и чмокнул в щеку.

— Так не хочется оставлять тебя здесь в одиночестве. Может, лучше бы я продолжал преподавать в университете.

Когда он ушел, Сильвия сбросила туфли и растянулась на диване. Она чувствовала себя глубоко несчастной.

Среди жен с невеселым выражением лица несколько дней спустя стало на одну больше. Эстер, вся в белом, прекрасная, как королева, сочеталась браком с сицилийцем Тано Каридди. В церковке готического стиля на церемонии собралась немногочисленная группка приглашенных, из самых избранных, все в изысканных туалетах, соответствующих такому торжественному случаю. Когда священник провозгласил: «Хочешь ли ты, Эстер Рази, взять в законные супруги присутствующего здесь Тано Каридди?», девушка еле слышно прошептала: «Да» — и отвела глаза от жениха.

От Тано не укрылось неприязненное ее отношение. Но ему от этого было ни жарко ни холодно. Он прекрасно понимал, что это брак не по любви. И все-таки приготовил фантастический сюрприз, желая поразить Эстер.

Ее отец как-то показал сицилийцу одну восхитительную виллу — сплошные маленькие оконца и островерхие крыши: она высилась на холме неподалеку от виллы, принадлежащей Рази. Эстер с ума сходила по этому дому. Отец пытался его купить, но тщетно. Вилла принадлежала старухе — английской аристократке, которая вовсе не собиралась ее продавать.

По окончании церемонии молодые сели в черный «мерседес». Тано жестом указал шоферу на дорогу, выходящую вверх, к холму. Машина, мягко поднявшись по живописной аллее между двумя рядами кипарисов, въехала в большой сад перед виллой англичанки.

— Что это значит? — спросила Эстер.

— Вот мы и на месте, — объявил Тано. — Эта вилла — мой свадебный подарок.

Девушка закрыла лицо руками. Она была и счастлива, и в то же время глубоко несчастна. Выйдя из машины, она сорвала белую вуаль и побрела по аллее сада. Перед нею

стояло лицо Каттани, в ушах звучали его слова: «Ты не должна этого делать, не должна выходить за этого человека».

А комиссар тем временем был занят одной операцией, которая могла оказаться весьма рискованной. Предстояло перевезти Фроло под конвоем в тюрьму города Алесандрии. Во дворе полицейского управления царило необычное оживление. Хлопали дверцы машин, фырчали моторы, визжали по асфальту покрышки.

Маленький автомобильный кортеж тронулся под вой сирен. Город остался позади, машины выехали на авто-страду.

Впереди был объезд. Дорога сузилась, машины с зажженными фарами выстроились гуськом в один ряд. Никто не заметил, что, как только проехали полицейские автомобили, двое мужчин в рабочих комбинезонах переставили за ними дорожные знаки, закрыв проезд.

Теперь машины, прибавив скорость, ехали в легком тумане под мелким дождиком. Каттани сидел в головном автомобиле. Вид у него был озабоченный. Он поддерживал постоянную связь по радио с другими машинами.

— Стой, стой! — неожиданно закричал он в микрофон. — Задний ход! Всем покинуть машины!

Сразу же за поворотом путь преграждал поставленный поперек дороги большой грузовик. Они не налетели на него только благодаря везению и ловкости водителей. Но попали в смертельную ловушку. С грузовика загремели выстрелы. Пули сразу скосили двоих полицейских, а Каттани, выскочив из машины, кубарем скатился в кювет.

Его примеру последовали остальные. Один из полицейских увлек за собой и конвоируемого. Теперь их маленький отряд с оружием в руках занял оборону, но вряд ли у них была возможность с надеждой на успех перейти в контратаку. Перед ними было открытое пространство, а нападавшие по-прежнему оставались невидимыми призраками. Пули продолжали сыпаться градом и дважды поразили Фроло, который вскинулся и упал, обливаясь кровью.

Каттани крикнул одному из полицейских, чтобы тот прополз вперед по кювету и обошел бандитов с тыла. Но в тот момент, когда комиссар чуть высунулся, чтобы отдать команду, пуля оцарапала ему предплечье.

Внезапно огонь прекратился. Бандиты скрылись. В это время подоспело подкрепление. Санитарные машины заб-

рали раненых
жизни.

Прибыла
в крови, он

— Ты р
— Цара

Сильвия
пиджак и п

— Нице
Он выт

повязку.

— Не т

Надо узнать

Комисса

не покидал

Фроло

в двух мес

Он неп

водянистые

мольбой.

— Ты д

Если справ

дочери.

На лице

медленно

Каттани

лось устр

убить Фро

чтобы отом

по какой-т

то важным

Как б

недоволен

брату Нит

— Ты

прикончит

Они же об

Недово

Эспинозе.

— Да

хочется, п

Нитто.

— Ни

за преж

рали раненых и Фроло, который не подавал признаков жизни.

Прибыла и Сильвия. Увидев, что рукав у Каттани весь в крови, она еле сдержалась, чтобы не закричать.

— Ты ранен, — только и сказала она.

— Царапина, — ответил Коррадо.

Сильвия обтерла ему лицо платком, помогла стащить пиджак и позвала врача, чтобы тот осмотрел рану.

— Ничего серьезного, — подтвердил врач.

Он вытер кровь смоченным тампоном и наложил повязку.

— Не теряйте на меня время, — сказал Каттани. — Надо узнать, что с Фроло.

Комиссар приказал отвезти его в госпиталь, Сильвия не покидала его ни на минуту.

Фроло был жив. Но полностью парализован — пули в двух местах задели костный мозг.

Он неподвижно лежал на больничной койке. Его водянистые глаза смотрели на Каттани и Сильвию с немой мольбой.

— Ты должен выстоять, — подбодрил его комиссар. — Если справишься, обещаю отвезти тебя на могилу твоей дочери.

На лице Фроло не дрогнула ни одна жилка, но по щеке медленно покатилась слеза.

Каттани никак не мог понять, зачем мафии понадобилось устраивать это массированное нападение, чтобы убить Фроло. Неужели они это затеяли лишь для того, чтобы отомстить за Тиндари? Или же его хотели устранить по какой-то другой причине? Может, ему известен какой-то важный секрет?

Как бы то ни было, но Глава Семьи был весьма недоволен результатом и строго выговаривал своему брату Нитто.

— Ты безмозглый дурак, — сказал он. — Надо было прикончить Фроло, а заодно избавиться и от комиссара. Они же оба остались живы. Столько шума из-за ничего!

Недовольство его вызывала и передача острова Тирене Эспинозе. Нитто обещал это Тано.

— Да там пусто, только пасутся козы. Если ему так хочется, пусть берет его себе на здоровье, — оправдывался Нитто.

— Ни в коем случае, — оборвал его старик. — Эспиноза прежде должен сказать, зачем ему понадобился остро-

вок. А если не скажет, то ни черта не получит. Пусть там по-прежнему пасутся козы.

ГОСТИНИЦА

На столе громоздились стопки конвертов с диапозитивами. Давиде Фаэти брал один диапозитив за другим, внимательно разглядывал их против света в лупу и отбирал изображения обнаженных женщин, которые соби-рался поместить в очередном номере своего порногра-фического журнала.

Но в то утро Фаэти был не в лучшей форме для такого рода работы. Настроение у него было препаршивое. Он придвинул к себе поближе лежащую на столе грудку газет и перечел сообщения о засаде, в которую попал Каттани со своими людьми.

Когда-то Фаэти верил в профессию журналиста. Пока жил на Сицилии, относился к своей работе со всей ответственностью. Искренне надеялся, что его деятельность принесет хоть какую-то пользу. Потом мафия отправила на тот свет судью Фьорани, которого он любил как родного брата, и все пошло прахом.

Фаэти отшвырнул лежавшие перед ним газеты. Отки-нулся на спинку рабочего кресла. До какого же предела могут озвереть люди? — спросил он себя. Взгляд его упал на фотографии голых баб, и он с отвращением поморщил-ся.

Все, с него довольно. Он вскочил, схватил плащ и отправился в полицейское управление. Надо поговорить с Каттани.

Подойдя к полицейским корпусам, он заметил какого-то укrywшегося за углом типа. Поглядывая на здание полиции, он что-то чертил на листке бумаги. Фаэти проследил направление его взгляда. Куда он смотрит, оказалось не так трудно понять. Внимание его было приковано к окнам кабинета Каттани.

Он рисовал планчик той части дома, где работала команда комиссара. Закончив, мужчина аккуратно сло-жил бумажку, спрятал в карман и, озираясь по сторонам, быстрым шагом пошел прочь.

Фаэти, соблюдая дистанцию, последовал за ним. Муж-чина вошел в кондитерскую, а журналист продолжал наблюдать за ним сквозь витрину. Он увидел, как тот снял

плащ и ока-
с чертежом
торт.

Фаэти к
цати. Как
у него вспо-
нившись в
рассказал
дем!» — по

Выглян
кондитерск
с тортом. У
вал за ним
переулок и

В эту
ская маши
и совсем о
стали наб
магазина.

Замети
помещение
гостиницы
312.

— Сук
вых! — ря

Нитто
в руки это
мафии бы
хранителе
Гигантско
и тупой, о
видом.

— Жи
Прокл
укладыва
лись и м
послышал
подкрался

Он рез
пытавший

— Ох
крайнее у
чертова
номер 31

плащ и оказался в белом халате кондитера. Взяв листок с чертежом, он положил его на поднос и поставил сверху торт.

Фаэти кинулся искать таксофон. Нашел метрах в двадцати. Как ни старался он держаться спокойно, ладони у него вспотели, а рука, набирая номер, дрожала. Дозволившись в оперативный отдел, он срывающимся голосом рассказал о том, чему стал свидетелем. «Сейчас приедем!» — поспешно ответили на другом конце провода.

Выглянув из кабины, Фаэти засек тот момент, когда из кондитерской вышел мальчик-посыльный, неся поднос с тортом. Увидел, как тот перешел через улицу, и последовал за ним. Мальчишка свернул налево, потом в какой-то переулок и наконец нырнул в подъезд гостиницы.

В эту минуту мимо кондитерской проехала полицейская машина. Она двигалась очень медленно, а потом и совсем остановилась. Сидящие в ней двое полицейских стали наблюдать сквозь витрину, что происходит внутри магазина.

Заметив это, владелец кондитерской бросился в заднее помещение к телефону. Он набрал номер коммутатора гостиницы и попросил соединить его с жильцом комнаты 312.

— Сукин сын, ты засветился и навел на след легавых! — рявкнул в ответ раздраженный голос.

Нитто был вне себя от бешенства, попадись ему сейчас в руки этот кондитер, он бы его задушил. Брат главаря мафии был в этот момент в компании своих трех ангелов-хранителей. Того, что был за старшего, звали Сальери. Гигантского роста, с квадратной физиономией, зверской и тупой, он мог кого угодно привести в ужас одним своим видом.

— Живее, — прошипел Нитто, — надо рвать когти.

Проклиная последними словами кондитера, они стали укладывать вещи. Вдруг все как по команде вскинулись и молниеносно прижались к стенам. За дверью послышался какой-то шум. Нитто подал им знак и подкрался к двери, сжимая в кармане пистолет.

Он резко распахнул дверь и увидел перед собой Фаэти, пытавшегося вставить ключ в замочную скважину.

— Ох, извините! — воскликнул журналист, изображая крайнее удивление. — Должно быть, я ошибся, синьор. Вот чертова рассеянность! Разве это не 318? Ах, нет — это номер 312. Еще раз прошу прощения.

Успев краем глаза заглянуть в приоткрытую дверь, он заметил на журнальном столике поднос с тортом. Войдя в номер 318, Фазти тотчас вызвал по телефону Каттани.

— Сейчас будем, — ответил комиссар, — но ты уматывай. Понял? Живее уходи, чтоб духу твоего там не было!

Несколько минут спустя постояльцы 312-го номера один за другим вышли в коридор. Фазти, прижав ухо к двери, ловил каждый звук. Слышал, как они вызвали лифт и как потом все стихло. Он переждал еще несколько секунд и выскользнул за порог.

Осторожно вошел в номер 312. Но как раз в этот момент неожиданно вернулся один из «горилл». Сразу смекнув, что происходит, он выхватил из-за пояса пистолет и приготовился ворваться в комнату, где шарил Фазти.

Все произошло в одно мгновение. С лестничной площадки прогремел приказ:

— Брось оружие!

Это был Каттани. Телохранитель Нитто, на мгновение пригнувшись, застыл, потом вдруг резко повернулся. Но комиссар успел выстрелить первым в руку, в которой тот сжимал пистолет.

Почти сразу бандита окружили полицейские. Выяснилось, что они арестовали Франческо Де Рита по прозвищу Улитка.

Взяли также и кондитера, нервного мужчину с хмурыми выпученными глазами.

— Меня зовут Сильво Мароццо. А друзья называют Дзиккитедда. Госпожа судья, — поспешил сообщить он допрашивавшей его Сильвии, — я ничего не знаю.

Конечно, не более красноречив был и Улитка.

— Милан мне очень нравится, — ухмыльнулся он, — я приехал сюда, чтоб отдохнуть и развлечься.

Больше из него не удалось вытянуть ни одного связного слова. Зато другой арестованный готов был говорить без удержу.

А между тем директор казино Сантелиа попросил вызвать к нему Сильвию и Каттани. Насмерть перепуганный, белый как полотно, сидел он в комнате для свиданий с заключенными и глядел на них умоляющими глазами.

— Вы должны защитить меня, — бормотал он. — Сегодня я вернулся с прогулки и увидел у себя в камере

повешенно
на тот све
— Да
— Вот
и Дзиккит
— А
— Он
вхожу ни
Единствен
меня пони
Катта
Сильв
удивление
раскрыл.
удается п
ких прав
— По
обещаю
бы это ск
подтолкн
Санте
чтобы ра
— Ск
— Пр
мафии?
— Бе
От страх
Нервы б
они назы
с некото
и Улитка
человек
сти в не
Силь
листок с
го мужч
него, то
— Д
не осмел
ку даже
Катт
был сде
подтвер
в перес

повешенного кота. Это предупреждение! Меня отправят на тот свет, попомните мое слово.

— Да кто же? — спросила Сильвия.

— Вот эти двое, которых вы арестовали — Улитка и Дзиккитедда.

— А с чего им иметь на вас зуб?

— Они знают, что я собираюсь все выложить. Я не вхожу ни в какую из их клик и хочу выйти из игры. Единственное, чего мне хочется, — это жить спокойно. Вы меня понимаете?

Каттани молча кивнул.

Сильвия про себя отметила, что комиссар ведет себя на удивление сдержанно, за все время ни разу рта не раскрыл. Ее забавляло, что ей, кажется, постепенно удастся приручить этого человека, не признающего никаких правил в их профессии.

— Послушайте, — обратилась она к Сантелии, — я обещаю перевести вас в одиночную камеру. Однако... как бы это сказать? Вы тоже со своей стороны должны как-то подтолкнуть меня на этот великодушный шаг.

Сантелия только и ждал чего-нибудь в таком роде, чтобы расколоться.

— Скажите, что вас интересует.

— Прежде всего — казино. Оно, наверно, в руках мафии?

— Без всякого сомнения. — Сантелия облизал губы. От страха у него пересохло в горле, слегка подташнивало. Нервы были на пределе. — Того, кто всем распоряжается, они называют Главой Семьи. Я не знаю, кто он. Но знаком с некоторыми из его людей. К его клану принадлежат и Улитка с Дзиккитеддой. Но самый из них страшный — человек по фамилии Сальери. Ростом со шкаф, а жестокости в нем хватит на хищного зверя.

Сильвия раскрыла свою папку и протянула Сантелии листок со словесным портретом, изображавшим массивного мужчину с грубыми чертами лица. Едва взглянув на него, тот вздрогнул и взволнованно воскликнул:

— Да, это он! Точно он! — И сразу же отвел взгляд, не осмеливаясь смотреть в лицо этому страшному человеку даже на рисунке.

Каттани и Сильвия переглянулись. Словесный портрет был сделан после засады на автостраде. Это было первое подтверждение участия Сальери и других людей Нитто в перестрелке.

Каттани, видимо, все-таки не очень твердо усвоил уроки Сильвии — не смог удержаться и вмешался:

— Расскажите про Фроло. Имеет ли он какое-нибудь отношение к казино?

Сильвия, лишь благосклонно кивнув, промолчала.

— Нет, об этом Фроло мне ничего не известно, — клятвенно заверил Сантелиа.

— В прошлый раз, — продолжала Сильвия, — вы упомянули об ассессоре Канопио.

— Да, да. Канопио исподтишка работал на то, чтобы передать казино Тиндари. Ему удалось привлечь на свою сторону половину муниципального совета. — Сантелиа вздохнул и покачал головой, словно говоря, что мог бы многое об этом рассказать. — Одному человеку эта история даже стоила жизни. Да-да, одного ассессора, который требовал приостановить передачу казино, нашли на дне колодца. — Сантелиа с безнадежным видом развел руки. — Этот Канопио опасный человек. Говорят, он пользуется поддержкой со стороны какой-то важной шишки в Риме.

После беседы с Сантелией стало просто необходимым выслушать Канопио.

Ассессор — невысокий, коренастый господин, явно злоупотреблявший одеколоном, — не совсем ясно представлял себе, что от него вдруг понадобилось доктору Конти. А когда понял, какой вопрос ее интересует, сразу стал держаться настороженно.

— Взгляните-ка сюда. — Сильвия говорила с угрожающим спокойствием, помахивая у него перед носом протоколами с показаниями Сантелии. — Что это значит, ассессор? Как понять все то, что про вас рассказывают?

Сперва ассессор попытался отмахнуться от предъявленных обвинений.

— Да сущие пустяки. Поверьте мне, чистые выдумки.

— Ну это как сказать, — наседала на него судья. Она вынула из ящика письменного стола счетные книги казино. Согласно записям, выручка достигала ежедневно двух миллиардов, что явно противоречило сведениям, предоставляемым в муниципалитет, по которым она не превышала одного миллиарда.

— Вам обо всем прекрасно известно, но вы закрываете на это глаза, потому что получаете проценты. Да, да, и даже не пытайтесь отрицать. Мы нашли также ваши

заметки, из которых со всей очевидностью явствует, что не вы один берете деньги — еще и другим передаете.

Канопио сильно побледнел. Он вряд ли предполагал, что его могут вот так припереть к стене и он не сумеет никак выкрутиться. На лице доктора Конти было написано такое презрение, что его словно парализовало.

Ассессора не выпустили из полицейского управления.

— Вы арестованы, — объявила Сильвия.

Полицейские увели Канопио в наручниках, а Сильвия наконец расслабленно откинулась на спинку кресла, массируя переносицу. Быть может, хоть на этот раз, подумала она, удастся довести дело до конца и все не лопнет как мыльный пузырь.

Во дворе полицейского управления ее ожидали репортеры. Она решила не уклоняться от разговора.

— Могу вам сообщить, — начала она, — что мы задержали двух человек, участвовавших в нападении на полицейские машины на автостраде. Теперь ведем розыск их главаря. — Она достала из сумки словесный портрет Сальери и подставила его под объективы телекамер. — Вот этот человек. Кто его видел, очень поможет нам, если сообщит.

Каттани, тоже выйдя в это время во двор, застал Сильвию, обличавшей мафию перед телекамерами. Бросив сигарету, он быстро сбежал со ступенек, взял Сильвию под руку и бесцеремонно потащил ее прочь.

— Ты что, с ума сошла? Не смей и рта раскрывать, тебе надо помалкивать. Если они увидят, что ты опасна, что ты грозишь им, разделаются с тобой без всякой жалости.

И он был прав. В своем новом убежище Нитто и Сальери внимательно смотрели по телевизору импровизированную пресс-конференцию на дворе полицейского управления.

— Шлюха! — с угрозой прорычал Нитто. — Дайте мне ее, эту стерву. Ну только попадись она мне в руки!

МЕСТЬ

Склонившись над разложенными на столе документами, Рази и Тано решали, какие следует предпринять шаги.

— Вы должны направить наши усилия вот в этом направлении, — сказал председатель правления, ткнув пальцем в усеянный цифрами листок.

Тано удивленно взглянул на него:

— Вы мне советуете скупить акции двух мощнейших компаний. Ведь «Бартон» и «Селис» обойдутся в астрономическую сумму.

Рази не пытался скрыть раздражения:

— Вы, кажется, обратились ко мне за консультацией, не так ли? Вот я и рекомендую купить эти две компании. Обе вместе они контролируют четырнадцать процентов акций «Международного страхования». И в настоящее время обе испытывают нехватку наличных средств. Вы их приобретете за пять тысяч миллиардов, а цена им — все тридцать!

Тано удовлетворенно ухмыльнулся:

— Нам надо разрешить еще один вопрос. Когда состоится следующее заседание административного совета?

— Через неделю. Сразу после Рождества.

— На этом заседании вы должны добиться моего избрания заместителем председателя, — категорическим, не допускающим никаких возражений тоном заявил Тано.

— Да вы с ума сошли! — взорвался возмущенный Рази. — Разве я сумею убедить остальных?

— Вам прекрасно известны уязвимые места каждого из членов совета. Я уверен, что вам удастся это сделать. Не забывайте — ведь я муж вашей дочери.

Рази повернулся к Тано как ужаленный. На нем лица не было.

— Вы чудовище! Заместитель председателя правления наследует пост председателя в случае его смерти. Что вы задумали, какие у вас планы?

Ответа он не дождался. Тано собрал свои бумаги и направился к двери.

— Счастливого Рождества, господин председатель.

На следующее утро Рази проснулся в самом отвратительном настроении. Его душила злоба. Он побродил по слишком большому дому, поглядел в окно на подернутые легким туманом поля и вдруг почувствовал себя таким одиноким, как никогда в жизни.

Он решил съездить к дочери. Эстер встретила его очень ласково. Погладила по щеке, подтянула узел галстука, поправила платочек в верхнем кармашке пиджака.

— С тех пор как ты уехала, — пошутил он, — никто за мной не присматривает.

— Ох, папа...

Рази несколько раз опасливо оглянулся.

— А ты одна дома?

— Да, папа, Тано в Швейцарии. Он сказал, что едет куда-то под Локарно. Не помню, как это место называется... Кажется, Гульяте.

— В Гульяте? На виллу «Паузания»?

Он сразу помрачнел. Эстер заметила тень, пробежавшую по лицу отца.

— А кто живет на этой вилле?

— Один очень влиятельный человек. Его фамилия Эспиноза.

— Ты его знаешь?

— Да, я-то знаю. Но представления не имел, что с ним знаком Тано.

Рази сжал кулаки. Казалось, к нему вернулось присутствие духа. Словно он вдруг понял, откуда все его неприятности.

— Ну что ж, — почти весело сказал он, — разве я не заслужил, чтоб меня угостили чашечкой кофе?

В этот утренний час кофе пила у себя дома и Сильвия. В одиночестве, совершенно не скучая по мужу. Положив чашку в мойку, бросила на себя последний взгляд в зеркало. Светлые, лучистые глаза, на носу несколько веснушек, но они ее нисколько не портят, а даже, наверно, к лицу. «Боже мой, — подумала она, — ну разве я похожа на грозу мафии?»

Спустилась в гараж. Поискала в сумочке ключи и стала открывать дверцу машины, как вдруг кто-то одной рукой с силой схватил ее за горло, а другой зажал рот. На напавшем был рабочий комбинезон. Второй бандит, тоже в комбинезоне, приподнял Сильвию за талию и втолкнул в автофургон.

Женщину била дрожь. Она забилась в угол, оцепенев от страха.

— Отпустите меня, прошу вас!

Фургон дернулся и поехал. Минут десять он трясся в потоке уличного движения, потом остановился в каком-то безлюдном переулке рядом с «мерседесом» кремового цвета.

В темном костюме, при полном параде, помахивая массивной золотой цепочкой, из «мерседеса» вышел Нитто.

Задняя дверь фургона бесшумно отворилась. Мафиозо

скользнул внутрь, и машина вновь тронулась. Съежившаяся на полу Сильвия в ужасе уставилась на приближающегося к ней с угрожающим видом мужчину.

— Умоляю, не трогай меня!

Нитто крепко схватил ее за запястье и потянул к себе.

— Ты меня искала? Ну вот, я здесь, шлюшка.

Он обмотал цепочку вокруг ее запястья и конец привязал к перекладине под потолком фургона. Сильвия оказалась на ногах, прикованная за вытянутую вверх руку.

Нитто разорвал на ней блузку.

— Да ты, судья, оказывается, ничего себе. Даже очень.

Сильвия похолодела.

— Отпусти меня! — взмолилась она со слезами в голосе.

Мафиозо притянул ее к себе за талию. С яростью и злобой впился в ее губы. Сильвия, извиваясь всем телом, пыталась вырваться из его рук, но он обнимал ее все крепче, жадно прижимая к себе.

— Нет, не-ет! — кричала Сильвия в отчаянии.

Но ее жалобные мольбы ни к чему не привели. Мафиозо намерен был унизить ее так, чтобы она запомнила на всю жизнь. Сорвав с Сильвии юбку, он изнасиловал ее.

Всхлипывания Сильвии становились все слабее.

Нитто, казалось, обезумел. С глазами, налитыми кровью, он ударил ее наотмашь по лицу так, что у нее изо рта побежал ручеек крови. Потом изо всей силы стукнул о стенку фургона.

— Вот, полюбуйтесь на нее, эту чертову судью. Она хочет всех засадить. Ну, давай, давай, арестуй меня, сука бесстыжая!

В полицейском управлении Каттани ожидал Сильвию и не понимал, почему она так запаздывает. Не на шутку встревоженный, он сел в машину и поехал к ней домой. Не вызывая лифта, бегом поднялся на третий этаж. Несколько раз позвонил в дверь, но никто не отозвался.

Он чувствовал, что с Сильвией стряслась какая-то беда. Перепрыгивая через две ступеньки, сбежал вниз. Быстрым шагом пересек вестибюль и вдруг увидел ее. Сильвию высадили под козырьком у въезда в гараж. Она сидела на земле, прислонившись к выступу стены, в разорванной одежде, с лицом, залитым кровью.

— Сильвия! — Каттани обнял ее, нежно провел ладонью по щеке. Она наконец открыла глаза и сквозь пелену слез увидела перед собой комиссара. Кошмар кончился.

— Коррадо! — Дрожащими руками она обхватила его за шею. — Не уходи, не оставляй меня, Коррадо.

Он осторожно приподнял ее и взял на руки. Отнес в квартиру и вызвал врача.

— Прошу вас, только ничего не говорите мужу, — пробормотала она с закрытыми глазами, тяжело дыша.

Каттани склонился над нею и прошептал на ухо:

— Не беспокойся. Об этом не узнает ни одна живая душа. Я останусь здесь и поухаживаю за тобой.

Он приготовил кофе, но Сильвия наотрез отказывалась:

— Мне ничего не надо, оставьте меня в покое...

Коррадо усадил ее в постели.

— Ну, перестань. Возьми себя в руки!

Поднес чашку к ее губам и заставил сделать глоток.

Через три дня Коррадо принес маленькую елочку. Дежуривший у дверей Сильвии полицейский привстал, почтительно приветствуя его.

Состояние Сильвии не улучшалось. Наоборот. Иногда она бредила, ее прошибал пот, металась в постели так, что на нее было больно смотреть.

— Ну, хватит уже, — пытался вывести ее из шока Каттани. Он присел на край кровати. — Пора успокоиться. Возьми себя в руки, Сильвия. Вставай, жизнь продолжается.

Она покачала головой, не отрывая ее от подушки.

— Оставь меня в покое.

— Даже и не подумаю. Я не дам тебе впасть в отчаяние.

Он просунул руку ей под голову и заставил приподняться. Другой рукой пригладил ей волосы.

— Нет! — оттолкнула она Коррадо. — Отстань от меня.

Она вновь упала на подушку, отвернувшись от него и натянула на голову одеяло. Тело ее содрогалось от рыданий.

— Послушай, что я тебе скажу, — не сдавался Каттани. — Сейчас ты постарайся встать, принять душ, а потом мы пойдем прогуляемся. Вот увидишь, это тебе поможет.

Из-под одеяла в ответ донеслись лишь всхлипывания, тихие и жалобные; словно плакал обиженный ребенок.

Каттани понял, что так многого не достигнешь, и решил действовать по-другому. Резко откинул одеяло и взял Сильвию за талию.

— Ну-ка вставай! Будь послушной девочкой.

Поднимая ее, он чувствовал, как она дрожит. Сильвия вырывалась, закрывала лицо руками.

— Не хочу! Не хочу!

Он отнес ее на руках в ванную, открыл кран душа.

— Увидишь, тебе станет лучше.

Раздел ее и, подтолкнув под горячую струю, стал намыливать ей тело. У Сильвии не было сил сопротивляться, она только слабо трясла головой. Затем покорно дала завернуть себя в махровую простыню и обхватила за шею комиссара, когда он понес ее обратно в постель. Ее горе и отчаяние немного улеглись. Она потянула за край махровую простыню и стала вытирать волосы.

— Одевайся и пойдем,— сказал он.

На улице стоял туман, но дождя не было.

Каттани взял Сильвию под руку и повел по иллюминированным по случаю праздника улицам. Витрины магазинов отражали электрические звездочки, вокруг царил, согревая сердце, умиротворяющая рождественская атмосфера.

— Спасибо тебе, Коррадо.— И Сильвия наконец-то улыбнулась.

Каттани прочел на ее лице бесконечную нежность.

— Послушай,— сказала она.— А почему бы нам не провести нашего друга-монаха?

Они застали его в окружении двух десятков детей, которых он тщетно пытался утихомирить — ожидание праздника взбудоражило их. Только Грета, казалось, не поддавалась предрождественской веселой суете. Однако она была не такая скованная, как прежде, и с криком бросилась им навстречу.

— Она сделала большие успехи,— с удовлетворением сказал бывший монах. Он положил руку на головку девочки.— Грета, ну-ка прочитай, что ты выучила наизусть к Рождеству.

Малышка заложила руки за спину и, немного посмущавшись, наконец прочла, сбиваясь и торопясь, стихотворение о Младенце Иисусе.

Все заплодировали ей, а монаха-расстригу отвлек

чей-то зор
лый маль
— Там
хотят вье
— Гру
тесь здес
у вор
мотором.
согреться
— Ми
Катта
посмотре
с игруш
— А
Весел
радости.
рушку с
проявил
— Я
Корр
— П
предлож
нужны

Но
Фаэти
глубоко
пальто.
Ему
запеча
рые не
стояли
кошма
важде
стоял
Фа
куда с
—
Пр
тельно

чей-то зов. Он обернулся: к нему бежал кудрявый смуглый мальчик.

— Там приехал грузовик, — сообщил малыш. — Они хотят въехать внутрь.

— Грузовик? — насторожился Коррадо. — Оставайтесь здесь, а я пойду посмотрю, в чем дело.

У ворот действительно стоял грузовик с включенным мотором. Шофер топтался возле, подняв воротник, чтоб согреться.

— Мне надо разгрузить машину, — сказал он.

Каттани решил проверить. Он залез на грузовик посмотреть, что он привез. В кузове было полно коробок с игрушками.

— А кто тебя прислал? Дед Мороз?

Веселое оживление детей превратилось в бурный взрыв радости. Бывший монах позволил каждому выбрать игрушку себе по вкусу, но сам особого удовольствия не проявил.

— Я знаю, кто это прислал, — пояснил он. — Тано.

Коррадо нахмурился.

— Позавчера он пытался, — продолжал расстрига, — предложить мне деньги. «Нет, — сказал я ему, — мне не нужны твои подачки».

ЧЕКОВАЯ КНИЖКА

Но не для всех Рождество было веселым. Давиде Фаэти брел как потерянный по переполненным улицам, глубоко засунув руки в карманы и подняв воротник пальто. Из рта у него вырывались облачки сизого пара.

Ему никак не удавалось выкинуть из головы кадры, запечатлевшие нападение на Каттани и его людей, которые несколько раз показывали по телевизору. У него стояли перед глазами окровавленные тела убитых — эта кошмарная сцена преследовала его, как какое-то навязчивое, переноса на пятнадцать лет назад, когда он стоял и плакал над трупом судьи Фьорани.

Фаэти свернул налево и зашел в подъезд. В квартире, куда он позвонил, жила вдова Тиндари.

— Синьора, я ваш друг. Я, как и вы, тоже сицилиец.

Прежде чем впустить незнакомца, женщина подозрительно его оглядела.

— Кто вы?

— Я? Когда-то подававший надежды журналист. Бывший редактор грязного журнальчика. Словом, полностью бывший.— Он провел рукой по волосам.— Выслушайте меня внимательно. В жизни бывают такие минуты, когда нужно внять голосу собственной совести.

Женщина отступила на шаг назад. Ей не очень нравилось, какой оборот принимает этот разговор.

— Происходит нечто ужасное,— продолжал Фазти.— Но вы можете помочь мне остановить эту кровавую бойню.

— Я? Да ведь я всего лишь бедная вдова. У меня ни гроша денег. Конфисковали все, что принадлежало покойному мужу.

— Знаю. Мне немножко стыдно, но я порядком погрел руки на издании порнографических листков.— Он опустил руку в карман и достал чековую книжку.— И могу по отношению к вам проявить щедрость. Вот, оставляю ее тут на столе. Если вам вдруг захочется, проставьте сумму сами, потом позовите меня и я подпишу чек.

Когда он клал на стол чековую книжку, женщина не проронила ни слова. С хмурым, отсутствующим видом глядела она куда-то в сторону.

— Даже какая-то самая мелкая деталь,— горячо продолжал Фазти,— какая-то крупинка истины может оказаться в высшей степени полезной.— Он стоял перед ней, склонив голову и широко разведя руки, словно в ожидании милости.— Подумайте над этим. Если решите что-нибудь рассказать, позовите меня.

Для Рази нынешнее Рождество тоже было не из веселых. Он сознавал, что стал игрушкой в руках сицилийца. Последнюю карту, чтобы освободиться от Тано, он разыграл вчера. Поехал в Швейцарию к Эспинозе с предложением отдать ему пятнадцать процентов акций «Международного страхования». В обмен попросил немедленно отказать Тано во всякой поддержке.

Эспиноза рассмеялся ему в лицо:

— Да на что мне ваши пятнадцать процентов? Через Тано я буду контролировать все объединение «Международное страхование». Тано лишь инструмент в моих руках.

Что представлял собой в этой ситуации он, Рази? На что он был нужен? Вероятно, от него вообще через каких-нибудь несколько дней избавятся. Выбросят ко всем чертям без всякого сожаления. Он плеснул на дно бокала

коньяку
надо,— п
века».

Он в
которые
пронизыв
и зашага
озерку.

Через
под пла
в воду.

Когда
телом от

— Т
ния,— Т

до отча
Катт

и подня
— Н

сицилий
рукой п

родного

— Ч

к чему,
удивлят

на сдел

Никого

— С

Плеват

Кор

ваться

— Он

—

—

взвизг

мне тв

Кор

Она с

испуга

голову

—

Однак

кнуви

г

коньяку и осушил одним глотком. «Боже мой, как мало надо,— пробормотал он про себя,— чтобы погубить человека».

Он вышел из дома, постоял, оглядывая окрестности, которые так любил. Дождя не было, но дул резкий, пронизывающий ветерок. Он застегнул доверху пальто и зашагал по дорожке, шедшей под гору, к маленькому озерку.

Через некоторое время его нашел слуга. Рази лежал под плакучей ивой у самого озера, свесив одну руку в воду. Он выстрелил себе прямо в висок.

Когда прибыл комиссар, Эстер стояла на коленях над телом отца, сжимая в ладонях его безжизненную руку.

— Ты был прав,— проговорила она, подавляя рыдания,— Тано — преступник. Отец сам покончил с собой, но до отчаяния и самоубийства довел его он.

Каттани хотел помочь ей встать, но она отвела его руку и поднялась на ноги сама.

— Но я отомщу за него. Да, я докажу, что я тоже сицилийка. Я убью его, этого мерзавца.— Она провела рукой по глазам.— Он замыслил стать главой «Международного страхования»...

— Что?! — Каттани был просто ошеломлен. Так вот к чему, оказывается, стремился этот сицилиец. Было чему удивляться! — Послушай,— сказал комиссар.— Ты должна сделать только одно: все бросить и немедленно уехать. Никого ты не убьешь — этот тип раньше прикончит тебя.

— Оставь ты меня в покое. Не нужны мне твои советы. Плевать я на них хотела.

Коррадо взял ее за руку, но она стала яростно вырываться и даже пыталась расцарапать ему лицо.

— Уходи прочь! Убирайся!

Он схватил Эстер за плечи.

— Успокойся. В такие минуты нельзя терять голову.

— А я и не думаю терять голову! — пронзительно взвизгнула Эстер.— Я сумею все сделать сама, не нужна мне твоя жалость!

Коррадо дал ей пощечину, чтоб прекратить истерику. Она сразу умолкла — казалось, скорее удивленная, чем испуганная. Потерла покрасневшую щеку и опустила голову.

— Да, может, ты и прав. Мне не удастся убить Тано. Однако... — Она прищурилась, будто ловя какую-то мелькнувшую у нее мысль.— Однако я найду способ его погубить.

Самоубийство Рази всполошило сенатора Салимбени, и он поспешил в Швейцарию, чтобы посоветоваться с Эспинозой.

— Прежде всего, — начал он, — необходимо воспрепятствовать тому, чтобы председателем правления «Страхования» стал его заместитель. Не нравится мне этот Меландри.

— Да, ему нельзя доверять, — согласился с ним Эспиноза.

— Я предложу его кандидатуру на пост председателя правления «Карботекса». Таким образом он не будет путаться у нас под ногами.

— Прекрасно.

— Однако, — добавил Салимбени, — в отношении этого Тано Каридди у меня тоже имеются некоторые сомнения. Уж очень грубые у него методы.

— Дорогой мой, — заверил его Эспиноза, — Каридди нам нужен только для того, чтобы прибрать к рукам «Международное страхование». Потом мы от него быстренько избавимся. А без него мафия не сможет вмешиваться в наши дела. Ты видел когда-нибудь старика — главаря мафиози, который играл бы на бирже?

— Да, да, конечно, — согласился с ним Салимбени; он был доволен, но слегка досадовал на себя, что такой смелый проект исходил не от него самого. — И еще скажите-ка мне, раз мы уже встретились, какова судьба нашей старой идеи насчет одной операции на общеевропейском уровне?

— Все идет наилучшим образом, — ответил Эспиноза покровительственным тоном, как нельзя более подходящим к его внешности. Этого статного благообразного мужчину с багровыми щеками можно было принять за английского лорда.

— Хорошо, хорошо, — потер руки Салимбени. — Может быть, вам потребуется моя консультация...

— Ну конечно! — Эспиноза лучезарно улыбнулся и хлопнул сенатора по плечу. — Я распоряжусь, чтобы на ваш счет в Швейцарии перевели кругленькую сумму. Пять миллиардов вас устроят?

Вдова Тиндари готова была рискнуть собственной шкурой куда за меньшую сумму. Сидя без гроша, она долго обдумывала предложение Фаэти: кое-что расска-

зять ему в обмен на чек. Даже рискуя навлечь на себя
месть со стороны мафии.

Оставленная чековая книжка была сильным искушени-
ем. Она сняла трубку и набрала номер журналиста.

— Если бы вы сейчас ко мне подъехали, я могла бы
сделать то, о чем вы меня просили.

Не теряя ни секунды, Фаэти натянул пальто и выбежал
из дома. Ведя машину, он не заметил, что кто-то пристро-
ился ему в хвост.

В Центральном полицейском управлении телефон вдо-
вы Тиндари был на прослушивании. Как только засекли
этот ее звонок, сразу же доложили Каттани. Комиссар не
совсем понимал, в чем тут дело.

— Мм... — покачал он головой, — стоит съездить пос-
лушать, о чем это они могут беседовать...

Фаэти вынул ручку и поставил свою подпись на чеке.
Женщина молча сунула конверт с чеком в карман кофты.
Как раз в эту минуту раздался звонок у входной двери.

— Извините, — сказала вдова и пошла открывать. На
пороге стоял здоровенный верзила с лицом, не предвеща-
ющим ничего хорошего. Это был Сальери.

Не успела женщина позвать на помощь, как он
дважды в нее выстрелил. Попятившись от двери, она
упала навзничь.

— Боже мой, — прошептал Фаэти. Перед ним выросла
массивная фигура Сальери, сжимавшего в огромной
ручище наведенный на него пистолет.

— Ну, стреляй, мешок с дерьмом! — заорал Фаэти. —
Стреляй скорей, чего ждешь?

С отчаянным вызовом он распахнул пиджак, под-
ставляя грудь пуле. Верзила трижды спустил курок.

Хотя Фаэти и был тяжело ранен, он умер не сразу.
Когда прибыл Каттани, в нем еще теплилась жизнь.

— Они меня все-таки достали, — прошептал журна-
лист. — Но я их не испугался.

Ему казалось, что этим поступком он искупил свою
незадавшуюся жизнь. Ему даже удалось изобразить на
лице подобие улыбки.

Каттани поддерживал голову умирающего.

— Сейчас придет санитарная машина.

— Слишком поздно. Залезь ко мне в карман, там кое-
что для тебя есть.

Каттани открыл конверт, который вдова дала Фаэти.
Журналист прикрыл глаза, и голова его безжизненно
свесилась на грудь.

В конверте Каттани нашел чуть пожелтевшую фотографию девочки с длинными локонами. Комиссар посмотрел на обратную сторону. Там, наверно, когда-то была надпись, но что именно написано, прочесть было нельзя, так как все тщательно стерли резинкой чуть ли не до дыр.

Необходимо было восстановить надпись на обороте этого фото. Вот уж придется попотеть ребятам из научно-экспертного отдела, подумал комиссар.

НОВАЯ ПОПЫТКА ЗАПУГАТЬ

— Прекрасно, господа. Бюджет утвержден, мне кажется, наше совещание можно считать закрытым.

В большом зале муниципального совета мэр Джулио Паризи поднялся со своего места и с облегчением вздохнул. Он опасался, что заседание затянется и споры на нем будут более ожесточенными.

Все встали, и зал сразу наполнился шумом голосов и отодвигаемых стульев. Никто не мог себе представить, что сейчас произойдет нечто сенсационное.

— Всем оставаться на своих местах!

Из двери в глубине зала стремительно вошел Каттани в сопровождении отряда вооруженных до зубов полицейских, которые тотчас блокировали все выходы.

Мэр был уже на пороге. Он обернулся, и глаза у него полезли на лоб от удивления.

— Господи Боже ты мой! Вы что, совсем рехнулись?

— Не кипятитесь, дорогой мэр,— спокойно произнес комиссар. И помахал в воздухе пачкой документов.— Вы арестованы. Вот ордер на арест.

Многие побледнели. Мэр стоял с открытым ртом, словно не мог взять в толк, в чем, собственно, дело. Но кто-то из оппозиции ухмыльнулся и вполголоса проговорил:

— Наконец-то! По этому мошеннику тюрьма давно плачет.

Но на этом сюрпризы не кончились. Каттани прошел вперед, к креслу, на котором только что восседал мэр. Комиссар был похож на народного трибуна, возглавившего переворот. Он снова потряс документами и зачитал:

— Марио Бини, ассессор по делам туризма. Джованни Альяти, ассессор по учебным заведениям. Джулио Нованта, ассессор по финансам... Присутствуют?

Все тр
— Об
Каттани.
двух му
Флавия
Ордер
сразу же
Документ
достаточ
во нажи
рекой.
Эти а
и пробил
обогаща
лось сро
— Н
— Э
загорели
делом за
Катт
И был
— Т
вию.
Она
последн
Улитки.
— Я
Ком
— Я
Они
Рука, в
держал
занном
взглядо
—
Сил
и закр
рился.
—
дернув
—
сар,—
Я отск
Ма

Все трое с угрюмым видом поднялись со своих мест.
— Объявляю вас также арестованными, — возгласил Каттани. — Но это не все. Ордера на арест выданы еще на двух муниципальных советников — Этторе Джорелли и Флавия Мура. Прошу следовать за мной!

Ордера выдавала Сильвия. Вернувшись на работу, она сразу же продолжила расследование по делу о казино. Документы, конфискованные у асессора Канопио, были достаточно красноречивы. В муниципалитете кто-то здорово наживался на этом заведении. Деньги оттуда текли рекой.

Эти аресты не только вызвали громкий скандал, но и пробили серьезную брешь в преступной организации, обогащавшейся посредством казино. Тано Каридди пришлось срочно связаться по телефону с Нитто.

— Надо немедленно укоротить их, — сказал он.

— Это я беру на себя, — заверил Нитто. Глаза его загорелись хищным огнем. — Да, да, черт возьми, этим делом займусь я сам.

Каттани предвидел, что им попытаются отомстить. И был готов к ответным действиям.

— Тебе следует быть начеку, — предостерег он Сильвию.

Она коротко кивнула и стала вводить его в курс последних событий. Получено сообщение из тюрьмы от Улитки. Мафиозо хочет ее видеть.

— Я поеду. Может, он наконец решил расколоться!

Комиссар встревожился:

— Я тебя одну не пущу.

Они встретились с Улиткой в комнате для свиданий. Рука, в которую его ранил Каттани, была забинтована. Он держал ее на перевязи — на шелковом платке, завязанном узлом на шее. Улитка обвел помещение хмурым взглядом и с ходу заявил:

— При посторонних говорить не буду.

Сильвия знаком показала конвойным, чтоб они ушли, и закрыла за собой дверь. Но Улитка этим не удовлетворился.

— Пусть этот тоже выйдет, — прошипел он, нервно дернув головой в сторону Коррадо.

— Послушай, красавчик, — резко оборвал его комиссар, — если у тебя есть что сказать, то давай выкладывай. Я отсюда никуда не уйду.

Мафиозо в ответ недовольно фыркнул, но спорить не

стал. Он присел на маленький столик и пристально уставился на Сильвию. Их разделяло немногим больше полуметра.

— Меня в полиции избили до полусмерти. Но я их прощаю. Господь не оставит того, кто невиновен.

— Вы вызвали меня, чтобы подать жалобу? — спросила Сильвия.

— Нет. Я хотел сказать вам пару слов насчет того друга, который вас обслужил. Вы его помните?

Сильвия проглотила комок в горле. У нее больно кольнуло сердце, и она испугалась, что нервы не выдержат и она сорвется.

— Да, — ответила она совершенно спокойно, — помню.

— Так вот, этот друг просил передать от него подарок. Молниеносным движением он что-то выхватил из повязки на руке. Это была крышка от жестяной консервной банки с заточенным краем. Мафиозо зажал ее между указательным и большим пальцами и выбросил руку к горлу Сильвии.

Каттани все это время не спускал глаз с мафиозо, следя за каждым движением. Инстинкт подсказывал ему, что Сильвия в опасности. Поэтому он в последнюю секунду успел прыгнуть и оттолкнуть женщину в сторону, что позволило избежать худшего.

Жестяной кружок не достиг горла. Он лишь прорезал блузку и оставил неглубокий след на плече.

Каттани мгновенно схватил одной рукой мафиозо за кисть, а другой вцепился в волосы и безжалостно крутанул ему голову, грозя свернуть шею. Затем позвал конвойных и велел увести Улитку.

Осмотрев рану Сильвии, он с облегчением перевел дух.

— Пустяки. Всего лишь царапина. Пойдем, — взял он ее под руку.

Сильвия шла рядом, опираясь на его локоть. Он чувствовал, как напряжено все ее тело.

— Почему бы тебе не взять отпуск, немножко передохнуть? Это расследование может свести в гроб даже такого, как я, а уж я-то достаточно закален.

— Может, ты и прав, — согласилась она. — Я уже думала попросить главного прокурора Фалиши взять это расследование на себя.

— А ты могла бы поехать на некоторое время в Рим, к мужу.

— Ох, какой там муж. — Она вздохнула и уныло

опустила голову. — Между нами уже давно ничего нет. Мы даже не перезваниваемся по телефону. Все кончено.

Если замужество Сильвии оказалось несчастливym, то брак Эстер заведомо не был рассчитан на счастье.

— Это была лишь деловая сделка между мною и твоим отцом, — сказал ей в один прекрасный день Тано. — Теперь он умер. Если хочешь, начнем хлопотать о разводе.

— Нет, — с напускной веселостью возразила Эстер. Она заставляла себя разыгрывать роль влюбленной, чтобы выполнить свой зарок, данный при комиссаре: во что бы то ни стало погубить Тано. — С чего это тебе вздумалось меня оставить? Может, я не в твоём вкусе?

Он был слегка ошарашен ее словами. Привыкнув к мысли, что эта девушка — лишь одно из условий сделки, Тано никогда даже не пытался взглянуть на нее как на женщину. Он осторожно взял ее за подбородок и уставился долгим взглядом, словно видел впервые в жизни.

— Нет, малышка, ты мне нравишься. Ты мне даже очень нравишься.

Она нерешительно протянула руку и погладила его по волосам. Тано обхватил ее за талию и, с силой прижав к себе, крепко поцеловал.

В постели их тела тесно сплелись. Тано обнимал ее с неподдельной страстью. Наконец она откинулась от него совершенно обессиленная, со смертельным холодом в сердце. Повернувшись спиной, уткнулась в подушку и беззвучно заплакала. А когда он встал, притворилась, что не хочет его отпускать.

— Мне пора, — сказал Тано. — Деловая поездка, отложить ни в коем случае не могу.

Его ожидал в Швейцарии Эспиноза.

— С островом ничего не выходит, — первым делом сообщил ему Тано. — Мои друзья не намерены его продавать.

Эспиноза стоял, выпрямившись во весь свой внушительный рост.

— Я не знаю, кто ваши друзья. Я имею дело только с вами. Будьте осмотрительны. После смерти Рази в «Международном страховании» многое может перемениться.

— Это угроза? — спросил Тано. — Угрозы на меня не очень-то действуют. Я знаю, зачем вам понадобился этот остров: вы хотите превратить его в свалку радиоактивных отходов.

«Ах ты, сукин сын, черт бы тебя побрал. И как это только ты сумел пронюхать о моих планах?» — выругался про себя Эспиноза, бросив на Тано быстрый испытующий взгляд.

— Да, действительно, — сказал он. — В европейских странах проблема радиоактивных отходов стоит очень остро. А у меня есть готовое решение, сделка будет выгодной, колоссальный бизнес.

— Я посоветуюсь со своими друзьями, — проговорил Тано. — Наверно, им будет интересно знать, что они с этого могут иметь.

— Абсолютно законный интерес. — Эспиноза похлопал его по руке, демонстрируя дружеское к нему расположение. — Я всегда учитываю требования тех, с кем имею дело. И никогда не подводил того, кто идет мне навстречу. — Он откинул голову назад, словно желая собраться с мыслями, и сказал: — Ну-ка, если подумать... Надеюсь, сумма в четыреста миллиардов лир в год будет вполне приемлемой.

— Скажем лучше: справедливой, — уточнил Тано, у которого насчет честности и справедливости были собственные, весьма оригинальные представления.

РАЗОБЛАЧЕНИЯ

Когда Каттани вошел в комнатку, предназначенную для допросов, он уже сидел там между двух конвойных. Выражение лица у него было хмурое и напряженное. Увидев комиссара, он инстинктивно вскочил на ноги.

— Ассессор Бини, какие у вас проблемы?

— Я просил вас вызвать, потому что могу довериться только вам.

Каттани сделал нетерпеливый жест, как бы прося отбросить любезности и перейти к сути дела.

— Я не такой, как они все, — сказал Бини. — Они брали деньги, потому что продажны с головы до пят. А я брал только из страха. — Он был сильно возбужден, то и дело нервно потирал руки. — Эти люди не шутят. Они угрожали убить мою жену и детей. Потом, помните, история с ассессором, которого утопили в колодце?.. Скрепя сердце я взял деньги: двести миллионов. Но даже не дотронулся до них, клянусь вам. Они лежат в сейфе в банке. Можете пойти к моей жене, взять у нее ключ

и увидите, что я не морочу вам голову. У меня имеется квитанция: я положил деньги на хранение в тот же день, когда сдали в аренду казино.

— Любопытно. А кто передавал вам деньги?

— Канопио. Взятки всегда распределял он.

Каттани усмехнулся:

— Куда ни глянь, везде этот Канопио.

— Да, но он мелкая сошка. Тот, кто им манипулирует, живет в Риме.

— И кто же это?

Ассессор Бини, колеблясь, посмотрел на него, потом тяжело вздохнул и с неприязненной гримасой выдавил из себя:

— Сенатор Салимбени.

— Салимбени?

Ассессор утвердительно кивнул.

Воцарилось молчание. Каттани, казалось, был поражен и взволнован этим сообщением.

— Вы уверены?

— Абсолютно,— подтвердил Бини.— Можете мне верить.

«Какой же я был дурак,— подумал про себя Каттани.— Чтобы ускорить проведение проверки в Банке Антинари, обратился за поддержкой не к кому иному, а именно к Салимбени!» Теперь-то он понимал, почему получил в ответ решительный отказ.

— Видите ли,— добавил Бини,— Салимбени избран в сенат по нашему округу. Тиндари отчислял ему определенный процент от выручки казино за то, что тот в свое время помог с разрешением на его открытие. Сенатор «в порядке исключения» протащил специальный закончик. Эта уловка принесла немалую выгоду. Ну что вы хотите? Ведь избирательные кампании обходятся недешево. На них никогда не хватает денег...

После разговора с Бини нервы у Коррадо совсем расшалились. Он и так-то не был особенно кротким со своими столь ему преданными подчиненными, но теперь к нему стало просто не подступиться. Кто успел его изучить, понимал, что голова у него, значит, занята сейчас чем-то очень важным. В самом деле — его вспыльчивый характер проявлялся сполна именно тогда, когда ему мешали обдумывать какой-нибудь очередной замысловатый ход.

Даже в отношениях с Сильвией его словно подменили. Он стал раздражительным, уклонялся от встреч.

По вечерам, когда она одна сидела дома, ей очень его не хватало. Вот и сейчас, слоняясь из угла в угол, Сильвия подошла к окну, поглядела на стоящую на другой стороне улицы полицейскую машину. Это комиссар распорядился приставить к ней охрану.

Она почти никогда не смотрела телевизор, но на этот раз включила, надеясь отвлечься от грустных мыслей. Но и телевизор не помог. Ей никак не удавалось выкинуть из головы Коррадо. Она спустилась на улицу и попросила охрану отвезти ее к нему домой.

Когда Сильвия вошла, он укладывал чемодан.

— Ты что, уезжаешь?

— Возможно. Сам еще толком не знаю.

Вид у него был по-прежнему хмурый.

— Коррадо, в чем дело? Я за тебя волнуюсь. Вот уже несколько дней, как ты сам не свой. В чем дело?

Он перестал возиться с чемоданом и резко сказал:

— Значит, у меня есть на то причины.

Она положила ему руку на плечо.

— Я хочу тебе помочь.

— Поверь, я не нуждаюсь ни в чьей помощи.

Воцарилось напряженное молчание. Каттани продолжал думать о чем-то своем. Потом щелкнул пальцами и проговорил:

— Ну ладно... Раз хочешь, так помоги. Например, неужели ты не можешь налить несчастному страждущему капельку чего-нибудь выпить?

— Ох, Коррадо! — воскликнула Сильвия, сразу вспрыгнув духом от его шутки, и начала поспешно искать в этой квартире, в которой она была впервые, бутылку какого-нибудь спиртного. Найдя виски, плеснула порядочную порцию в стакан и подала Каттани.

Он уселся напротив, отхлебнул глоток, а она, взяв его руку, прижала к своему лицу и поцеловала.

— Ты знаешь, что я тебя люблю?

Каттани поставил стакан.

— Нет, не знаю, — сказал он. — Но этого я не могу позволить. Я тебе не подхожу. — Он запустил руку в ее короткие светлые волосы. — Не хочу никаких привязанностей. Сегодня я жив, а завтра кто знает... Оставь это, Сильвия.

— Не прогоняй меня, прошу тебя.

Теперь они оказались совсем близко друг от друга.

Коррадо чувств
слились в легк
— Нет, ты

двое таких сове
надеясь, что
Утром, когда

бесшумно вста
И вот он си

спокойный, сб
напряжение. И

дни таким не
выбор. Важно

лял, наконец
валось огром

Шаг, кото

шей степени

миссию по бо

шать его. И

сенсационное

— Господ

перед парлам

ский комисса

Но вы мож

оглядел при

на. — Я хочу

законности с

тора Салим

Ошаращ

ными взгля

— Сали

ни, — связа

половину ч

— Вот

— Если

представи

припереть

— Ком

но вы увер

— Боле

достал из

поднял его

Это ключ

Прислу

Коррадо чувствовал нежный запах ее духов. Их уста слились в легком, но долгом поцелуе.

— Нет, ты сумасшедшая, — проговорил он. — Только двое таких совершенно сумасшедших, как мы, могут еще надеяться, что у них есть будущее.

Утром, когда она проснулась, Коррадо уже не было — бесшумно встав, он ушел из дома со своим чемоданом.

И вот он сидит в вагоне поезда, идущего в Рим. Сидит спокойный, сбросив наконец так долго не покидавшее его напряжение. Неуверенности, делавшей его в последние дни таким нервным, как не бывало. Он сделал свой выбор. Важное решение, над которым он много размышлял, наконец принято. И на лице его явственно вырисовывалось огромное облегчение.

Шаг, который он собирался предпринять, был в высшей степени серьезен. Он попросил парламентскую Комиссию по борьбе с организованной преступностью выслушать его. И обещал сделать заявление, мягко говоря, сенсационное.

— Господа, — начал свою речь Каттани, представ перед парламентариями, — я всего лишь простой полицейский комиссар, и моих скромных сил, увы, недостаточно. Но вы можете сделать многое. — Выдержав паузу, он оглядел присутствующих. В зале царила мертвая тишина. — Я хочу во всеуслышание обвинить в нарушениях законности одно весьма высокопоставленное лицо — сенатора Салимбени.

Ошарашенные члены комиссии обменялись недоуменными взглядами.

— Салимбени, — продолжал ровным голосом Каттани, — связан с ассессором Канопио. Через него он подкупил половину членов муниципального совета.

— Вот это да... — негромко ахнул кто-то в зале.

— Если вы пригласите сюда Салимбени, я могу представить вам свидетеля. Свидетеля, который способен припереть его к стенке.

— Комиссар, — прервал его председатель комиссии, — но вы уверены в том, что говорите?

— Более чем уверен, господин председатель. — Он достал из кармана пиджака маленький ключик и высоко поднял его, держа двумя пальцами. — Вот доказательство. Это ключ от сейфа.

Присутствовавшие в зале журналисты бросились в ка-

бинет Салимбени. Сенатор встретил их жизнерадостной улыбкой.

— Это все пустые выдумки, друзья мои. Моя совесть чиста. Однако... — Его лицо посуровело. С угрожающим видом он поднял вверх палец. — Однако я хочу понять, стоит ли кто-нибудь за комиссаром и манипулирует им, чтобы поставить в трудное положение меня и мою партию. Или же мы можем объяснить эту выходку Каттани расстроенным воображением. — Он по-актерски доверительно приглушил голос: — Говорят, у него, бедняги, нервы уже совсем ни к черту. Ну, если это, друзья мои, действительно так, я, конечно, не хочу доставлять ему неприятности. Я его прощу. Но в министерстве внутренних дел, разумеется, это вряд ли сойдет ему с рук. Если он стал настолько безответственным...

Обвинения, выдвинутые Каттани, произвели впечатление разорвавшейся бомбы и, как и следовало ожидать, стали главной темой, которой занялись газеты. Однако дружки Салимбени не сидели сложа руки. Они подготовили не менее сенсационный ответный ход. Тано, действуя очень ловко, смог пронюхать, что таинственный свидетель, о котором упомянул Каттани, не кто иной, как ассессор Бини.

В ту ночь Бини был в тюремной камере один. Лежа на своей койке, он никак не мог сомкнуть глаз. Вдруг у двери послышался легкий шум. Он вскочил и сел на кровати, сердце у него стучало так, что готово было выпрыгнуть из груди. В темноте ему не удалось разглядеть, кто вошел в камеру.

— Тсс,— прошептал вошедший, наставив на него нож на пружине.— Сиди тихо!

Он протянул ему несколько листков бумаги и ручку. Зажег тусклый карманный фонарик и так же шепотом приказал:

— Пиши все, что продиктую. Иначе живыми своих детей тебе не видать.

— Хорошо, хорошо...— Руки у ассессора ходили ходуном.

Незнакомец начал диктовать:

— «Комиссар Каттани принудил меня к показаниям, которые представляют собой набор лживых выдумок. В частности, он силой заставил меня дать ложные сведения о сенаторе Салимбени. Кроме того, он против

моей воли взял
сбережения».
взял листок,
осторожно пр

Когда это
с организова
ятный переп
были на стор
смотреть на
Дело при

поспешила в
переживал
жизни. Ее му
просиял от р
сразу же по
с Коррадо.

— Я пр
Муж не
У него пере
сочувственн

— Мне
Сквозь
вслед Силь

Послед
Министерст
Каттани н
решило вре
нии дальне

— Кат
Извест
из его ко
убедились
и повесил
комиссару
что они не
Каттани
улыбался
Одного по
Никого н
щался.

— И
распусти
док.

моей воли взял у меня ключ от сейфа, где я храню свои сбережения». Теперь подпиши,— сказал мужчина. Потом взял листок, не спеша сложил его и вышел из камеры, осторожно прикрыв за собой дверь.

Когда это письмо пришло в Комиссию по борьбе с организованной преступностью, оно вызвало невероятный переполох. Даже те депутаты и сенаторы, которые были на стороне Каттани, отвернулись от него. Все стали смотреть на него как на сумасшедшего.

Дело принимало поистине скверный оборот. Сильвия поспешила в Рим, чтобы быть рядом с Коррадо, который переживал один из самых трудных моментов в своей жизни. Ее муж, входивший в состав комиссии, встретив ее, просиял от радости, порывисто обнял и поцеловал. Но она сразу же поставила его в известность о своих отношениях с Коррадо.

— Я приехала не ради тебя,— сказал Сильвия.

Муж не пытался скрыть свое огорчение и досаду. У него перехватило горло, но он лишь сдержанно и даже сочувственно произнес:

— Мне очень жаль...

Сквозь свои маленькие старомодные очки смотрел он вслед Сильвии и Коррадо, пока они не сели в такси...

Последствия сказались лишь через несколько дней. Министерство внутренних дел сочло поведение комиссара Каттани непростительно безответственным. И поэтому решило временно отстранить его от должности в ожидании дальнейших уточнений.

— Каттани отстранен?!

Известие казалось настолько невероятным, что ребята из его команды восприняли его со смехом. Но вскоре убедились, к своему огорчению, что это жестокая правда, и повесили носы. Пришлось их подбадривать самому комиссару. И хотя он всегда заставлял их вкалывать так, что они не знали покоя ни днем, ни ночью, но сейчас, когда Каттани покидал свой кабинет, он единственный из всех улыбался и даже пытался утешить бывших подчиненных. Одного похлопал по плечу, другого ткнул кулаком в грудь. Никого не обошел вниманием, со всеми дружески попрощался.

— И смотрите, чтоб я не слышал, что вы без меня тут распустились и бездельничаете! — сказал он им напоследок.

ЛОРЕЛЛА

Эстер давно ждала этой минуты. Скрывая свое отвращение, она так долго терпела ласки Тано только ради того, чтобы находиться рядом с ним, шпионить за ним, надеясь раздобыть какую-нибудь важную против него улику.

В то утро ее терпение наконец принесло свои плоды. Она часто замечала, как Тано прячет в ящик маленькую записную книжечку в черной обложке; в ней он, по видимому, делал свои секретные записи и заносил туда некоторые телефонные номера. Всякий раз, доставая ее из ящика, он шел звонить в другую комнату, чтобы его не слышала жена.

Заветный этот ящик Тано всегда запирает, а ключ носил вместе с другими на серебряном кольце с брелоком. Но в то утро он забыл его запереть.

Эстер, накинув халат, с замиранием сердца кинулась к ящику. Взяла записную книжку и принялась выписывать номера телефонов, копировать какие-то непонятные аббревиатуры, странные знаки. Тщательнейшим образом все переписав, она поспешила в полицейское управление. Когда дежурный сказал ей, что Каттани временно отстранен от работы, она готова была упасть в обморок. Значит, все без толку, все напрасно. Не помня себя от огорчения, она ушла, лишь бегло кивнув полицейскому, слишком расстроенная, чтобы просить что-то передать комиссару.

А Каттани с тех пор, как оставил службу, казался куда спокойнее, не таким напряженным. В тот день он полдня провел со старым своим другом Бернардо, играя с детьми и таская на закорках Грету. Уже под вечер собрался уезжать из приюта. Бернардо пошел его проводить.

— Чем же ты предполагаешь теперь заняться? — спросил он комиссара.

— Ох, знаешь, я еще об этом даже и не думал.

— Надеюсь, все уладится, — сказал с доброй улыбкой Бернардо. — Желаю тебе удачи!

— Также и тебе, старина!

Коррадо направился к воротам, как вдруг началось нечто невообразимое. Высадив ворота, во двор влетела полицейская машина. Высунувшись из окна машины с автоматом в руках, Джуны заорал как сумасшедший:

— Ложись, комиссар! Ложись!

Едва Каттани успел броситься на землю, как над его

головой проси-
век, укравши
— Живей
да стояла то
Каттани,
плитам, ухит
человек на
огнем из авто
какой-то миг
жавший его
с крыши. Вм
Но он бы
оглядываясь
зубцами нев
и как раз в
ствие, тот р
было уже
и прошил е
пившись па
судороге по

Квартир
Каттани ук
очень важн
расследова

Сказать
правилам,
к чему-то п
имея боле
ему, все но
Ну а комис
их.

Новост
девочки —
Научно-эк
резинкой
фия снята
городке н
имя изобр

— Де
снова фа
Юфтера.
Они
в голову

головой просвистели пули. Автоматную очередь дал человек, укрывшийся на крыше дома напротив.

— Живей сюда! — крикнул Джуньи. Его черная борода стояла торчком, словно наэлектризованная.

Каттани, перекатываясь с боку на бок по каменным плитам, ухитрился укрыться за машиной, в то время как человек на крыше продолжал поливать двор яростным огнем из автомата. Пытаясь получше прицелиться, он на какой-то миг неосторожно высунулся, и тут Треви, державший его на мушке, метким выстрелом снял его с крыши. Вместе со своим автоматом тот полетел вниз.

Но он был не один. Джуньи это знал и, лихорадочно оглядываясь по сторонам, заметил другого, засевшего за зубцами невысокой башенки. Джуньи обошел его сзади, и как раз в тот момент, словно почувствовав его присутствие, тот резко развернулся с автоматом наперевес. Но было уже поздно. Автомат Джуньи затрещал первым и прошил его неумолимой очередью. Человек упал, вцепившись пальцами в спусковой крючок, и в предсмертной судороге послал в воздух автоматную очередь...

Квартиру Сильвии охраняли полицейские. В тот вечер Каттани укрылся у нее. И благодаря этому узнал одну очень важную новость, которая позволяла надеяться, что расследование сдвинется с мертвой точки.

Сказать по правде, игра теперь шла не совсем по правилам, хотя с формальной точки зрения было трудно к чему-то придраться. Дело в том, что ребята Каттани, не имея более возможности докладывать непосредственно ему, все новые сведения и документы передавали Сильвии. Ну а комиссар, естественно, в свою очередь просматривал их.

Новость, полученная в тот вечер, касалась фотографии девочки — той, что Фаэти получил от вдовы Тиндари. Научно-экспертный отдел сумел восстановить стертое резинкой на обороте. Из надписи явствовало, что фотография снята в фотоателье «Студия Лимити» в Салеми — городке на Сицилии. Лупы микроскопов раскрыли также имя изображенной на снимке девочки: Лоретта Де Пизис.

— Де Пизис... — задумчиво протянула Сильвия. — Вот снова фамилия из тех, что стояли в записной книжке Юфтера.

Они с Коррадо переглянулись и поняли, что им в голову одновременно пришла одна и та же мысль.

— Это чистейшей воды безумие, — сказал он, — но придется-таки сделать.

Безумием было ехать на Сицилию и там разыскивать следы девочки...

Фотограф в Салеми подтвердил, что да, действительно, это он снимал девочку, но вспомнить, чей это ребенок, не мог. Фамилия Де Пизис тоже ничего ему не говорила. Но вдруг он щелкнул пальцами и воскликнул:

— Да ведь это девочка из колледжа! Поглядите на фото: у нее кокарда.

Колледж уже давно был закрыт, в нем никто не учился. Но старик, школьный сторож, прекрасно помнил Лореллу Де Пизис. О родителях, правда, ничего не знал, зато разыскал старые книги со списками учениц. Выяснилось, что девочка поступила в колледж пятнадцать лет назад. В один прекрасный майский день ее кто-то поручил заботам монахинь.

— Поразительно! — взволнованно воскликнул Каттани.

— Что именно? — спросила Сильвия.

— Да совпадение. Смотри: девочку отдали в колледж на следующий день после гибели жены и дочери Фроло.

Сильвия догадывалась, к чему он клонит, но не решалась высказать догадку. Настолько она казалась маловероятной и абсурдной.

Комиссар сжал руку Сильвии.

— Я ни капельки бы не удивился... — протянул он с сосредоточенным, напряженным лицом.

Они отправились на маленькое кладбище, где их встретил длинный и худой, как жердь, сторож. Он указал им на невысокий холмик, под которым лежала маленькая дочь Фроло.

Сильвия помахала перед носом у сторожа своим удостоверением.

— Вы можете раскопать эту могилу? — сказала она. — Для проверки.

Мужчина что-то пробурчал. Одной рукой он опирался на лопату, другой снял суконную кепку и лениво поскреб затылок. Вид у него был совершенно отсутствующий, похоже, он даже не понял, чего от него требуют.

Каттани попробовал еще раз.

— Надо раскопать могилу, — повторил он.

— А, да-да.

Сторож наконец начал разгребать землю. Вскоре

показался ма
досок.
Сторож п
ным видом, п
указал ему н
стукнул по
и они увиде
— Пусто
— Да, —
Он взял Сил
ее с собой

Старику
что острово
начинало то

— Если
уготоваривал
соглашение

Но Гла
— Это
нансист.

Упрямс
— Он
говорил он
инициатив
ситуации.

с теми, от
ственно с
— Иш
О'кей, бу
ным, про
птицы.

Беспо
почему д
нежней к
уверен, ч
взять в
Поэто
Марцио,

* Кул

показался маленький гробик. Несколько наспех сбитых досок.

Сторож перестал копать и снова застыл с безразличным видом, прищурясь от яркого солнца. Каттани знаком указал ему на гроб. Тот нехотя нагнулся и несколько раз стукнул по крышке краем лопаты. Дерево раскололось, и они увидели, что гробик пуст.

— Пустой! — констатировала Сильвия.

— Да, — проговорил Коррадо. — Дочь Фроло жива. — Он взял Сильвию под руку. — Тиндари не убил ее. Он увез ее с собой в Милан.

ШОФЕР

Старику это пришлось не по нраву. От одной мысли, что островок Тирене хотят превратить в свалку, его просто начинало тошнить. Тано так и эдак пытался убедить его.

— Если этот сукин сын Эспиноза не получит остров, — уговаривал он старика, — он пошлет ко всем чертям соглашение о «Страховании».

Но Глава Семьи с раздражением отвечал:

— Это уж твоя забота. Ведь ты у нас великий финансист.

Упрямство старика вызывало у Тано презрение.

— Он не понимает, что мир вокруг изменился, — говорил он Нитто. — Не помешало бы проявлять больше инициативы. Ты ведь лучше его разбираешься в нынешней ситуации. Почему бы тебе не организовать мне встречу с теми, от кого все зависит? Я хочу поговорить непосредственно с Куполом*.

— Ишь ты, — ухмыльнулся Нитто. — Высоко метишь. О'кей, будет сделано. — И засмеялся своим неприятным, пронзительным смехом, напоминающим крик ночной птицы.

Беспокоила Тано и жена. Он никак не мог понять, почему день ото дня она становится все заботливей, все нежнее к нему. Сам столь искушенный в коварстве, он был уверен, что она что-то замышляет. Но что именно, не мог взять в толк.

Поэтому в тот вечер, когда она ушла из дома, он велел Марцио, своему шоферу, проследить за ней. Эстер отпра-

* Купол — верховный орган мафии.

вилась на свидание с Каттани в бар у Порты Тичинезе. С помощью Треви ей наконец удалось установить контакт с комиссаром.

Шофер проводил ее взглядом, когда она входила в бар. Сквозь стеклянную дверь он разглядел, как она обняла какого-то мужчину, а потом скрылась с ним в глубине бара.

Эстер извлекла из сумочки стопку листочков и протянула Каттани:

— Тут какие-то странные цифры и сокращения. Я все это переписала из его записной книжки.

Комиссар бегло проглядел их.

— Похоже на зашифрованные записи. Надеюсь, Треви с помощью компьютера сумеет найти код.— Он положил ей руку на плечо.— Прекрасная работа. Но теперь тебе самое время исчезнуть. Ни в коем случае не возвращайся домой. Если у него возникнет хоть малейшее подозрение, тебе крышка.

— Я дала себе зарок,— твердо ответила она.— Я должна его уничтожить. И пойду до конца. Но будь спокоен, у меня не упадет с головы ни один волосок. Он меня не тронет. И знаешь, в чем моя сила? Он влюблен в меня!

«Ах ты, маленькая упрямница»,— подумал Каттани.

— Ну что же, если хочешь строить из себя героиню... И все-таки осторожность никогда не помешает.

Комиссар вытащил из кармана плаща пистолет и протянул ей:

— Положи-ка в свою сумочку. На случай, если вдруг понадобится.

Эстер вздохнула.

— А теперь иди, не задерживайся.— Он погладил ее по щеке, потом притянул к себе и поцеловал.— Вспоминай иногда обо мне.

Как только Эстер вышла на улицу, к ней сразу же подбежал шофер.

— Садитесь, синьора.

— Марцио! Что вы тут делаете? Я со своей машиной.

— Знаю, что вы с машиной, но садитесь в мою, так будет лучше.

С угрожающим видом возвышался он над нею, попы- хивая сигаретой. Судя по всему, он не думал шутить.

— Ну ладно...

Шофер привез ее в какую-то жалкую квартирку с ободранными стенами.

— Я и
у хозяйина
такое при
— Есл
заплачу.
— Да
приехали
у Эсте
— Пят
у Мар
— До
— Ну
Эстер
рее покон
— До
руку и с
того, чем
Она р
— Что
— Ид
Шофе
пытаясь
рта рази
Эстер
как могл
сумочки
— А
получиш
— О'
все поня
Он го
сился на
— Эт
а мне не
Эстер
согнулся
пистолет
выстрел,
Ошеломл
нила пис
Она
Набрала
немедлен
вымолви

— Я не хотел этому верить, — лениво протянул он. — у хозяина были подозрения, но мне и в голову не могло такое прийти.

— Если будете держать язык за зубами, я вам заплачу.

— Да я и не собираюсь никому рассказывать! Мы приехали сюда, чтобы обо всем договориться.

У Эстер немного отлегло от сердца.

— Пятьдесят миллионов хватит?

У Марцио с лица не сходило загадочное выражение.

— Допустим, — ответил он.

— Ну, а если сто?

Эстер вынула чековую книжку. Ей не терпелось поскорее покончить с этой отвратительной историей.

— Допустим, — повторил шофер. Он протянул к ней руку и сунул в вырез блузки. — И вдобавок немножко того, чем вы угощаете своего приятеля из бара.

Она резко от него отпрянула.

— Что вы делаете, с ума сошли?

— Иди сюда, не шарахайся.

Шофер схватил ее за руку, а другой обнял за плечи, пытаясь поцеловать. У него была колючая щетина и изо рта разило чесноком.

Эстер вцепилась ему в горло ногтями, изворачивалась как могла и наконец сумела вырваться. Выхватила из сумочки пистолет и прицелилась в него.

— А ну назад, свинья! Если еще раз сунешься, получишь пулю в лоб.

— О'кей, о'кей! — Шофер растирал себе шею. — Я все понял, только убери эту штуку.

Он говорил с миролюбивым видом, но внезапно бросился на нее, заворачивая руку за спину.

— Это как же так, мерзкая ты шлюха, ему можно, а мне нельзя?

Эстер изо всех сил пнула ему ногой в щиколотку. Он согнулся от боли и, невольно дернув ее руку, повернул пистолет в свою сторону. От резкого толчка грянул выстрел, и шофер повалился на пол с пулей в груди. Ошеломленная Эстер инстинктивно разжала руку и выронила пистолет.

Она выскочила на улицу и бросилась искать телефон. Набрала домашний номер Треви. Каттани был у него. Они немедленно приехали и увезли ее. Она не в силах была вымолвить ни слова и только непрерывно всхлипывала.

Комиссар нагнул ей голову под кран и пустил струю холодной воды, чтобы она пришла в себя.

Эстер немного успокоилась, но то и дело закрывала лицо руками и с жалобным стоном повторяла:

— Я не хотела... Это случайно...

Пока Каттани успокаивал и утешал Эстер, заодно прикидывая, как лучше поступить в создавшейся ситуации, неустоимый Треви сидел за компьютером и работал. Вдруг он вскочил с торжествующим криком:

— Мне удалось расшифровать!

Эстер и Коррадо подбежали к нему. Треви нашел код, при помощи которого Тано зашифровывал свои записи. На дисплее можно было прочесть названия городов: Гамбург... Малинво... Амстельгартен... Ружмон... Фли-керт... Банвиль... Неаполь... Вот так, с ходу, трудно было понять, что означает этот список.

— Есть и еще кое-что. — Треви нажал клавишу, и на экране появился новый список. На этот раз фамилии — Канопио, Сантелиа, Салимбени...

Но больше всего Эстер поразило одно имя: Антонио Эспиноза.

— Где я его слышала? — наморщив лоб, она постучала по нему пальцами. — Ах, да, вспомнила. Эту фамилию я слышала от отца. Он мне еще сказал, что это очень важная персона.

Это уже было значительным шагом вперед. И все же Каттани никак не мог сосредоточиться на списках.

— Пока что надо поломать голову, как разрешить другие неотложные вопросы, — проговорил он.

Эстер поняла, что он имеет в виду смерть шофера, и снова помрачнела.

— Что ты предпримешь? Заявишь обо мне в полицию?

— Нет, тебе лучше исчезнуть. Я сам что-нибудь придумаю. Как только проверят номер пистолета, сразу увидят, что это мой. Скажут: комиссар опять начал чудить.

Нетрудно было предвидеть, что все произойдет точно так, как говорил комиссар. Главный прокурор Фалиши после нападения Улитки на Сильвию взял расследование в свои руки. Заодно занялся и делом об убийстве шофера, немедленно подписав ордер на арест Каттани.

Комиссар продолжал прятаться на квартире у Треви. И однажды вечером устроил там сбор всей своей команды.

пришел верзила Джуньи, а вскоре за ним и Куадри, еще
врачней и ворчливей, чем обычно.

Все уселись вокруг стола и выжидательно уставились
Коррадо. Тот без лишних слов приступил к сути:

— Ребята, нам надо разделить обязанности. В пер-
вую очередь нужно тщательно следить за прокуратурой.
Там, по-видимому, завелся предатель — судя по тому, что
мафиози сразу же узнали о решении перевести Фроло
в больницу, а потом и о дне и часе его перевозки. — Он
хлопнул рукой по столу, словно говоря, что с этим
вопросом покончено. — Теперь перейдем к самым неотлож-
ным делам. Таких дел три. Перво-наперво постараемся
проникнуть в квартиру Тиндари. Я знаю, что входная
дверь и окна опечатаны, ну что ж, придется содрать
печати. Только там, в его квартире, мы можем найти
какие-то следы Лореллы Де Пизис. Эту работу провернем
мы с Треви.

— Согласен, — отозвался Треви, чуть приподнявшись
со стула.

— Вторая задача, — продолжал комиссар. — Кто-то
должен заполучить документы, конфискованные в казино,
а также банковские документы, касающиеся Тиндари.
Все то, что находится в прокуратуре. Кто этим займется?

Трое полицейских молча переглянулись. Наконец Джу-
ньи кивнул своей огромной головой:

— О'кей, это я беру на себя.

— Хорошо, — сказал Коррадо. — И третье: Куадри —
он у нас единственный остался без работы — сядет на
хвост сенатору Салимбени. Этот политикан завтра при-
езжает в Милан. Надо проследить, куда он ходит, и сфо-
тографировать всех, с кем встречается.

УЛИКИ

Две стены длинной комнаты на первом этаже целиком
занимали книжные шкафы. Книгами были доверху наби-
ты и огромные картонные ящики, громоздившиеся в углу.
Эрнесто, муж Сильвии, еще не освоился на новом месте.

Квартиру он оставил жене. Выбитый из колеи разры-
вом, он предпочел от нее уехать и устроился здесь, со
всеми своими книгами — необходимым инструментарием
для работы, в этой большой комнате, выходящей окнами
в тихий дворик.

Как-то вечером, немногим позже десяти, он услышал легкий стук в дверь. Пошел открывать и увидел перед собой худощавого мужчину с поднятым воротником пальто. Вид у посетителя был донельзя испуганный.

— Сенатор, прошу вас, — поспешно проговорил незнакомец, — разрешите войти, мне необходимо с вами поговорить.

И, не дожидаясь согласия Эрнесто, быстро проскользнул в дверь.

— Я ассессор Бини, — представился посетитель. — Меня сегодня утром временно выпустили на свободу, но у меня мало времени. Я не могу у вас долго оставаться, иначе мне конец. Эти люди не знают пощады. — Он поставил на пол свой чемоданчик и вытащил из него пачку бумаг. — Вот, держите, — сказал он, протягивая ее Эрнесто. — Я передаю вам доказательства коррупции. Квитанции, счета, чеки, подряды. Берите, берите. Вы входите в Комиссию по борьбе с организованной преступностью и должны предъявить этот материал именно там, чтобы доказать, что я не отрекаюсь ни от одного слова из всего того, что сказал комиссару Каттани. Меня заставили отказаться от своих показаний под угрозой смерти.

Потрясенный сенатор взял из его рук грудку бумаг.

— Это чудовищно, — проговорил он.

— Да, несомненно, — ответил Бини. — Тут вы найдете также улики против сенатора Салимбени, доказывающие получение им взяток.

Лицо его вновь исказилось гримасой страха. Горестно вздохнув, он поспешно направился к двери и растворился в ночной темноте.

Эрнесто в растерянности остался стоять с бумагами в руках. Слегка придя в себя, он наконец сел за стол и принялся знакомиться с документами, просматривая их один за другим. Перед ним раскрылась ужасающая картина разложения и продажности.

— О Господи, — воскликнул он, — кто бы мог предположить!

Больше всего его поразили материалы, касающиеся Салимбени.

— Нет, вы только посмотрите, что вытворяет этот сенатор! — в сердцах воскликнул Эрнесто, вспугнув тишину огромной комнаты.

По воле случая Салимбени как раз в те дни находился в Милане и на следующее утро должен был торжественно

открывать новый дом отдыха для престарелых. Эрнесто отправился на церемонию с намерением встретиться с сенатором и высказать все без обиняков ему в лицо.

Он отвел Салимбени в сторону и сказал:

— У меня были некоторые сомнения, когда Каттани выдвинул против вас обвинения в Комиссии. Теперь же я убедился, что комиссар абсолютно прав.— Он секунду поколебался, а потом резко, обличающим тоном бросил: — Вы взяточник, сенатор.

Салимбени негодуяюще воскликнул:

— Да как вы смаете говорить мне такое?

— Да, да, вы взяточник,— твердо повторил Эрнесто.— И я хочу дать вам совет: оставьте политику, уступите свое место в сенате другому, иначе я буду вынужден заявить о вас.

— Заявить обо мне?.. Да вы что — рехнулись?..

Смерив Салимбени суровым, непреклонным взглядом, Эрнесто продолжал:

— Вы должны уйти, сенатор. Даю вам время на размышление до восьми часов вечера завтрашнего дня. Если в течение этого времени вы не сообщите мне о своем намерении подать в отставку, я начну действовать.— Он решительно взмахнул рукой.— И тогда вас ждут большие неприятности, так как в мое распоряжение поступили весьма компрометирующие вас документы. Я передам их на рассмотрение Комиссии...

Притаясь в сотне метров от беседующих, агент Куадри наблюдал за ними и при помощи телеобъектива щелкал фотографии. Он следил за сенатором весь день. А вечером вновь появился на квартире у Треви, где состоялось новое совещание всей команды.

Джуньи бросил на стол свои трофеи — несколько папок с бумагами, которые ему удалось заполучить в прокуратуре. Каттани с Треви тоже неплохо поохотились. Они проникли через окно в квартиру Тиндари и после терпеливых поисков обнаружили в шкатулке для рукоделья чековую книжку.

В книжке не хватало только одного чека, но любопытнее всего была запись, сделанная шариковой ручкой на обороте. Три отдельные буквы — наверно, инициалы. «Л. Д. П.».

— Эта чековая книжка,— сказал Каттани,— служила для выдачи кому-то денег на содержание Лореллы Де Пизис. Но кому? — Комиссар придвинул к себе папки,

вынесенные Джунии из прокуратуры. — Может, удастся выяснить из конфискованных банковских документов.

Так оно и оказалось. В колонках цифр, записанных счетной машиной, им удалось отыскать номер того единственного чека, которого не хватало в чековой книжке. Он был вырван из книжки пару месяцев назад и выписан на три миллиона лир, предназначавшихся «Оверсиз Скул» — закрытому учебному заведению в одном из западно-германских городков.

— Поглядите-ка сюда, — оживился Каттани, — тут длинный список платежей — и каждый в три миллиона. По одному миллиону в месяц. — Он хватил кулаком по столу. — Мы нашли школу, в которой учится девочка!

В этот момент позвонили в дверь. В комнате воцарилась тишина, потом с лестницы донесся голос Сильвии — она просила открыть ей дверь.

Сильвия искала Коррадо по всему городу, пока монах-расстрига Бернардо не надоумил ее. «Тот, кого вы ищете, — сказал Бернардо, — если должен скрываться, то самое надежное для него место — в доме Треви».

— Нельзя так вот вдруг исчезать, — выговаривала комиссару Сильвия. — Мог хотя бы позвонить, чтобы я не волновалась.

Но гнев ее был недолгим. На лице появилось более миролюбивое выражение, которое затем сменилось нескрываемым беспокойством.

— Ох, Коррадо, что это за история? Что все это значит? Ушел в подполье, как какой-то преступник. — Ты знаешь, что выдан ордер на твой арест? Возле убитого нашли твой пистолет.

— А откуда тебе известно? — удивился Каттани. — В газетах пока еще ничего не было.

— Мне рассказал мой начальник, Фалиши. Возможно, надеется, что ты сам к нему явишься.

— Даже и не подумаю. Сначала мне надо кое-что выяснить, а там будет видно. — Он с задумчивым видом подошел к окну. — Мне нужно время. Сильвия, еще совсем немножко времени — и сложится полная картина во всех деталях.

Сильвия молчала, с тревогой всматриваясь в него. Наконец, не сводя с него пытливого взгляда, со страхом спросила:

— Но твой пистолет, Коррадо, как он там оказался?

Комиссар не ответил. И тут у Сильвии вырвался мучивший ее вопрос:

— Но ведь не ты убил этого человека, правда?

— Нет, — проговорил он. — Это сделал не я. Только, пожалуйста, не спрашивай меня, кто. Скоро узнаешь, как было дело.

Коррадо произнес это таким тоном, что было ясно — больше из него ничего не вытянуть. «Он хочет, чтобы я ушла», — со стесненным сердцем догадалась Сильвия.

— Ты не можешь меня вот так выставить, — взмолилась она. — Еще каких-нибудь несколько дней назад ты строил планы, как мы с тобой будем жить вместе, а теперь напускаешь на себя таинственность и пытаешься поскорей от меня избавиться...

Коррадо продолжал с отсутствующим видом глядеть в окно.

— Ситуация очень сложная, — лишь коротко ответил он.

Сильвия положила руку ему на плечо и ласково прошептала на ухо:

— Я знаю, у тебя уйма неприятностей. Я пытаюсь тебе помочь, а выходит — только создаю новые заботы. — Она нежно погладила его по затылку. — Но постарайся меня понять: мне ведь тоже хочется какой-то уверенности в своем будущем. Так что позволь уж спросить напрямик: хочешь ли ты, когда уляжется вся эта кутерьма, переехать ко мне?

Комиссар Каттани пожал плечами. Казалось, он смущен и в большом замешательстве.

— Разве можно, — пробормотал он, — решать такой важный вопрос вот так, с ходу.

Коррадо отвернулся, чтобы взять кофе, который принес Куадри, и бросил на него благодарный взгляд за минутную передышку. Он воспользовался ею, чтобы придумать какой-нибудь обтекаемый ответ.

— Если у нас с тобой вообще будет будущее, — проговорил он, — то да, конечно, мне бы хотелось...

Сильвия неуверенно протянула руку и погладила его по лицу.

— Понятно, — прошептала она, — понятно, если у нас с тобой будет будущее.

Каттани кивнул и, наморщив лоб, отошел от окна, о чем-то вспомнив. Его потянуло еще раз взглянуть на снимки, которые Куадри повесил сушиться на веревочке.

Это были сделанные им фотографии сенатора Салимбени и всех тех, с кем он встречался.

— Послушай-ка,— спросил комиссар у Сильвии,— а это случаем не твой муж?

Без всяких сомнений, мужчина, шедший рядом с Салимбени, был Эрнесто.

— Что у него за дела с этим сенатором? — озадачилась Сильвия и нахмурилась, сердце ей сжало какое-то страшное предчувствие.— Мне надо сейчас же повидать его.— И она бросилась к двери.

Каттани схватил ее за руку:

— Обожди, я не пущу тебя одну.

В ту самую минуту, когда они выходили, Эрнесто сидел у себя дома, уткнувшись лицом в письменный стол. Руки его безжизненно свисали, в затылке чернела большая дыра. В него стреляли в упор, приставив пистолет почти вплотную к голове.

В стоящей перед ним пишущей машинке был вставлен бланк парламентской комиссии. Эрнесто успел напечатать только заголовок, из которого явствовало содержание документа: «заявление по поводу расследования деятельности сенатора Салимбени».

Мужчина в шляпе выдернул бумагу из машинки, собрал все документы, которые Бини передал Эрнесто, и выскользнул из квартиры, аккуратно закрыв за собой дверь...

Убийство мужа глубоко потрясло Сильвию. Угрызения совести, чувство вины за то, что она оставила его одного, несомненно, тоже сыграли немалую роль, делая ее горе еще острее, еще безутешнее. Некоторое время она находилась в глубокой прострации, совершенно убитая свалившимся на нее несчастьем, но постепенно в ней крепла решимость продолжать дело, начатое Эрнесто. Это самый достойный способ почтить его память, думалось ей.

Глава прокуратуры Фалиши был занят тем, что пытался навести порядок на своем письменном столе, когда дверь без предварительного стука отворилась и стремительно вошла Сильвия. Вид у нее был весьма решительный.

— Я хочу попросить вас отдать мне мое расследование. Я ничего не боюсь,— выпалила она.

Фалиши недоверчиво воззрился на нее из-за толстых

стекло очков. Медленно отодвинул кипу бумаг и, словно раздумывая, повторил:

— Ваше расследование... — Он встал, обогнул письменный стол и подошел к Сильвии. — Ну что ж, так тому и быть. Мне кажется, будет правильным, если вы вновь возьмете его в свои руки. — Он дружески похлопал ее по плечу: — Желаю удачи, доченька.

КУКЛА

Стрелки часов приближались к полудню, когда Тано Каридди открыл железную калитку в ограде старинного сицилийского палаццо. На пороге его встретил мужчина со смуглым худым лицом. Не произнося ни слова, он лишь улыбнулся ему и жестом костлявой руки пригласил Тано следовать за ним. Миновав огромный вестибюль, они вошли в зал, по бокам которого высились колонны.

Дойдя до середины зала, его проводник предупреждающе поднял руку, и Тано остановился. Прямо перед собой, в глубине зала, он увидел спускающуюся с потолка легкую занавесь. За ее складками вырисовывались силуэты нескольких сидящих в ряд мужчин.

— Тано Каридди, — прозвучал голос из-за занавеси, и эхо прокатилось по залу, — говори.

Он находился перед Куполом — верховной властью мафии. Уважив просьбу Нитто, самые влиятельные главы собрались исключительно для того, чтобы послушать, что им скажет он, Тано. Когда Нитто объяснил, что между Тано и его братом, Главой Семьи, возникли разногласия по некоторым, представляющим общий для них интерес вопросам, главари сочли разумной мысль выслушать этого молодого человека, уже доказавшего, что у него неплохо варит голова.

— Говори! — повторил голос из-за занавеси.

— Я пришел кое-что вам предложить, — напористо начал Тано. — Колоссальные сделки в новой, до сих пор незнакомой нам области. В Западной Германии, в железнодорожном тупике, стоит товарный состав. Его груз — радиоактивные и токсические отходы. Так вот, я прошу предоставить в распоряжение отправителей остров Тирене, чтобы захоронить там груз этого поезда. Если вы дадите свое согласие, то из разных городов Европы систематически будут отправляться поезда с ра-

диоактивными отходами. Придет в действие механизм сделки на сумму в тысячи миллиардов лир, ибо с каждым днем становится все больше предприятий, стоящих перед труднейшей проблемой захоронения вредных отходов. Вы лишь за одно то, что уступите им этот забытый богом и людьми островок, будете получать ежегодно абсолютно законный доход в четыреста миллиардов. — Тано сделал паузу, словно ожидая проявления какого-нибудь интереса с их стороны. Но сидящие за занавеской тени даже не пошевелились, не издали ни звука. — Старый Глава Семьи, — продолжал Тано, — возражает. Он не до конца осознает финансовые масштабы сделки, и это понятно — уже не успевает за жизнью, но вам-то ничто не мешает по достоинству оценить мое предложение. Я буду ждать от вас ответа в течение трех дней.

Костлявый мужчина, его провожатый, вынырнул из-за колонны и знаком показал Тано на выход.

Ровно через три дня последовал ответ — его принес Нитто.

— Они согласны, — сообщил он. — Купол принял твоё предложение. Скажи Эспинозе, что остров в его распоряжении и он может отправлять поезд. В Неаполе мы всю эту гадость перегрузим на судно и свалим на остров.

Тано вновь одержал победу. Он самодовольно выпятил грудь, устремил взгляд куда-то вдаль и небрежно спросил:

— А что будет с твоим братом?

На лице Нитто, и так помеченном печатью жестокости, мелькнула зловещая усмешка.

— Это уж, — ответил он, — забота Семьи.

Дела шли как по маслу и на финансовом фронте. План Тано прибрать к рукам «Международное страхование» день за днем успешно осуществлялся.

— Мы уже являемся владельцами четырнадцати процентов акций, — торжествующе объявил он однажды своим самым близким сотрудникам из Банка Антинари. — Но должны заполучить как минимум тридцать один!

Следующий шаг к этой цели он намеревался сделать, приобретя две компании — «Бартон» и «Селис», которые, как явствовало из информации, полученной еще от Рази, переживали тяжелый момент, нуждаясь в притоке средств.

— Мы окончательно выйдем у них почву из-под ног, — объяснил Тано, — когда провернем нашу игру на понижение акций. Заставим их пустить акции в продажу, а потом

сразу
последо
де чем
чен на

А м
лицу
Ненав
росла
в свое
в день
изо дн
малень

С т
у Тре
из гол
здесь
отца:

Ей
этом о
ционер
стный
телось
цатого
кукла

Эст
разны
грустн
в разд
с этим

Ее
радост
вейно

—
вашег

И

—

правя
хвата

ция.—

в улы

тельну

—

приста

сразу же предложим свою цену.— Тано встал, и все последовали его примеру.— Господа,— объявил он, прежде чем закрыть совещание,— день нашего триумфа назначен на завтра!

А между тем совсем рядом, втайне, незаметно, сицилийцу неустанно рыли яму, страстно желая его гибели. Ненависть к нему его жены не только не ослабевала, но росла с каждым днем. Эстер все больше укреплялась в своем намерении накинуть ему на шею удавку. Изо дня в день только и думала о том, как бы это лучше сделать, изо дня в день старалась найти еще одну, хоть самую маленькую улику, чтобы добиться его ареста.

С той самой минуты, когда она увидела на дисплее у Треви фамилию Эспинозы, этот челонок не выходил у нее из головы. Эстер инстинктивно чувствовала, что именно здесь — ключ ко всему. Она прекрасно запомнила слова отца: «Это очень влиятельный человек».

Ей удалось также вспомнить, что отец упомянул при этом о страсти Эспинозы к предметам старины. Коллекционер. Потом всплыла в памяти еще одна деталь: несчастный отец рассказывал ей о том, что Эспинозе очень хотелось добавить к своей коллекции их куклу восемнадцатого века. Но отец всегда отказывался ее продать. Эта кукла и теперь стоит в горке в опустевшем доме Рази.

Эстер поехала за ней. Кукла была особенная, с двумя разными лицами — одно спереди веселое, другое сзади — грустное. Она осторожно взяла куклу в руки, долго в раздумье вертела ее и наконец решила отправиться с этим редкостным подарком к Эспинозе.

Ее ожидания оправдались. Эспиноза был вне себя от радости и казался глубоко тронутым. Чуть ли не благоговейно он поставил куклу рядом с другим антиквариатом.

— Если бы вы только знали, сколько раз я умолял вашего отца уступить ее мне...

И он показал Эстер четыре другие куклы.

— Вот смотрите, они воплощают четыре чувства, правящих человеком: доброту, злобу, горе и радость. Не хватало лишь двуличия. Теперь у меня полная коллекция.— Не скрывая своего удовольствия, он расплылся в улыбке: — Скажите, сколько вы хотите за эту замечательную куклу?

— Ничего,— ответила Эстер,— я се вам дарю.— Она пристально, без тени улыбки посмотрела ему в глаза.—

Мне лишь хотелось бы, чтобы вы помогли мне понять, почему отец покончил с собой.

Лицо Эспинозы чуть омрачилось, кто знает, может, от тайного раскаяния.

— И вы хотите узнать это именно от меня?

— Да, — ответила Эстер. — Шофер отца сказал мне, что незадолго до самоубийства возил его сюда, к вам.

— Ах, да-да, он приезжал предложить мне одно дело, — небрежно бросил Эспиноза, — но я не смог принять его предложение, потому что уже дал обещание другому человеку.

— Понимаю, — усмехнулась Эстер. — А этого другого человека зовут Тано, не так ли?

В глазах Эспинозы мелькнуло беспокойство.

— Да, но ни я, ни ваш муж никак не виноваты в смерти вашего отца. Он покончил с собой потому, что чувствовал себя одиноким, был в состоянии депрессии.

Эстер, скрывая горькую гримасу, опустила голову и подошла к горке, уставленной предметами старины. Взгляд ее упал на разложенную рядом на столе географическую карту Европы. Ее внимание привлекли красные кружочки, в которые были взяты названия некоторых городов. Каждый кружочек был соединен с другим также красной линией. Таким образом на карте был прочерчен маршрут, пересекающий Германию, Швейцарию и шедший с севера на юг через всю Италию.

Заинтересовавшись, Эстер подошла к карте поближе и пробежала глазами названия городов, обведенные красными кружками: Гамбург, Малинво, Амстельгартен, Ружмон, Фликерт, Банвиль, Кьяссо, Генуя, Неаполь.

Внезапно ее бросило в жар от волнения. Вспомнилось, что перечень именно этих городов появился на дисплее у Треви, когда он расшифровал записи в книжечке Тано.

— Что это такое? — спросила она, еще не совсем придя в себя от изумления.

— Ах, это? — улыбнулся Эспиноза. — Такая игра. Поезд должен прийти по назначению, преодолев одно за другим все встреченные на пути препятствия.

Когда они вот так склонялись над географической картой, игра с поездом уже началась. Длинный товарный состав с вагонами темного цвета покинул тупик возле железнодорожной станции Гамбурга, где он долго стоял,

казалос
направл
Отпр
умф Та
А для
бальны
Нит
и заня
палачу
ла как
роплив
и суну
—
Как
—
сказал
одной
Как же
Нит
Сальер
нибудь
смотре
Уби
скольз
сузили
злобу.
всего
ничего
палец,
вдруг
Салье
выстре
сразил
Бе
привя
остало
—
смотре
Са
ты.

казалось всеми забытый, и начал быстро продвигаться по направлению к югу.

Отправка этого поезда означала окончательный триумф Тано, осмелившегося выступить против Главы Семьи. А для старого главаря перестук его колес звучал погребальным звоном.

Нитто уже принял решение убрать старика-брата и занять его место. Он отдавал последние указания палачу Сальери. Жуткая рожа этого головореза выглядела как никогда кровожадной. Он взял пистолет, неторопливо и тщательно вложил обойму, расстегнул пиджак и сунул его за пояс.

— Пошли,— сказал Нитто.

Как обычно, старик неподвижно сидел в своем кресле.

— Сантуццо,— проговорил он, увидев Сальери,— мне сказали, что и ты собираешься уехать в Америку.— От одной мысли об этом старика, казалось, затошнило.— Как же ты там сможешь жить без аромата апельсинов?

Нитто стоял перед стариком, прислонившись к стене. Сальери же находился за спиной Главы Семьи, в каком-нибудь метре от его огромной головы. Нитто пристально смотрел на Сальери и вдруг кивком подал ему сигнал.

Убийца расстегнул пиджак, его чудовищная лапища скользнула за пояс и выдернула пистолет. Глаза Сальери сузились, превратясь в две щелки, источающие дикую злобу. Он поднял руку. Ствол пистолета теперь находился всего в каких-нибудь нескольких сантиметрах от головы ничего не подозревающего старика. Рука напряглась, палец, казалось, готов был вот-вот нажать на курок. Но вдруг произошло нечто непредвиденное, невероятное. Сальери поднял руку чуть повыше и со зверской гримасой выстрелил один за другим четыре раза подряд. И пули его сразили Нитто.

Бесконечно преданный старику и глубоко к нему привязанный, этот холодный и безжалостный убийца остался ему верен.

— Убери его отсюда,— мрачно буркнул старик,— смотреть противно.

Сальери взял труп Нитто за ноги и выволок из комнаты.

АВТОБУС

В первую минуту директриса «Оверсиз Скул» была очень удивлена визитом в ее учебное заведение двух итальянских полицейских, приехавших к ним сюда в Германию. Каттани и Треви поспешили ее заверить, что не произошло ничего страшного и речь идет лишь о простой проверке. Она смотрела на них холодно и недоверчиво, но в конце концов согласилась позвать одну из воспитанниц — Лореллу Де Пизис.

Это была девушка лет восемнадцати, худенькая, черноволосая, с живыми темными глазами. Она тоже была испугана этим неожиданным визитом.

— Что-то случилось с отцом?

Комиссар Каттани был не слишком хорошим дипломатом. Помявшись, он выдавил из себя:

— Да, действительно, недавно с ним произошло несчастье.

— Как это — недавно? Еще вчера вечером он себя прекрасно чувствовал! — воскликнула Лорелла с неподдельным изумлением.

Гости непонимающе переглянулись.

— Вчера вечером? — недоверчиво уточнил комиссар.

— Ну да. Вчера вечером я говорила с ним по телефону.

Дело чертовски запутывалось. Ведь Каттани полагал, что девушка — приемная дочь Тиндари.

— Припомни, Лорелла, ты никогда не слыхала про некоего Тиндари?

— А кто это такой? — спросила девушка с недоуменной гримаской.

Комиссар в некотором замешательстве почесал в затылке, не представляя, как выбраться из этого лабиринта. Кто же этот человек, который убедил Лореллу, что он ее отец? И вдруг лицо Каттани прояснилось: кажется, он наконец понял, в чем тут загвоздка.

— Послушай, — стараясь говорить как можно убедительней, обратился он к девушке, — тебе надо поехать с нами в Италию. Это очень важно. Но сначала ты должна позвонить отцу по телефону. Вызови его и назначь встречу в детском приюте Бернардо в Милане. Мы там будем его ждать.

Приехав в Милан, Каттани сразу же поручил девушку заботам бывшего монаха, а сам вместе с Сильвией

приготовился к встрече с таинственным персонажем, который придет на свидание с дочерью. Было хмурое утро, над городом навис свинцовый туман.

Сильвия и Коррадо притаились на кухне. Сильвия явно нервничала.

— Что за нелепая история, — проворчала она с раздосадованной и недоверчивой миной.

Вскоре они услышали скрип калитки и приближающиеся шаги. Посетитель, по-видимому, был не один. Окно кухни выходило на другую сторону, и они не могли увидеть пришедших. Однако отчетливо различали шуршание подошв по гравию двора, и им показалось, что шум шагов неодинаков. С равномерными интервалами, не совпадая с ритмом шагов, доносилось резкое постукивание — один из пришедших, видимо, хромал и опирался на трость.

Теперь шаги громыхали в коридоре, приближаясь к кухне. И вот на пороге появился невысокий тучный старик с непропорционально большой головой и лицом, заросшим трехдневной щетиной. Он тяжело опирался на палку. Это был не кто иной, как Глава Семьи. За ним в дверном проеме вырисовывалась громадная фигура Сальери. Прежде чем впустить гостей, Треви подверг их тщательному осмотру и вытащил у Сальери два пистолета.

— Где моя дочь? — с оглушительной зычностью спросил старик.

Коррадо, не отвечая, испытующе смотрел на него.

— А кто вы? — спросил он в свою очередь.

Старик слегка усмехнулся, поднял палку и, направив ее на Каттани, пророкотал:

— Ты же знаменитый комиссар. Неужто сам не догадываешься? Я — Глава Семьи.

Каттани и Сильвия переглянулись в глубоком замешательстве, а старик придвинул к себе стул и уселся, вытянув больную ногу.

— Где Лорелла? — повторил он свой вопрос. — Она не моя дочь, но я для нее больше чем отец. — Он слегка откинул голову. — Она была совсем еще маленькая, когда я впервые увидел ее в приюте у монахинь. Ей было всего несколько месяцев.

— Ее зовут не Лорелла, — перебил его Коррадо, — а Паола. Ее настоящее имя и фамилия Паола Фроло.

Старик досадливо отмахнулся:

— Да знаю, знаю! Но для меня она Лорелла. Я ее

вырастил, выучил. И считаю своей родной дочерью. Поведение старика, строящего из себя заботливого отца, привело Коррадо в ярость, и комиссар прямо бросил ему в лицо обвинение: это по его приказу Тиндари убил мать девочки.

Старик вновь протестующе поднял руку.

— Да что ты об этом знаешь? Разве можешь ты что-нибудь понимать в наших сицилийских делах? Тиндари был не виноват, даже напротив: когда нападавшие удрали, он бросился на помощь и ему удалось спасти девочку из огня.— Перед его глазами, казалось, проходили какие-то далекие, смутные воспоминания.— Эта история произошла в тысяча девятьсот семидесятом году. Никогда еще раньше Сицилия не видела такого позора. Чтоб напасть на женщину с ребенком!..— Он провел рукой по лбу и мрачно изрек: — Во всем виноваты наркотики, это они смели все правила чести. Раньше командовало всего несколько человек, а остальные им подчинялись. Но с тех пор как пошла торговля наркотиками, все враз захотели разбогатеть и началась война, теперь вот борются друг против друга, не брезгуя никакими средствами. Потеряли всякое уважение друг к другу...

Старик глубоко вздохнул, как бы признавая свое бессилие, коль на свете все пошло кувырком,— дескать, чему бывать, того не миновать. Помолчав, он снова спросил, где Лорелла.

— Я хочу с ней повидаться,— сказал он,— а потом ее сразу надо отправить обратно в Германию.

— Нет,— возразил комиссар,— я должен отвезти ее к настоящему отцу.

Впервые за время разговора Глава Семьи, до этого неизменно сохранявший невозмутимость и державший себя в руках, занервничал.

— Не делай этого, комиссар,— с нажимом проговорил он, сверля Каттани взглядом,— это будет жестоко с твоей стороны. Ведь Фроло для нее чужой человек, она его совсем не знает. Ты хочешь отвезти ее к какому-то умирающему незнакомому старику и вот так лишиться сразу двух отцов.— Он старался придать своему голосу убедительность.— Нет,— продолжал он,— никто не должен знать правду. Пусть девочка навсегда останется Лореллой Де Пизис. Если до моих врагов дойдет, что она моя дочь, ее без всякой жалости отправят на тот свет.

Соглашаясь про себя с такой возможностью, Коррадо

молча
добавил
— Е
взамен
Катт
ствующ
узнал го
— Г
Она
Главы
— П
В эт
выгляну
машины
сыпалис
влетела
в руке
— Н
ним.
Корр
поднял
— Т
он,— но
затылку
— С
рик.— С
хотят м
меня из
Катт
опешил
и стари
— Р
комисса
в корид
Пыт
видом
— С
голосом
детей,
—
зи — по
глаз, н
—
расстр

молча смотрел на старика. А тот обещающим тоном добавил:

— Если окажешь мне такую услугу, расскажу тебе взамен всю историю мафии за последние тридцать лет.

Каттани не успел ему ответить. Внимание всех присутствующих привлекли какие-то крики в коридоре. Каттани узнал голос Лореллы — она требовала пустить ее к отцу.

— Где он? Я хочу его видеть!

Она рывком распахнула дверь и бросилась в объятия Главы Семьи.

— Папа, наконец-то!

В эту минуту во двор въехала машина, и комиссар выглянул проверить, кто приехал. Он увидел, как из машины выскочили четверо вооруженных мужчин и рассыпались по двору; в это же время следом в ворота влетела вторая машина. Комиссар попятился, сжимая в руке пистолет.

— Надо уходить! — закричал он. — Они приехали за ним.

Коррадо схватил старика за лацкан пиджака и приподнял со стула.

— Твои люди хотят тебя освободить, — прошипел он, — но живым они тебя не получат. — Он приставил к его затылку пистолет. — Я тебя прикончу!

— Ошибаешься, комиссар, — задыхаясь, сказал старик. — Они приехали не для того, чтобы меня спасти. Они хотят меня убить: я конченый человек, мафия решила от меня избавиться.

Каттани, никак не ожидавший такого поворота дела, опешил. Неужели в верхах мафии произошел переворот и старик стал его жертвой? Он опустил пистолет.

— Все живее выходите, — решительно скомандовал комиссар. Таща за руку Главу Семьи, он первым бросился в коридор и побежал, увлекая всех за собой.

Пытаясь задержать приближавшихся с угрожающим видом бандитов, во двор вышел Бернардо.

— Стойте, остановитесь, — произнес он умоляющим голосом. — Уберите ваше оружие. Никого здесь, кроме детей, нет...

— Где старик? — прорычал в ответ один из мафиози — по-видимому, главарь банды. Он был кривой на один глаз, ноги колесом, в руках — «калашников».

— Не знаю, о ком ты говоришь, — пожал плечами расстрига.

Тогда налетчик взял свой автомат за ствол как дубинку, размахнулся и изо всех сил хватил Бернардо по коленям, сломав ему ногу. С обезумевшим от ярости лицом бандит прохрипел:

— Сейчас увидишь, что будет с твоими детками!

Он опрокинул на землю канистру с бензином, стоявшую в сторонке у входа в часовню, рядом с бутылками растворителя и горой банок с краской. Чиркнул спичкой и бросил ее на разлившуюся жидкость.

При виде огня в бандитов словно бес вселился. Они вконец потеряли человеческий облик, слепая ярость, жажда крови превратили их в диких зверей.

Пламя бушевало вовсю. Бернардо, с трудом волоча сломанную ногу, пытался отползти подальше от огня, а Коррадо и все остальные метались внутри здания, ища другой выход. Но все выходы были заблокированы бандитами. Тогда Каттани с отчаянной решимостью вытолкнул вперед старика и закричал:

— Вот он, берите его! Он ваш, но только не трогайте детей!

На дьявольской роже главаря появилась торжествующая усмешка.

— Давай и второго, — прошипел он. — Вы должны выдать нам Сальери!

Но Сальери не собирался сдаваться. Его уродливое лицо перекосилось от злости. Он неожиданно вырвал у Треви автомат, выскочил на двор, захватив всех врасплох, и в слепом бешенстве стал поливать бандитов огнем. Трое из налетчиков пали под его пулями.

Оставшиеся в здании тотчас воспользовались замешательством противников. Каттани стрелой бросился к часовне, где укрылись дети — пламя подбиралось к ним все ближе. Треви побежал к автобусу, в котором Бернардо возил детей на прогулки. Ему удалось запустить мотор, он подогнал автобус к дверям часовни, а Сальери, укрывшись за поленницей, продолжал вести огонь, прикрывая остальных.

Красные языки пламени, окаймленные копотью, поднимались все выше. Воздух был пропитан удушливой гарью, с каждой минутой становилось все труднее дышать.

— Все в автобус! — крикнул Коррадо перепуганным детям, сбившимся в кучку в глубине часовни. Среди них была и Грета с побелевшим от испуга личиком.

Автобус оставался единственным средством спасения

и для всех остальных. Поддерживаемый Лореллой, к автобусу заковылял и старик, а Сильвия из последних сил тащила Бернардо. Треви бросился ей на помощь, взвалил Бернардо на спину и занес в машину.

И вот все собрались в автобусе. Дети попрятались под сиденья, старик стоял на коленях, прикрывая своим телом Лореллу. Не хватало только Сальери. Краем глаза он увидел, что автобус готов отъехать. Теперь ему надо было перебежать к нему из укрытия. Он пригнулся и выскочил на открытое пространство, пустив длинную очередь.

Автобус тронулся. За рулем сидел Треви. Но почти сразу же следом устремилась машина с двумя мафиози.

— Они у нас на хвосте! — закричал Треви, следивший за автомобилем в зеркало заднего вида. Он был почти без сил, плечо в глубоких ссадинах, лицо в копоти и масле.

Из машины налетчиков прогремела автоматная очередь, пробив покрышку колеса. Автобус стал терять скорость. Дорога шла под гору. Они ехали по заброшенному проселку, безлюдному и тихому, по обеим его сторонам зеленели поля.

— Держись наготове! — предупредил Треви комиссар. — Когда подам сигнал, сразу резко тормози.

Комиссар то смотрел вперед на дорогу, то оглядывался на машину преследователей, стараясь выбрать подходящий момент. Автобус вырулил на крутой поворот, и машина мафиози чуть не налетела на него — еще немного и уткнулась бы в задний буфер.

— Тормози! — заорал Каттани.

Треви что было мочи нажал на тормоз, автобус сразу встал как вкопанный, и машина врезалась в него со страшной силой. Каттани, воспользовавшись растерянностью мафиози, меткой автоматной очередью пригвоздил их к сиденьям.

Комиссар перевел дух и тыльной стороной ладони вытер со лба пот.

— Можете подняться. Опасность миновала.

РАСПЛАТА

В то утро Тано Каридди приехал в банк очень рано. И сразу же, собрав на совещание своих подчиненных, произнес, чтоб их воодушевить, краткую речь.

— Ну, теперь не зевайте! — призвал он их под конец.

Для Тано наступил великий день.

На экранах мониторов медленно ползли названия компаний с ценами акций на данный момент.

— Внимательно следите за «Бартоном» и «Селисом», — приказал сицилиец. — Ровно через сорок пять минут начните скупать «Фрезию», «Смат» и «Примар».

К полудню атакующий маневр вошел в решающую фазу.

— Отлично, — с удовлетворением хмыкнул Тано, — мелкие держатели попались на удочку и в массовом порядке спускают акции «Международного страхования». Скупайте все! Вот сейчас, сейчас самое время: удвойте цену за акции!

В течение одного утра пакет акций «Страхования», принадлежащий Банку Антинари, возрос с четырнадцати до двадцати пяти процентов. А наступление продолжалось.

Ровно в четверть второго дня на мониторах появились цифры, знаменующие победу сицилийца. Он достиг своей цели: теперь банк владел тридцатью одним процентом акций «Международного страхования» и практически контролировал всю эту финансовую группу. Тано расслабленно откинулся в кресле, достал из стоявшей перед ним коробки длинную сигару, раскурил ее и чуть ли не со сладострастным удовольствием глубоко затянулся.

А в это время его жена Эстер находилась в полицейском управлении. Она попросила Куадри немедленно отвезти ее к Каттани.

— Нам только что стало известно, — сказал ей полицейский, — что сегодня у него выдалось довольно беспокойное утро. Боюсь, его не так-то легко будет найти.

Они разыскали его в старом деревенском доме, где комиссар нашел пристанище вместе с остальными пассажирами автобуса. Метрах в двадцати, на повороте дороги, все еще стоял и автобус, и налетевшая на него машина. Вокруг бродили полицейские и карабинеры, щелкали фотоаппаратами, делали замеры, записывали каждую мелочь.

Увидев Эстер, Коррадо не смог скрыть досады:

— Что ты тут делаешь?

Он был небрит, лицо пересекала большая царапина. Смертельно уставший, он на мгновение прикрыл глаза.

— Мне нужно было срочно тебя увидеть, — ответила она. — Я сделала одно важное открытие. Помнишь список

каких-то городов? Это маршрут поезда. Я узнала об этом в одном маленьком швейцарском местечке близ Локарно. Мне сказал про поезд человек по фамилии Эспиноза.

— Поезд? — задумчиво повторил Каттани. — Возможно, он поможет нам разобраться, в чем тут дело.

— Кто — он?

— Один человек, которому многое известно и который сейчас находится здесь, в этом самом доме.

Эстер взяла комиссара за руку.

— Я только что видела, как тебя обнимала какая-то женщина. — Она пристально поглядела ему в глаза. — Кто это?

— Ее зовут Сильвия.

— Меня интересует не ее имя. Я спрашиваю, что она для тебя значит?

Коррадо положил на плечо Эстер руку и проговорил:

— Мне кажется, я ее люблю.

Эстер сразу погрузилась. Она прислонилась к дереву и задумалась.

— Цель, которую я перед собой поставила, почти достигнута: Тано уже на краю пропасти, хотя еще не догадывается об этом. Мне бы радоваться, а я вдруг почувствовала себя страшно одинокой.

Он покосился на нее и ласково проговорил:

— Но ведь у тебя есть я, Эстер.

Но Эстер будто не слышала его слов, с отсутствующим видом глядела куда-то вдаль; казалось, ее покинула обычная самоуверенность. Но когда комиссар попробовал обнять ее за плечи, она покачала головой и отстранилась.

— Нет, — сказала Эстер, — не надо притворяться.

Коррадо хотелось убедить ее, что это не притворство, а искренний порыв. Он схватил ее за руку и привлек к себе. Эстер на этот раз не сопротивлялась и нежно положила голову ему на плечо.

— Ах, Коррадо, — ласково прошептала она, — и почему ты не обнимал меня вот так всегда?..

Когда комиссар возвратился в дом, где находились все остальные, он сразу же спросил старого Главу Семьи, известно ли ему что-нибудь о поезде, который должен пересечь пол-Европы.

— Да, — ответил тот. — Это состав, груженный пятьюстами тоннами радиоактивных отходов. И всю эту отраву, эту гадость хотят выгрузить на один из островков возле Сицилии.

С этой минуты старик, как и обещал, начал рассказывать Коррадо про мафию. Всевозможные интриги, войны между кланами за контроль над рынком наркотиков, поддержка, получаемая мафией от видных политических деятелей...

Позже, в кабинетах прокуратуры, старик продолжил свой рассказ, назвал имена тех, кто составляет Купол мафии, сообщил, что сенатор Салимбени принадлежал к их организации. Он также объяснил, какую роль играет Тано, рассказал, как на него пал выбор и как ему было поручено заботиться о финансовых интересах мафиозных кланов.

— Но человек номер один во всех этих делах, — добавил старик, — некий деятель по имени Антонио Эспиноза. Именно благодаря ему стал возможным захват «Международного страхования» мафией, и именно он организовал эту гнусную аферу с поездом.

Поезд... Он уже проехал всю Швейцарию и порядком углубился в Италию. Сейчас он находился уже где-то возле Виареджо.

— Лучше его не задерживать, — сказал глава прокуратуры Фалиши. — Мы не станем мешать его продвижению, но будем следить за ним, не спуская глаз.

В кабинетах прокуратуры царило небывалое оживление. В секретном порядке готовились ордера на арест. В отношении всех, кого назвал старик, были начаты розыск, расследование, проверка.

— На завтра я созвал совещание всех работников итальянских правоохранительных органов, которые занимаются мафией, — объявил Фалиши.

Все испытывали глубокое удовлетворение — его было не скрыть, оно ощущалось чуть ли не физически. Всех заражала атмосфера одержанной победы, с трудом подавляемой радости. Однако среди этой всеобщей эйфории произошло одно событие, которое вызывало на лице Фалиши брезгливое выражение. Верзиле Джуньи удалось застукать секретаря прокурора в тот момент, когда он пытался кому-то сообщить по телефону о том, что старик раскололся.

Джуньи сгреб секретаря своими ручищами и выволок из кабинета.

— Я давно уже к тебе присматривался, — сказал ему полицейский.

Каттани тоже давненько уже мечтал прижать к стенке

одного человека. И наконец в тот вечер выдался подходя-
щий случай. С двумя своими подчиненными он поджидал
сенатора Салимбени в номере шикарного отеля, в котором
тот остановился в Милане.

— Что означает этот балаган? — спросил сенатор,
входя в номер.

— А, вот и наш сенатор, — сказал комиссар, пропустив
его слова мимо ушей. — Послушай, ты знаешь, какой
суммы достигают в Италии взятки, «проценты» от сделок,
доходы, получаемые в результате коррупции? Подсчитано,
что несколько десятков миллиардов. Представляешь, этой
суммы хватило бы, чтобы покрыть весь наш финансовый
дефицит.

— Будьте осторожны, Каттани! — вскричал, чуть не
впадая в истерику, Салимбени. — В первый раз я вам
простил, но если вы опять попытаетесь вывести меня из
терпения, я вас сотру в порошок.

— Лучше попридержи язык, — ухмыльнулся Катта-
ни, — ты не на митинге, тут некому вешать на уши лапшу.

Салимбени начал проявлять признаки беспокойства.
Инстинктивно он почувствовал, что на этот раз дело
приняло серьезный оборот, и не видел выхода. В надежде
избавиться от этого зарвавшегося полицейского он поднял
телефонную трубку, намереваясь позвонить одному из
своих влиятельных друзей.

Комиссар молниеносно схватил телефонный шнур и
вырвал из розетки, а аппаратом запустил в стену.

— Нет! Тебе уже никто и ничего не поможет. Выслу-
шай, что я тебе очень спокойно и очень любезно скажу.
Сейчас ты пойдешь с нами в прокуратуру. Там тебя кое-
кто ждет, этот человек готов высказать тебе в лицо
некоторые вещи, которые, поверь мне, характеризуют тебя
не слишком лестным образом. А проще говоря, доказыва-
ют, что ты обыкновенный жулик.

Сенатора передернуло от страха. Он метнул на Катта-
ни взгляд, полный отчаяния, и пробормотал:

— Но вы не можете меня арестовать, я член парла-
мента и пользуюсь неприкосновенностью.

— Да нет, — ответил комиссар, — я и не собираюсь
тебя арестовывать. Это произойдет потом, когда сенат
выдаст разрешение. Я только хочу, чтобы ты своими
ушами услышал от этого человека, сколько разных нако-
стей ты натворил в жизни.

Не говоря ни слова, Салимбени кивком дал понять, что
готов следовать за Каттани.

На исходе этого долгого дня комиссар подвел про себя первые итоги и пришел к выводу, что дело идет неплохо. Чистка авгиевых конюшен началась в широком масштабе. Он именно этого и хотел, именно этого, не жалея сил, и добивался. Может, на этот раз и впрямь удастся довести дело до конца, подумал он и вздохнул.

На следующий день Каттани решил, что пора свести счеты и с другим заклятым врагом. Тано Каридди поднялся в то утро с первыми лучами солнца и с видимым удовольствием просматривал газеты, в которых заметное место занимали сообщения о его сенсационном успехе — захвате «Международного страхования». Кто писал о нем как о прогрессивном, энергичном финансисте, а кто даже называл деятелем нового типа, яркой звездой, неожиданно вспыхнувшей на небосклоне итальянской экономики.

Он был на вершине блаженства, когда в комнату вошла жена. На губах у нее бродила какая-то странная улыбка. Она медленно приблизилась к Тано, устремив на него жесткий, решительный взгляд. Он сразу почувствовал, что с нею что-то не так.

— Вы только поглядите на него, — протянула она едким тоном. — Великий финансист! Распустил хвост, как павлин.

— Что с тобой, Эстер? Наверно, плохо спала? — спросил он, несколько задетый ее насмешливым тоном.

— Нет, я спала прекрасно, — резко ответила она. — Это тебя должны мучить кошмары, потому что тебе, Тано Каридди, крышка!

— Ты что — рехнулась? Что ты несешь?

— Ты погиб, — повторила она с холодной яростью. — В день своего триумфа ты вновь падаешь вниз, в пыль и прах. И знаешь почему? Потому что я тебя предала. День за днем по крохам я собирала все твои секреты. И выдала их.

Тано вскочил, глаза у него яростно сверкнули.

— Ты что, шутишь?

— Нет, не шучу. Я тебя обманывала. Притворялась, что люблю, но ненавидела тебя и, когда лежала с тобой в постели, ничего не испытывала, кроме отвращения.

Тано словно ударило молнией.

— Замолчи! — завопил он. — Сейчас же замолчи!

Она истерически залилась злобным и издевательским смехом.

— Ах, значит, наш великий финансист боится правды?!

Больше он не мог сдерживать душившую его ярость и изо всех сил наотмашь ударил жену по лицу. Она пошатнулась и попятилась, слегка оглушенная. Но всего лишь на какое-то мгновение. Тотчас придя в себя, она продолжала:

— А знаешь, кому я передала всю собранную мной информацию?

— Хватит! — срываясь на визг, заорал он, и жилы на шее у него уродливо вздулись.

Словно не слыша его, она спокойно закончила:

— Комиссару Каттани.

Неожиданно умолкнув, Эстер подошла к окну. Смотря на поля и деревья, она вдруг почувствовала, как у нее из глаз медленно, одна за другой, капая и текут по щекам слезы — нестерпимо горькие и печальные.

Чуть позже прибыл комиссар. И успел услышать, как Тано звонит по телефону Эспинозе.

— Я начал жечь все бумаги, — сообщил Тано. — Советую и вам. Все равно всему конец. Полный крах.

Повесив трубку, он заметил, что на пороге стоит Каттани и пристально на него смотрит.

— Входи, — хладнокровно пригласил его Тано. — Я тебя ждал.

— Где Эстер? — спросил Каттани.

— Там, наверху, — невозмутимо ответил Тано. — Спит. Ты знаешь, что она хотела уйти к тебе? Ну уж нет, ты и так у меня все отнял, не мог же я отдать тебе и ее.

От этих слов Каттани ударило будто током, он стремглав бросился наверх. Эстер, одетая, лежала на постели, голова ее тонула в подушках.

— Эстер! — окликнул ее Коррадо.

Дотронулся до ее руки, потом попробовал тихонько приподнять и только тут увидел темневшую у нее на груди рану.

— Нет! — в отчаянии закричал Каттани. — Нет!

Он взял ее на руки и, словно укачивая, прижал к груди. Гладил волосы, руки и вдруг заметил у нее на запястье свои старые часы, которые она когда-то взяла у него на память.

Осторожно опустив ее тело на постель, он кинулся вниз.

— Убийца! — заорал он в лицо Каридди, в бессильной ярости сжимая кулаки. — Что ты наделал? Ведь ей было всего двадцать лет!

БОЛЬНИЦА

Каттани ехал к Эспинозе.

Он без передышки гнал машину до виллы «Паузания» близ Локарно. Тяжелые железные ворота ему отворили двое охранников. Они сели в его машину и по извилистой аллее, по сторонам которой высились деревья и были разбиты цветочные клумбы, сопровождали до дверей виллы.

Телохранители не произнесли ни слова. Ограничились тем, что встретили и проводили. Словно заранее знали о его приезде, словно его ждали.

Прежде чем впустить в дом, один из них, по-прежнему молча, встал перед ним — широкоплечий, массивный, смуглолицый — и кивком головы приказал поднять вверх руки.

Комиссар, не споря, подчинился. Его очень тщательно обыскивали с ног до головы, вынули из-за пояса пистолет и только тогда позволили перешагнуть порог.

И тут Коррадо увидел наконец Эспинозу.

Он сидел за большим письменным столом, а рядом с ним на полу стояли две дорожные сумки. Как раз в этот момент вошел парень в вельветовом пиджаке и взял сумки. Эспиноза показал ему на третью, прислоненную к книжному шкафу.

— И эту тоже.

Парень в вельветовом пиджаке вышел через стеклянную дверь, которая вела в сад, и понес сумки к вертолету, стоявшему на гладком зеленом газоне.

Эспиноза поднялся из-за стола и легким, бесшумным шагом двинулся навстречу комиссару. На нем был мягкий кашемировый пиджак, безукоризненно сидевший на статной фигуре. Он поистине обладал тем, что называется представительной внешностью и аристократическими манерами. Такие люди, как он, внушают к себе уважение одним своим видом.

Эспиноза сухо поздоровался с Коррадо, причем лицо его не отразило абсолютно никаких чувств, словно он был робот или инопланетянин.

— Вы чудом застали меня, комиссар, — произнес он. —

Как видите, я уезжаю.

Не приглашая Каттани сесть, он стал переставлять стоящие на столе предметы: менял их местами, словно подготавливая поле для сражения.

— У меня всего несколько минут, — небрежно бросил он, — но я буду рад вас выслушать. — Он смерил его проницательным взглядом своих светлых глаз. — Так кто же вы все-таки такой? Борец за правду и справедливость?

Каттани пристально глядел на него, засунув руки в карманы плаща.

— Я — враг таких мошенников, как вы, — ответил он.

Эспиноза улыбнулся, погладил кончиками пальцев свой красивый шелковый галстук.

— Я — коллекционер, — проговорил он. — Вот смотрите. — И широким жестом обвел комнату, указывая на антиквариат, хранящийся за стеклом горок и шкафов. — Но я коллекционирую вещи и другого рода. — Он извлек из секретера папку и положил на стол. — Здесь содержится до самых мельчайших подробностей все, что относится к жизни одного промышленника. — Он вынул другие папки. — А здесь — сведения о грешках крупного банкира. Вот тут — все, что касается одного видного политического деятеля.

Каттани презрительно усмехнулся:

— Материал для шантажа, для дальнейшей коррупции.

— Чепуха, Каттани. Лучше скажем — товар для обмена. Видите ли, у коррупции, как и у всего на свете, две стороны: все зависит от того, с какой стороны на нее посмотреть. Она необходима, поверьте мне, чтобы облегчать многие превосходные торговые сделки.

— Как, например, сделку относительно поезда, — сказал комиссар. — Преступную сделку. Вы хотели отравить землю нашей страны. Но мы его остановили, этот ваш поезд со смертоносным грузом. Дело это лопнуло, так же как не удался и захват «Международного страхования», ибо Тано арестован. — В комнате на мгновение воцарилась тишина, потом Каттани презрительным тоном добавил: — Вы проиграли, Эспиноза.

— Вам так кажется? Нет, не проиграл. Этот поезд вы задержали, но десятки, тысячи таких составов придут по назначению, и никто не осмелится их остановить. Избавляться от радиоактивных отходов — наша общая необходимость, и я нашел удачное решение. Мы будем это

делать, потому что правительства европейских стран в этом вопросе единодушны. Выше нас никого нет, дорогой Каттани. И знаете, как это называется? Имя этому — власть. — Он развел руками и насмешливо улыбнулся. — Настоящая власть, — подчеркнул он. — Вы подошли к непреодолимому барьеру.

Каттани стоял против Эспинозы в каких-нибудь двух метрах. Он был готов поддаться инстинктивному порыву и схватить его за горло. Но вовремя взял себя в руки и спросил:

— Ну и что же вы, обладая настоящей властью, собираетесь теперь со мной делать? Пристрелите?

Эспиноза, казалось, был удивлен.

— Поверьте, только не я.

Парень в вельветовом пиджаке снова появился на пороге двери, выходящей в сад, и, подняв вверх большой палец, доложил:

— Все о'кей.

— Хорошо, — сказал Эспиноза. Потом повернулся к Каттани и по-прежнему с холодным и бесстрастным видом произнес: — Как видите, мне действительно пора уходить.

Комиссар смотрел, как он идет по саду уверенной походкой, с высоко поднятой, отливающей серебром головой. Этот человек — последнее звено преступной цепочки. Самое прочное, самое скользкое, самое неподатливое. Глядя ему в спину, Каттани подсадовал, что не знает еще, с какого бока можно взяться за дело, но твердо решил, что найдет способ его разоблачить. И поклялся себе в этом с такой страстью, что у него само собой вырвалось вслед удаляющемуся Эспинозе:

— Я разыщу вас хоть на краю света!

Не оборачиваясь, тот помахал рукой и отозвался:

— Прощайте, комиссар.

Лопасты винта завертелись с оглушительным шумом, и через несколько секунд вертолет оторвался от земли, набрал высоту и исчез за холмами.

Когда комиссар возвратился в Милан, Лорелла уже собиралась уезжать. Она возвращалась в Германию в свой английский колледж.

— До твоего отъезда, — сказал ей Каттани, — мне хотелось бы показать тебе одного человека. Он был другом твоего отца, и совсем еще маленькой ты частенько сидела у него на коленях. Теперь он очень болен,

и встре
страдан
— О
видаюсь
Корр
соверше
— С
Глаз
вушка,
женно
Катт
— Я
и добав
Огр
руку, и
ганно н
— С
с трудо
Глуб
— У
А Ф
посмотр
дочь, с
сжать
Уже
полная
тани п
героя?
Нек
персона
их сме
надоеда
избави
скучил
расста
Я ж
самому
у вас е
мною:
возмо

и встреча с тобой наверняка хоть немножко облегчит его страдания.

— Ох, конечно,— ответила девушка,— с радостью по-видаюсь с ним.

Коррадо отвез ее в больницу к Фроло. Тот лежал совершенно неподвижно, но не спал.

— Смотри, кто приехал,— проговорил Каттани.

Глаза Фроло засветились таким счастьем, что девушка, притянутая его взглядом как магнитом, завороченно приблизилась к его кровати.

Каттани нагнулся и прошептал Фроло на ухо:

— Я выполнил свое обещание.— Потом обернулся и добавил: — Смотри, какая она хорошенькая.

Огромным усилием больному удалось протянуть к ней руку, и девушка взяла ее в свои ладони. Каттани растроганно наблюдал за встречей отца и дочери.

— Он не может говорить,— объяснил комиссар.— Ему с трудом удастся двигать лишь одной рукой.

Глубоко взволнованная, Лорелла кивнула и заметила:

— У него очень хорошие глаза...

А Фроло полными слез глазами сначала выразительно посмотрел в лицо Каттани, а потом перевел взгляд на дочь, словно пытаясь сказать, как ему хотелось бы сжать их обоих в одном крепком объятии.

* * *

Уже близок финал нашего повествования. Долгая, полная драматических поворотов история комиссара Каттани подходит к концу. Но какая судьба ждет нашего героя?

Некоторые писатели успевают так полюбить своих персонажей, что никак не могут примириться с мыслью об их смерти. Другим же авторам их герой настолько надоедает, что им в конце концов уже не терпится от него избавиться. Например, Сименон, которому смертельно наскучил его Мегрэ, в один прекрасный день решил с ним расстаться и дал ему умереть.

Я же подумал: а не лучше ли предоставить читателю самому выбрать, чем кончится эта книга? Поэтому, если у вас еще осталась хоть капелька терпения, следуйте за мной: я предлагаю вам на выбор два из множества возможных финалов.

ФИНАЛ ПЕРВЫЙ

Треви, поглядев на часы, напомнил, что пора ехать, иначе Лорелла опоздает на поезд. Уже на пороге она в последний раз обернулась, словно немного колеблясь. Потом стремительно вышла из палаты и побежала догонять Треви.

Оставшись наедине с Фроло, Коррадо сел рядом с постелью и улыбнулся ему.

— Я хочу рассказать тебе, — начал он, — одну историю из своего детства. Мне было лет восемь, когда однажды учительница нам объяснила, как найти Полярную звезду. Надо отыскать на небе маленькую повозку, подняться вдоль ее дышла и вот она, звезда, которая много веков указывает путь людям. — Каттани глубоко вздохнул. — Казалось, чего легче. И вот как-то вечером я решил попробовать ее найти. Но, увидев на небе тысячи звезд, я воскликнул: «Пресвятая мадонна, да разве ее отыщешь? Откуда надо начать?» Я был растерян, ошарашен. Вот так же, как сейчас. Я и сегодня себя спрашиваю: разве могу я, маленький человек, в одиночку найти правильный путь?

Коррадо слегка покачал головой и встал. Ободряюще похлопал на прощание Фроло по плечу.

— Ну, я пошел.

Выйдя из палаты, он не спеша побрел по длинному серому коридору. Открыл стеклянную дверь и поежился от прохладного вечернего воздуха. Поднял воротник плаща, закурил сигарету. Над головой было чистое, ясное небо, усеянное множеством звезд.

Коррадо начал спускаться по длинной лестнице во двор больницы. И тут, в ночной тишине, он услышал звук открывающейся дверцы одной из стоявших во дворе машин «скорой помощи». Резкий, сухой, зловещий звук, вслед за которым щелкнула дверца другой машины.

Каттани продолжал идти вниз по лестнице, попыхивая сигаретой. Вдруг дверцы обеих санитарных машин широко распахнулись и внутри блеснули стволы автоматов.

— Эй, комиссар! — окликнул его хриплый, резкий голос, полный затаенной яростной злобы.

Сохраняя спокойствие, Каттани вскинул голову и спустился еще на одну ступеньку. Он уже почти сошел вниз, когда первая пуля ударила его, словно молотком, в плечо. Он пошатнулся, но сумел удержаться на ногах. И сразу же автоматной очередью ему перебило ногу. Чтоб не

упасть, Коррадо пришлось ухватиться за железные перила.

Ему стоило нечеловеческих усилий заставить свое тело двигаться, делать еще и еще один маленький шаг вперед, будто бросая вызов своим убийцам. Но в эту минуту новая очередь прошила ему грудь, и он медленно сполз на землю у последней ступени.

Каттани лежал навзничь, с лицом, обращенным к небу, глаза его были полуоткрыты, словно он все еще хотел найти там, наверху, Полярную звезду.

ФИНАЛ ВТОРОЙ

Мы вновь в больнице, в палате Фроло.

Не успели уйти торопившиеся на вокзал Лорелла и Треви, как приехала Сильвия. Она заглянула в палату и осталась стоять на пороге, не решаясь войти.

Фроло как раз задремал. Каттани на цыпочках подошел к ней, и Сильвия шепотом спросила:

— Ну как он?

Коррадо огорченно покачал головой и прошептал в ответ:

— Состояние не улучшается.

Он взял ее под руку и повел к выходу по длинному безлюдному коридору, пропахшему острым запахом лекарств.

— Я здорово устал,— пожаловался он.

— Теперь ты можешь чуточку перевести дух,— заботливо проговорила Сильвия.— Поедем домой, приготовлю тебе что-нибудь горячее.

Они вышли из подъезда больницы. Поежившись от прохладного вечернего воздуха, еще теснее прижались друг к другу. Спускаясь по лестнице во двор, Коррадо приостановился, залюбовавшись усеянным звездами небом.

— Когда я был маленький,— сказал он,— я пытался найти там, вверху, Полярную звезду, но никак не мог ее отыскать среди тысяч светящихся точек. Пожалуй, со времен детства я далеко не продвинулся. Все ищу свою путеводную звезду.

— Как мне хотелось бы помочь тебе в твоих поисках,— сочувственно отозвалась Сильвия.

Коррадо повернулся, задумчиво поглядел на нее и негромко ответил:

— Придется тебе этим заняться.

Они спустились по лестнице, вышли на просторный двор, и тут перед ними выросла огромная фигура Джуньи. Он бросился открывать дверцу машины.

— Прошу вас.

— Нет, спасибо, — отказался комиссар. — Мы немножко пройдемся, как все нормальные люди.

Сильвия взяла его пальцы, которыми он держал ее под руку, переплела со своими и ласково погладила другой рукой.

— Знаешь, о чем я мечтаю? — спросил комиссар. — Жить среди людей, не боясь их. Без того, чтобы ходить под вооруженной охраной, без того, чтобы прятать под пиджаком пистолет.

— Это невозможно до тех пор, — отозвалась она, — пока существуют разные терразини, каридди и эспинозы.

Внезапно нахмурясь, он выставил вперед подбородок.

— Такие люди будут всегда, главное — не давать им ни минуты передышки. В конце концов они не выдержат и взмолятся о пощаде.

Он сунул руку в карман и, что-то вытащив, раскрыл ладонь — на ней лежали три белые пуговицы.

— Что должна сделать женщина, — неожиданно жалобным тоном спросил он, — когда у несчастного холостяка все рубашки без пуговиц?

— Ах, Коррадо! — рассмеялась Сильвия, и смех ее в кои-то веки прозвучал весело, беззаботно. Она сгребла у него с ладони пуговицы и спрятала себе в сумочку. — Ладно, придется тобой заняться.

Сильвия встряхнула головой, откидывая со лба волосы, и положила ее на плечо Коррадо. Она шла, прижавшись к нему, закрыв глаза, доверяясь его руке. Коррадо повернул ее лицо к себе и легко и нежно поцеловал в губы.

НЕЗЕ МАРКО

СПРУТ 3—4

Редактор Е. Стояновская
Технический редактор Е. Ратникова
Корректор Л. Олевская

Сдано в набор 28.05.91. Подписано в печать 30.08.91.
Формат 84×108/32. Бумага писчая № 1. Гарнитура Литературная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 13,87. Тираж 150 000.
Заказ № 341. Цена 10 руб.

Уральское отделение МШК МАДПР «Каменный пояс».

Отпечатано с фотоформ, изготовленных в областной типографии
г. Твери.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск,
пр. Ленина, 49.

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ «ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА»

Фирма «Каменный пояс»

*приглашает заинтересованные организации и предприятия
к взаимовыгодному сотрудничеству:*

*— в распространении нашей книжной продукции:
детективно-приключенческий жанр, история, культура,
деловая информация — торговая скидка до 20 %!*

*— ваши интересы на Свердловской товарной бирже
представит брокерская фирма «Каменный пояс»: контрак-
ты по купле-продаже, выгодное размещение свободных
средств, информация о спросе-предложении на товары
и услуги, установление прямых хозяйственных связей;*

*— социологическое и социолого-психологическое кон-
сультирование, исследование причин конфликтов и выяв-
ление скрытых резервов — выполняют квалифицированные
специалисты*

ФИРМЫ «КАМЕННЫЙ ПОЯС»!

**Контактные телефоны в г. Свердловске:
55-66-15, 51-94-59**